

Делия С. Гусман



Сегодня
я увидела...



Annotation

Первая публикация на русском языке сборника философских эссе Делии Стейнберг Гусман, известного философа, писателя, музыканта, чьи книги и статьи изданы уже во многих странах мира.

Внимательный взгляд, полный сострадания к миру, философский склад ума и душевная тонкость человека искусства позволяют автору в самом, казалось бы, простом и обыденном явлении повседневности увидеть глубину, найти пищу для души.

- Делия Стейнберг Гусман

- * *

- I

- ...людей, которые пытаются удержать в равновесии карточный домик

- ...слепца

- ... фантазера

- ... честолюбца

- ... человека, одурманенного наркотиками

- ... наркомана

- ... хиппи

- ... инопланетянина

- ... творение великанов

- ... свою современницу

- ... ребенка (I)

- ... ребенка (II)

- ... Ребенка (III)

- ... Волхвов

- ... толпу

- ... старого человека

- ... Нового Человека

- II

- ... одиночество среди людей

- ... болезнь, которая называется «одиночество в кругу друзей»

- ... нехватку подлинного

- ... смятение

- ... престиж

- ... нужду

- ... абсурд

- ... ложь (I)

- ... ложь (II)

- ... насилие
- ... воспоминание
- ... Надежду
- ... смерть
- ... Любовь

○ III

- ... музу Истории
- ... Эвтерпу, совершеннейшую из муз
- ... Талию, музу Комедии
- ... Мельпомену, музу Трагедии
- ... музу Танца
- ... еще одну музу
- ... Полигимнию
- ... Уранию, музу звездного неба
- ... Каллиопу

○ IV

- ... мир сверху
- ... то, что не всегда можно увидеть обычными глазами
- ... парапсихологический феномен
- ... как на сцене театра мира ставят очень древнюю и занимательную пьесу: «Миф о пещере»
- ... как История на мгновение остановилась
- ... как поворачивается колесо времени
- ... свет
- ... Музыку
- ... Весну (I)
- ... весну (II)
- ... экологию в действии
- ... как падает лист
- ... раны Земли
- ... как дрожит Земля
- ... Идеал, называемый Новым Акрополем

○ V

- ... кота
- ... аиста
- ... НЛО
- ... звезду
- ... дорогу
- ... замок
- ... меч
- ... пески пустыни
- ... ветер

- ... море
- ... реку
- ... снег
- ... каплю воды

Делия Стейнберг Гусман
Сегодня я увидела...

«Сегодня я увидела...»

Это незавершенное название, читатель, и я оставляю его таким, чтобы каждый раз мы могли дополнять его все новыми образами, которые будем открывать в повседневной жизни. Мы столько всего видим – и мимо стольких вещей проходим, не задерживая на них внимание... Эти кажущиеся незначительными вещи становятся великими, если проникают в наше сердце. Именно им я и хочу посвятить страницы этой книги – вещам, о которых говорят редко и шепотом, потому что мы живем во времена, когда разноголосица внешнего мира заглушает тихий голос души.

...людей, которые пытаются удержать в равновесии карточный домик

Сегодня я увидела людей, которые пытаются удержать в равновесии карточный домик, и чуть лучше поняла, что такое неустойчивость...

Все мы ищем чего-то устойчивого, надежного, долговечного – чего-то, что, не меняя нас насильственно, не ломая нас, все же помогало бы нам двигаться вперед, развиваться.

Ребенок строит карточный домик затаив дыхание – он так боится, что хрупкое сооружение рассыплется! Он играет, зная, что недолго сможет удерживать эти кусочки картона – модель его будущей реальности. Но ни один ребенок не пытается влезть в свой карточный домик или взобраться на него... Скорее всего, он думает, что когда-нибудь «станет большим» и начнет строить по-настоящему, а вместо карт у него будет настоящий, прочный материал.

Поэтому так странно видеть больших «детей», которые все еще придумывают себе прочные карточные домики и продолжают играть, живя в иллюзорном бумажном мире.

Однако Жизнь и История – это не только рассказ о безуспешных попытках найти равновесие. Чтобы создать что-то устойчивое и самим обрести устойчивость, нужно сначала внимательно посмотреть, чем мы располагаем. Возможно, карты ярче и красивее, чем камень и металл, но все же у каждого из этих материалов свое назначение: из камня и металла возводят прочные конструкции, а из карт – иллюзии, которые могут стать реальностью, а могут и рухнуть.

Когда мы выбираем дом, машину, бытовую технику или лекарство, то жизненный опыт подсказывает, что разумнее всего обратиться за советом к более сведущим. Точно так же, собираясь построить что-то, можно обратиться к Истории, и опыт, накопленный ею, даст нам примеры конструкций, над которыми не властно время и которые служат людям надежной опорой.

В древней восточной притче говорится, что Цивилизация подобна доске, лежащей на двух деревьях – древе Духа и древе Материи. Чтобы не возникало перекоса, деревья эти должны быть одинаковой высоты. И здание нашей Цивилизации разваливается именно потому, что уже очень давно мы поливаем лишь древо Материи, листья которого и есть те самые карты из нашего рассказа.

Сегодня я увидела, как мало их – пусть их будет больше! –

людей, поливающих другое дерево, древо Духа, основу Порядка и Устойчивости, которые произрастают из Веры и Знания.

Сегодня я увидела слепца.

На самом деле он был не просто слепым – к несчастью, у него отсутствовали все чувства, просто образ слепоты лучше всего выражает это состояние. Кажется, что слепота, роковая лишенность света, включает в себя и неспособность слышать, осязать, обонять и чувствовать вкус.

Но не подумайте, что человек, о котором я пишу, страдал заболеванием глаз или что у него не хватало каких-то органов. Он был более чем слеп именно потому, что у него были глаза, были уши, были и рот, и нос, и тонкая чувствительная кожа, но он не умел пользоваться ими.

Я увидела худшего из слепцов – того, кто не желает и поэтому не может видеть. Незрячий человек, нуждаясь в поддержке, пользуется белой тростью и развивает особую чувствительность, позволяющую ему знать цвет неба, чувствовать присутствие другого человека или даже угадывать улыбку или раздражение тех, кто его окружает. Но наш слепец, который свободно, безо всякой трости может ходить по улицам, – он не замечает, не видит ничего и как будто бродит в крошечной тьме.

Однако он не сможет прозреть, пока сам не поймет, что слеп, поскольку он не только лишен способности чувствовать, но и не осознает этого.

В его распоряжении есть вся история человечества, но он предпочел забыть ее; он мог бы пользоваться накопленным опытом рода людского, но игнорирует его, поскольку не считает «своим». У него есть семья, есть друзья, но он отталкивает их в своем эгоистическом индивидуализме, пряча его под маской интеллектуальности и превосходства. У него есть возможность каждый день узнавать что-то новое, но он уверен, что уже все знает. У него есть искусство, способное утешить и возвысить его душу, но он предпочитает ему уродливое смешение шума, форм и цвета. У него есть Природа – образец порядка, которому можно следовать, но он предпочитает ему свой личный беспорядок, который называет «творчеством» и «свободой». Перед ним на каждом шагу предстает Бог, но он отвергает Его, в своей слепоте считая себя сильным и самодостаточным...

Но как же ослеп этот человек? Он ослеп, потому что забыл, что все его чувства лишь отражение высшей и глубинной способности видеть, слышать, осязать и вообще чувствовать. И человек стал использовать свое тело только как машину, механизм, аппарат, не задумываясь о том, что движет этим

механизмом, о том, что за мудрый повелитель управляет его чувствами.

И сегодня слепец играет с тенями и ложными образами, грезит о несуществующем мире и постепенно разрушает самого себя.

Вот парадокс: слепцу достаточно увидеть, чтобы прозреть!.. Ибо слепцы не увидят Нового Мира и не смогут жить в нем.

... фантазера

Сегодня я увидела фантазера.

Я знаю, что так называют того, кто живет неосуществимыми мечтами. Но мне показалось, что как раз мечтать-то он и не умеет.

Мне показалось, что фантазер создал себе вымышленный мир, потому что не осмеливается встретиться лицом к лицу с действительностью. Иллюзии не приближают его к реальности, а лишь служат завесой, отгораживающей его от истины.

Значение слова «иллюзия» хорошо объясняется его происхождением: *illus* – «грязь», «глина», то, что создает одну лишь видимость реальности. Иллюзии, фантазии не прочнее, чем глиняные фигурки, стоящие под дождем, а люди, которые питают эти иллюзии, верят в их обманчивую видимость, и называются фантазерами.

Но есть фантазеры – а есть мечтатели. На первый взгляд разница между ними неощутима, однако, присмотревшись, мы увидим, что первые никогда не покидают мира своих фантазий, тогда как вторые постоянно пытаются воплотить свои мечты.

Фантазер, которого я увидела, был одним из многих людей, старых и молодых, которые сами себе надели на глаза плотную повязку и теперь считают реальностью смутные тени, возникающие в их сдавленных тканью глазах. Эти тени, когда-то принятые за истину, эти осколки реальности искажаются, деформируются и в конце концов начинают служить оправданием расплывчатых образов, рожденных иллюзией. И потому стоит ли удивляться, что сегодня каждый день звучат совершенно нелепые утверждения и предположения, – если сохранять хотя бы каплю здравого смысла, оценивая их. Раб называет себя свободным, а свободный жалуется на свои цепи; юношу тяготит бремя жизни, а старик тешится забавами, более подходящими для подростков; грешник пользуется славой и признанием, а праведник скрывается от людей, преследуемый дурной молвой; невежда кичится своими познаниями, а мудрец смиренно молчит; больной хвастается своим здоровьем, а здоровый лелеет свою ипохондрию. Все это одна огромная иллюзия, колос сальный лабиринт, погруженный во тьму, и никто не знает, как из него выйти. Да никто на самом деле вы хо да и не ищет.

Поиск выхода требует усилий, а усилия фантазеру противопоказаны. Он не желает ни видеть, ни слышать, ни действовать. Иногда он просто о чем-то разглагольствует и позволяет, чтобы с ним что-то происходило.

Мечтатель, которого я хотела бы видеть вместо встретившегося мне фантазера (ведь пишушая эти строки тоже о чем-то мечтает), – это пример человека, создающего и самого себя, и мир, в котором ему довелось жить.

У него тоже есть мечты, идеальные образы, надежды (называйте как хотите), но они – первый шаг на пути к жизни, полной трудов и свершений. Так же как невозможно возвести здание без составленных заранее планов и чертежей или создать произведение искусства, не уловив его идеи, нельзя строить свою жизнь без путеводных образов. И в этом смысле мечты – это идеальные образы всего того, что мы хотим. Вернее, того, что мы хотим сделать, совершить, создать.

Мечтатель – это не смешной выдумщик, не безнадёжный фантазер, которому достаточно только тешиться своими грезами. Мечтатель – человек практичный и целеустремленный, он прекрасно отличает сферу ума от сферы действия. Когда он обдумывает свои идеи, когда вынашивает свои мечты, он прекрасно осознает, как и с помощью каких средств сможет их осуществить. А если какая-то мечта оказывается слишком далекой, он не отступает от нее, а просто начинает готовить все необходимое, чтобы когда-нибудь, когда придет подходящий момент, приняться за ее осуществление.

Мечтатель не пасует перед трудностями. У него есть мечты, и потому он знает, что должен победить трудности и преодолеть испытания, которые встретятся на его пути, на пути его роста.

Мечтатель не позволяет себе запутаться в каких-то беспорядочных, бессмысленных образах. Напротив, он властвует над своими идеями. Он знает, куда должен прийти, и поэтому создает свои идеи, обдумывает их и возвращается к тем из них, которые соответствуют его предназначению.

Человека, которого я хотела бы видеть, не обманут грязь и глина ложной реальности. Он владеет тайнами магической и человеческой алхимии, тайнами трансформации элементов: он превратил глину в прочный металл – сначала в железо, затем в медь и серебро, которые потом засверкают золотом истины. Это золото уже не исчезнет, это уже не иллюзия и фантазия, а душа, которая поселилась во всех его вчерашних мечтах. Душа, которая оживляет мечты сегодняшнего дня – реальность дня завтрашнего.

Сегодня я увидела человека, одержимого честолюбием.

По крайней мере, так мне объяснили. И еще объяснили, что честолюбие – это неутолимая жажда власти и обладания, которая отличает подобных людей от других, тех, кто мирятся с тем, что имеют и кем являются.

На первый взгляд такое определение вполне приемлемо, особенно если ты воодушевлен идеей Нового и Лучшего Человека, который день ото дня должен расширять свои горизонты. Но более вдумчивый анализ этого понятия неизбежно приводит к вопросам, ответы на которые не всегда нас удовлетворяют.

Чего ищет этот честолюбивый человек, что прошел сегодня мимо меня? О чем он мечтает? Как работает, почему и ради чего? Чего он хочет достичь?

Человек, которого я увидела, ищет признания – и своего благосостояния, и своего доброго имени, и своих дел. Но чьего признания он добивается? Какого-то Учителя Человечества, какого-то существа, обладающего особыми познаниями и высшей мудростью? Нет, ему нужно признание таких же, как он, людей, преследующих те же цели и ведущих борьбу за те же блага, борьбу без правил, принципов и морали. Если же вернуться к упомянутому благосостоянию, то оно понимается узко материально – как то, что можно измерить, взвесить и оценить в валюте. А доброе имя – это лишь известность, которая приходит следом за похвальными деяниями... ценность которых, впрочем, тоже измеряется в валюте.

Этот честолюбивый человек мечтает остаться на одной из ярких страниц Истории, но вместо этого, понуждаемый тщеславием, появляется на страницах газет и модных журналов. Так происходит потому, что, в представлении честолюбца, История всегда одинакова и социально-экономические факторы всегда играют в ней самую важную роль. Однако История совсем не такова и никогда не будет такой...

Этот честолюбивый человек много работает, и это нужно признать; но его работа не приносит никакой иной пользы, кроме повышения его самооценки и одобрения окружающих. У него не хватает времени на то, чтобы получать удовольствие от своего богатства, поскольку накопленные блага превратили его в раба самого процесса накопления. У его работы есть четкая цель, но это не сам труд и не постоянное совершенствование труда. Ее цель – результат, ценность которого опять-таки измеряется

золотом или же лестными (но, как правило, лживыми) словами.

Но, может быть, вы думаете, что этот честолюбивый человек плох? И полагаете так, поскольку мы глубоко заглянули в его жизнь и увидели последствия его действий? Будь это так, я бы сразу же подтвердила, что он сжигает свою жизнь в погоне за тем, что столь изменчиво и непрочное, – за материальными благами, за людской похвалой, за известностью и положением в обществе.

Нет, в честолюбце спят зерна более ценных человеческих устремлений, просто они не находят себе выхода, не находят настоящих путей реализации, и потому он отдает предпочтение путям более привычным и банальным, по крайней мере, на этом отрезке истории. В каждом человеке спят мечты, великие мечты, и в этих мечтах его собственная отвага и его достоинства растут день ото дня и завоевывают место в жизни. Но для того чтобы оживить эти мечты, для подлинного роста требуется много труда и усилий, а победы на этом пути не так ярки, как общепризнанные мирские успехи. В каждом человеке пульсирует инстинкт Славы, Чести; в каждом человеке живет потребность найти проводника, найти наставника, покровителя и защитника, который бы одобрял или порицал его, указывал на успехи и ошибки. А когда такого наставника нет, человек выбирает мнение толпы. Каждый человек способен к труду и отдаче, которые, если вернуть им подлинную важность и возвысить до их подлинного значения, могут превратить его в маленького волшебника, маленького строителя жизней, не зависящего от жалованья и пособий по бедности. Каждый человек испытывает жажду творчества, даже несмотря на то что машина повседневной жизни поработает его; но, не зная, как утолить эту жажду, он предпочитает счесть ее смешной и забыть о ней.

Наконец, в каждом человеке живет стремление к бессмертию. Никто не хочет умирать, ни один человек не желает мириться с мыслью о своем полном исчезновении, когда перестанет существовать и самый дух его, проникающий сквозь время и пространство. Но поскольку современные мифы настойчиво убеждают его в другом, человек пытается обессмертить себя, прибегая к помощи материи, полагая, что это единственная форма самовыражения, которой он владеет... Огромные здания, мощные автомобили, умные машины, громадные хранилища информации – все это вопль, обращенный к бесконечности, мольба о вечной жизни, отчаянная попытка запечатлеть память о прошлом и настоящем и передать ее в будущее.

Итак, мы не хотим лишать человека его честолюбивых устремлений. Устремления как категория субъективная ни плохи, ни хороши сами по себе. Все зависит от того, как их использовать.

Лучше объясним человеку, на что ему направить свои амбиции, в чем искать непреходящие ценности и где пролегает тот глубинный философский путь, на котором ни одно из его устремлений не придет в противоречие с правом его души на бессмертие.

Тем, кто хочет познавать, тем, кто любит открывать тайны природы, тем, кто жаждет узнать самого себя, тем, кто ищет гармонии, запечатленной в искусстве, тем, кто стремится подняться до Тайны, «Новый Акрополь» предлагает Школу для «честолюбцев» – для Вечно Устремленных.

... человека, одурманенного наркотиками

Сегодня я увидела человека, одурманенного наркотиками.

Он валялся на обочине дороги, почти не шевелясь и не делая ни малейшей попытки прийти в себя. Мне стоило больших усилий определить его возраст и даже пол... Он не принимал никакой помощи, не использовал ни малейшей возможности выйти из этого состояния – он хотел оставаться таким и только таким.

На ум сразу приходят тысячи объяснений, вспоминаются все известные изречения, все доводы, какими обычно оправдывают подобные печальнейшие случаи. Что довело этого человека, юношу, которого я сегодня увидела, до такого состояния? Я не знаю, что это было, алкоголь или один из множества наркотиков, которые сегодня свободно продаются повсюду – и нельзя показывать ни малейшего недовольствия этим, иначе ты автоматически будешь причислен к ретроградам. Но какая разница, что лишило этого человека сознания – алкоголь или наркотик? Ведь он не выходил из бессознательного состояния и серьезно рисковал уже никогда не обрести власти над самим собой, оставаясь на той дороге, которую когда-то выбрал.

Да, я знаю: молодые люди принимают наркотики, чтобы убежать от действительности, не жить вместе с обществом, которое они презирают, которое их не понимает и не находит для них места... Это самый избитый аргумент, хотя и не совсем ошибочный.

Возможно, наркотики помогают убежать от чего-то неприятного. Возможно, у старших, «отцов», которые должны направлять этих юношей, нет ни времени, чтобы уделять им внимание, ни достаточной привязанности к ним. И эти же старшие пытаются подражать молодым, которых не понимают. Пока «отцы», беззаботно оставив свои очаги, одеваются и танцуют «по-молодежному», ищут приключений, чтобы «не закоснеть», и пытаются забыть, что произвели на свет детей, эти дети убегают в объятия наркотиков – под чутким руководством плохих советчиков, которых хватает в любом уголке мира.

Тогда, выходит, все общество виновато в том, что молодые становятся наркоманами? Да, возможно, фальшиво-беззаботное общество, которое сегодня хочет угнаться за модой, и несет на себе ответственность, но не всю. Трудно поверить, что все члены общества сговорились сбивать с пути, разрушать изнутри, убивать своих молодых членов – тех, в чьих руках будущее...

Есть и другие виновные, и нужно искать их.

Виновны те, кто делает все возможное и невозможное, чтобы высмеивать то, что ценно для души человека, кто «сражается с Богом», кто развенчивает героев, кто собственными низостями пятнает великие деяния истории, кто, рядясь в одежды «наставников молодежи», превозносит грехи и принижает добродетели...

Виновны те, кто, в духе платоновой Пещеры, остаются в тени, пока анонимные руки, работающие на них, раздают наркотики и приобщают молодых к этому пороку, обогащающему немногих и губящему остальных.

Виновны те, кто, разрушая всё: любовь, дружбу, семью, честь, чувство долга, – не находят ничего, что могло бы заполнить образовавшуюся пустоту, кроме бегства в мир иллюзий, которые длятся лишь до тех пор, пока хватает денег в кармане у наркомана.

Виновны те, кто, ощущая себя ничтожными неудачниками, стремятся выделиться любой ценой и ради этого тянут вниз, до своего уровня, остальных – чтобы не было различий, чтобы царило «равенство», чтобы никто не отличался своими человеческими достоинствами.

Насколько легче разрушать, чем созидать!..

Но виновны, в конце концов, и сами молодые, которые позволяют наркотикам поймать себя в ловушку. Возможно, они виновны меньше других, но все же виновны. Их вина – в недостатке мужества: не нужно быть очень храбрым, чтобы принимать наркотики и противопоставлять себя обществу, но необходима большая отвага, чтобы отвергнуть их и продолжать трудиться в этом самом обществе, которое все же заслуживает того, чтобы становиться лучше.

Никто не может заставить другого человека думать так, как тот не желает думать. Сила воли – врожденное свойство каждого. Но если мы в состоянии слышать лживые голоса всех лжецов мира, мы точно так же способны расслышать голос нашего собственного сознания, которое, будучи справедливым по своей природе, всегда ясно показывает, что хорошо, а что плохо. Нам не повезло с родителями, у нас нет настоящих друзей, жизнь окрашена не в те тона, о которых мы мечтали? Все это не имеет значения! Мы не одиноки! Из глубин истории тысячи мыслителей, философов, «добрых людей» обращаются к нам и указывают тот путь, идя по которому каждый из нас может состояться как человек. Не нужно убегать от мира, нужно работать, чтобы он стал лучше, чтобы мы стали лучше!

История продолжается, несмотря на все ухищрения тех, кто пытается остановить ее ход. И, как показывает опыт истории,

плоды труда тех, кто выбрал стезю усилия и воли, гораздо прочнее и долговечнее, чем мыльные пузыри тех, кто разрушает, лишь бы не строить.

Выбор – за тобой, выбор – за тем одурманенным наркотиками юношей, которого я увидела на обочине... Мир **НОВЫЙ И ЛУЧШИЙ** ждет нас!

... наркомана

Сегодня я увидела наркомана. В лице этого бедняги, в его облике читалась история всей его жизни.

Мне показалось, что в его изломанной фигуре я различаю черты вчерашнего пытливого юноши, у которого еще нет ясных, определенных представлений о жизни, но есть неумемное любопытство, влекущее его все по знать, все испытать. Я увидела его в компании приятелей, которые, вознамерившись «сделать из него муж чину», предлагают испытать новые ощущения. Я увидела, как ухватился он за возможность убежать от повседневных забот, не беспокоиться больше о таких банальных проблемах, как учеба и работа, и взамен увидеть «яркие, красочные образы» и услышать «необыкновенные звуки»...

Я увидела, как испугался он сначала рискованного предложения своих приятелей и как потом уступил, чтобы не показаться трусом, доказать, что он настоящий мужчина. С этого все и началось.

Потом к привычке убегать от самого себя в наркотики добавились соответствующие взгляды на жизнь. Пришло презрение ко всем окружающим (разумеется, к тем, кто не употребляет наркотики), а после – и к самому обществу, в котором он живет. Пришла резкая критика всей системы социального устройства и «репрессивной морали» буржуазной семьи, которая не способна понять «чудес свободного духа». Пришло равнодушие и даже неприязнь к чтению, к познанию, к труду, к какой бы то ни было ответственности. Пришла привычка обвинять весь мир в том, что в нем невозможно выжить и прокормиться, не попав в «буржуазную ловушку» оплачиваемого труда. Пришла насмешка над любой формой веры и способностью тонко чувствовать.

Но главное – пришло тяжелое рабство. Бедный парень: мечтая о полной свободе, о духе, который, стоит лишь закурить, сбрасывает путы материи, о путешествии в своем воображении в новые, неизведанные миры, он попал в зависимость от конкретной, материальной дозы, без которой не мог обрести этой самой «свободы». Он был всего лишь в одном шаге от физической, психологической и моральной проституции: он стремился «освободиться» любой ценой. Но все равно оставался в плену у себя самого, в плену у собственной зависимости, приобретенной искусственно, в плену у низкого и темного мира, где обитают все слабости и пороки.

Я увидела сегодня, как бредет он по улицам, не обращая

внимания на машины и не слыша их нетерпеливых сигналов. Он был похож на тряпичную куклу: руки безвольно висели вдоль тела, а глаза смотрели в никуда. Погруженный в свои мысли, он шел, улыбаясь то ли грустно, то ли глупо и думая о том – если он еще был способен думать, – где бы раздобыть своего порабощающего зелья, чтобы еще разочек «освободиться».

Я увидела этого юношу-старика, и сердце мое наполнилось печалью. Нет, это была не жеманная псевдоморальная грусть, вызванная созерцанием чего-то недозволенного или непониманием юношеских проблем. Печаль родилась от очевидности неудач, как будто сосредоточившихся в этом несчастном существе, от всех загубленных мечтаний, от его растраченной зря энергии, от вида юности, которая теперь едва ли сможет вновь обрести счастье. Мне грустно было видеть человека без Бога, без веры в кого бы то ни было. Но все же, как ребенок, заблудившийся в темноте, он будто бы пытался нащупать что-то, на что можно опереться.

Я иду по жизни, стараясь видеть всё – видеть, чтобы учиться, – но даже я горячо взмолилась Богу, чтобы он не дал мне вновь увидеть такое страдание... Моя мольба была лишь минутной слабостью, вспышкой эгоизма. И я сразу же поняла: для того чтобы не видеть еще больших страданий, я должна дать себе слово устранять их причину.

Для этого у меня есть лишь мои слова и мое перо – весьма скромные средства, но я предлагаю их с искренностью того, кто тоже молод, но знает такие пути освобождения, где нет ловушек для тела и где душа не погибает, а, напротив, обретает крылья.

Сегодня я увидела хиппи...

Он показался мне призраком далекого прошлого, но после некоторого размышления я вынуждена была признать, что свой расцвет движение хиппи переживало не так уж давно. Я знала, что целые миры появляются и исчезают в круговороте времен, но хиппи, которого я увидела, заставил меня задуматься и о том, как стремительно сменяют сегодня друг друга циклы времени, словно вихрь ускоряя стрелки часов цивилизации.

Лохматый и длинноволосый хиппи носил линялую, специально состаренную одежду, он был живым воплощением протеста... Но протест этот был рожден не идеей движения хиппи – в этом человеке жил протест, вызванный тем, что перемены, на которые он надеялся, так и не осуществились. Протест, вызванный тем, что идея, которой он жил, не смогла изменить мир, ибо не воплотилась, не обрела конкретной формы и, выйдя из моды, тихо угасает сегодня.

Во времена, когда этот хиппи родился, когда он не был одинок, как сейчас, когда в разных уголках мира тысячи молодых людей вели подобный образ жизни, – тогда было против чего протестовать. Обветшавшие идеи и нравы требовали основательных изменений, и осуществить их могла именно молодежь, стремившаяся к искренности и чистоте. Фальши поверхностной морали необходимо было противопоставить действия благородные, идущие от сердца, а загрязненной атмосфере города – возрожденную любовь к природе. В противовес анонимному машинному труду требовалось вернуть ценность личным усилиям человека, чтобы хоть малая часть работы делалась вручную и чтобы каждое изделие отличалось хотя бы одной оригинальной деталью. Искусство, которое и так мало что выражало или не выражало ничего вовсе, превратилось в ремесленничество; даже та одежда, которую носило «старое» общество, была отвергнута ради новой «униформы» – костюма «бедняка»...

Да, хиппи и вправду желал изменить жизнь, но, вероятно, он не подумал о том, что изменить не значит только разрушить старый, отживший порядок; чтобы изменился образ жизни, необходимо установить другой порядок, действенный и прочный. Увы, из-за ложного понимания идеи свободы вновь разбилась мечта, которая могла бы воплотиться... Ради «свободы» были отвергнуты все системы, все формы организации, все обязательства, и каждый делал что хотел или что мог... Вот

почему хиппи, которого я увидела сегодня, не представлял всех хиппи: они были очень разными, у них было очень много идей, настолько сложных и противоречивых, что в конце концов общим остался лишь протест. Протест против всего на свете.

И ничего не изменилось... Общество, огромное, могущественное, или окончательно поглотило «старших» хиппи, или же навсегда исторгло их из себя, поскольку они уже не смогли приспособиться к жизни, и не только психологически: они страдали и тяжелыми физическими недугами, прежде всего из-за наркотиков.

Поэтому хиппи, которого я увидела, не знает счастья и ничему не радуется. Он просто бродит по миру в своем вечном протесте, но уже безо всякого смысла. Зерна его прекрасных идей: искренность, о которой они так много говорили, мечта жить среди братьев и делить с ними радости и горе, любовь к природе – вызывают сегодня разве что снисходительную улыбку. Ведь история прагматична, а хиппи не добились успеха. Они не смогли уйти дальше протеста. Общество так и осталось со своими старыми язвами.

А у молодых в груди по-прежнему kloпочет сила, которая дается людям с юных лет, – желание сражаться с несправедливостью, жажда создать новый и лучший мир.

Но кое в чем опыт хиппи пошел нам на пользу: сегодня мужчины «протестуют» и выделяются тогда, когда стригутся коротко, женщины – когда носят юбки, и все вместе – когда одеваются чисто. Сегодня молодые люди учатся и работают, сегодня они знают, что нет ни какого смысла отстраняться от общества, свысока указывая на его проблемы и ошибки; знают, что в самом сердце бури протеста всегда бьется чистое сердце юноши, готового побеждать себя самого и самоотверженно помогать другим.

... инопланетянина

Сегодня я увидела инопланетянина...

Вопреки расхожим представлениям, он не вышел из летающей тарелки, у него не было ни странных частей тела, ни глаз необыкновенного цвета, ни телепатических способностей. Он ничего не рассказал мне о своей удивительной планете и безграничных возможностях своей цивилизации, разумеется намного превосходящей земную.

Он не пытался предстать в образе «Учителя», которому ведомы скрытые истины, и не предсказал, что в будущем на нашей планете произойдут удивительные события.

Он не хотел доказать мне, что своими величайшими достижениями все древние цивилизации обязаны другим инопланетянам, появлявшимся на Земле в определенные периоды истории, чтобы из великого «научного сострадания» помогать людям. Он не открыл мне ни загадки египетских пирамид, ни тайны Ворот Солнца в Тиауанако, или «посадочных площадок» для космических кораблей в пустыне Наска, или космического путешественника, чье изображение украшает саркофаг майя в Паленке.

Он не играл роль благодетеля человечества и не пытался уверить меня в том, что без инопланетян оно осталось бы на самой первой, магической стадии своего развития.

Он не сбивал меня с толку скрытым материализмом, представляющим всех богов, которым поклоняется человек, в виде научных символов внеземной физики, отбрасывающей все чисто религиозное.

Он не бросился ко мне с дарами, которые приготовила Земле межгалактическая наука. И не потребовал от меня взамен ни какой-нибудь причудливой клятвы верности, ни еще более причудливых обещаний «Мудрецам» – сущностям, не имеющим ни тела, ни разума, ни (что, пожалуй, печальнее всего) нравственности и духовности; то есть «мудрецам», которые, должно быть, просто существуют, не испытывая никаких чувств.

Он не предрекал, что в будущем миром станут управлять «Великие Космоса сего», и не предлагал мне совершить астральное путешествие, чтобы познакомиться с его загадочной планетой.

Он не показался мне ни педантом, ни критиком. Он не просил не рассказывать никому о чудесах, которые мне показал, и не пытался убедить меня в том, что только избранным вроде меня может быть доступна эта новая форма космическо-планетарных

истин.

Он не мог сделать ничего из того, о чем я только что говорила, потому что инопланетянин, которого я увидела, был просто человеком...

Но почему он показался мне инопланетянином?

Потому что вопреки всем модным выдумкам самый первый и самый настоящий инопланетянин, с которым мы можем встретиться, – это человек. Но произойдет это лишь тогда (и будет происходить каждый раз), когда мы вспомним, что земную природу в человеке имеет только его материальное тело, а родина его души – беспредельное пространство Духа, откуда произошли и все те существа, которые и вправду могут населять множество планет во Вселенной.

Незачем искать истину вдали от дома, незачем убеждать себя в том, что все хорошее должно прийти издалека, – лучше обратить взгляд на то, что происходит вокруг, и в окружающей нас реальности искать величайшие ценности.

Легкомысленно и глупо поступают те, кто пытаются пробудить и поддерживать постоянный интерес к себе мелкими придумками и бессмысленными экспериментами. Великие души, конечно же, полны неизмеримого сострадания к людям, к их горестям и радостям, но сами они, будучи великими, не нуждаются в шумихе.

И еще более глупо и легкомысленно – презирать людей и свою планету, как делают те, кто верят, будто на нашем куске тверди не может произойти ничего хорошего без помощи извне.

Либо мы великие люди и можем делать важные, значительные дела и нам не нужна инопланетная помощь, либо мы маленькие жалкие существа, которые ни на что не способны без космического вмешательства.

Однако человек, тот истинный инопланетянин, которого я увидела сегодня, и мал, и велик одновременно. Он мал, поскольку его возможности ограничены материей. Чтобы развиваться, чтобы идти по пути эволюции, ему крайне необходимо обретать опыт, ведь этот человек привязан ко времени и пространству. Но он несет в себе также великую внеземную составляющую – свою душу, свою беспредельную сущность, искру Вечности, которая пульсирует в сокровенном и дает начало неизведанным мирам – не столько физическим, сколько мирам Веры и Мудрости.

И инопланетянин, которого я увидела сегодня, и все мы находимся в одних и тех же условиях, и мы способны построить из древесины самопожертвования «космический корабль» с мощным мотором знания и подлинной религиозности.

Направляемый твердой рукой внутреннего чело века – того самого инопланетянина, наш корабль полетит к забытым планетам Достоинства, Чести, Не-эгоизма, Мужества и Любви. И из этих путешествий принесет в наш мир столь желанное средство, которое очистит атмосферу Земли от туч материализма и порока.

Да, каждый может увидеть внеземное существо: каждый может разбудить свою спящую душу, потерявшую чувствительность из-за психологической и духовной атмосферы вокруг. А значит, приведя в действие бессмертную силу нашей вневременной сущности, мы вернем жизнь самым настоящим чудесам цивилизации, имеющим несомненно космическую суть, но в то же время – земное происхождение.

К традиционному списку чудес света надо добавить новое чудо – чудо быть Человеком, чьи ноги стоят на земле, а голова касается неба и звезд.

... творение великанов

Сегодня я увидела творение великанов... Следы этих людей-гигантов остались во многих уголках мира, и величие, которым дышит каждое их сооружение, нельзя не почувствовать.

Я называю их великанами, хотя никто не видел их: они были столь могущественны, что могли и оставлять на земле знаки своего присутствия, и, наоборот, безмолвно исчезать, погружаясь в таинство времени.

От мифических великанов нам остались одни лишь руины. Но даже они впечатляют – эти останки красноречиво говорят о том, каким совершенным был мир, в котором жили люди-гиганты. И если нас поражает даже то, что мы видим сейчас, какие чувства охватили бы нас, если бы нашему взору вдруг предстало все величие того мира?

По пяти материкам рассыпаны застывшие, неподвижные свидетели существования гигантов прошлого; они молча хранят свою тайну.

И как не называть этих людей великанами, когда видишь, с какими колоссальными камнями, колоннами и блоками они работали? Современная наука пока еще не дала убедительного ответа на вопрос о том, как древним людям удавалось передвигать подобные глыбы. Пожалуй, было бы странно утверждать, что они использовали для этого некие научные технологии, ведь это значит умалять достижения нашего времени. И все же – как они делали это? Как им удавалось получить власть над весом и объемом, преодолеть инерцию? Как они управляли пропорцией и перспективой, не имея инструментов? Может быть, все дело в том, что эти люди отличались от нас?

Я полагаю, да: они были великанами, однако величие гигантов, которых я увидела в самом сердце изумивших меня развалин, определялось не только их ростом. Многие изображения, относящиеся к древним временам – древним, по крайней мере, для нас, – представляют людей внешне очень похожих на нас. Их величина – их величие – совсем другого свойства.

Я замечала прежде, что в разных уголках земли: в Европе, Азии, Америке, Африке – самые главные, самые значительные памятники посвящались вовсе не человеку и не прелестям повседневной жизни. Совсем наоборот, их воздвигали в честь Бога, в честь Тайнства, их посвящали циклическому круговороту жизни и смерти, одним словом, чему-то вечному, непреходящему.

Именно здесь таится секрет моих людей-великанов. В их душах жили сила и величие, и жили так глубоко, что наполняли силой и величием все их труды.

Каждая сохранившаяся каменная плита, каким бы загадочным способом ее ни создали, являла собой торжественную песнь Жизни и Творцу Жизни. Люди-гиганты всегда были уверены в своих чувствах и потому были уверены в своих действиях.

Они знали, что умрут намного раньше своих творений. Но я увидела: они посеяли в этих камнях зерна вечности, словно символические письма, чтобы много лет спустя другие люди из расы великанов прочли их.

И сегодня я увидела это послание...

Его необходимо правильно понять, ведь сегодня мы так малы и так боимся великих идей. И великих дел тоже. Современные люди влюблены в материю, в бездушный строительный камень, и любопытно, что и дела, и камни день ото дня мельчают, потому что люди ничего не видят дальше самих камней. Они озабочены только бытом, только тем, чтобы жить – вернее, существовать – исключительно сегодняшним днем. Завтра? Это всего лишь мечта, не имеющая точек опоры. Вчера? Какое нам до него дело?

Так, не имея ни прошлого, ни будущего, осыпаются дома и рушатся храмы. Все мельче становятся сооружения, мечты и чувства. Наступают времена людей-карликов, людей посредственных, недалеких, критикующих всё и вся и лишенных творческого воображения.

Однако человек-карлик любит путешествовать, и в туристических поездках, случайно наткнувшись на следы человека-великана – редкие следы, ведь их столько раз разрушали, сравнивали с землей, – он пугается: «Это уж слишком! Почему их так много, почему они такие огромные?»

Но в этом вопросе, помимо врожденного страха перед величием, слышится восхищение, рождается молчаливое желание обладать такой же великой душой, чтобы создавать нечто столь же великое.

Тайну великанов хранит зерно великана; оно прорастает в душе человека, и чаще всего из него рождается дерево с густой и пышной листвой. Под его сенью вырастают величайшие деяния, какие только знало человечество и какие оно еще узнает.

Сегодня я увидела, что мы способны расти, и начинать нужно с самих себя. Бояться великого означает бояться самих себя. Сможем ли мы принять этот вызов?

... свою современницу

Сегодня я увидела свою современницу.

В этот раз я смотрела на нее пристальнее, чем раньше, ведь нынешний год посвящен именно женщине. И все же мне не удалось разглядеть ее...

Я на каждом шагу встречаю женщин, против чего-то протестующих. Они либо обвиняют мужчин в том, что те превратили их в рабынь, либо восхваляют свое рабство; они либо требуют большей свободы, либо призывают о покровительстве, давно уже отбив у мужчин охоту им это покровительство оказывать. Я вижу женщин, которые, сэкономив ткань на платье, выставляют напоказ свои женские прелести – почти единственное, что еще позволяет узнавать в них женщин, и вижу тех, кто не из стыдливости, а из-за дурного вкуса тщательно скрывают то, чем природа наделила их, дабы отличать от сильной половины человечества. Я вижу тех, кто наряжаются и причесываются так, что становятся больше похожими на театральных кукол, и рядом с ними – женщин, лишь понаслышке знающих, что такое аккуратность и чистота. Некоторые научились деланно улыбаться, с их лиц не сходит заученная гримаска, от которой издали веет фальшью; другие вечно мрачны и угрюмы, всегда готовы кричать и браниться и искренне полагают, что в их дурном настроении повинен весь мир.

Но я вижу, что все эти женщины сбиты с толку, растеряны и не знают, чего хотят и чего, собственно, просят; они лишь пытаются обратить на себя внимание.

Однако я уверена, что важно добиваться внимания не с помощью ярких сиюминутных уловок, а с помощью решительных и вполне определенных завоеваний, которые женщина – как одна из полярностей природы – может и должна осуществить.

Было бы нелепо полагать, что «женский вопрос» – сегодня или когда-либо еще – стоит отдельно от всех других. Нет, эта проблема лишь одно из следствий всеобщего процесса обесценивания традиций и падения нравов, глупого, легкомысленного отказа от прошлого, от всего предшествующего опыта, который мог бы, по крайней мере, стать твердой основой, фундаментом для нового.

Женщине, как никому другому, следовало бы знать историю – история ведь тоже женщина, и, как женщина, она живет во Времени, которое проходит, но, проходя, оставляет глубокие следы. Время не враг женщине, вовсе нет. Время не старит ее, а делает вечной, поддерживает в ней жизнь, придает ей силы и

отражает ее суть в образе Вечной Женственности, образе, который испокон веков вдохновляет всех художников.

Время и История показывают нам других женщин, не из нашего века, – да нам и неважно, из какого, ведь мы стремимся найти вечный, вневременный символ. Время и История рассказывают нам о древних жрицах, чистых душой, служивших связующим звеном между богами и людьми. Они рассказывают нам о царицах и воительницах, которые обладали даром управления людьми, даром стратегии и мудрого предвидения будущего. Они рассказывают нам о сильных, исполненных гордости и достоинства матронах, для которых воспитывать детей означало в некотором роде вершить историю. Далеким эхом доносятся до нас голоса тех, кто, не боясь ни смерти, ни страданий, с благодарностью принимали покровительство рыцарей и в ответ изливали свою проникновенную доброту на тех, кто, облаченный в доспехи, осваивал и совершенствовал мир, в котором было нелегко выжить. До сих пор слышим мы звонкий смех жриц обаяния и красоты, превращавших самую хрупкую нежность в могущественное оружие...

Но теперь не время жить одними воспоминаниями. Память может и должна дать нам силы, направить нас, укрепить благодаря накопленному опыту. А затем нам надо решительно выходить на арену современного мира, современной цивилизации, которая переживает явный упадок, похожий на сумерки, в которых невозможно отличить человеческие силуэты от бесплотных теней.

Для того чтобы женщина вновь стала Дамой и вернула себе свои права – и для этого ей не пришлось бы протестовать, – необходимо, чтобы все остальное тоже вернулось на свои естественные места: чтобы мужчина вновь стал Рыцарем, чтобы жизнь вновь обрела важную, непреходящую цель, чтобы благодаря образованию люди воспитывались, а не просто накапливали информацию.

Но в основе любой работы, любого изменения должен лежать определенный принцип. А женщина всегда была в первую очередь Матерью. В наше время женщине суждено стать Матерью нового мира, где, освещенное лучами солнца, все предстает в своем истинном облике, где не нужно надевать маскарадный костюм «унисекс», чтобы спрятаться от ответственности. Женщина является Женщиной, когда принимает на себя роль живой природы и светится любовью, красотой, пониманием; когда воспитывает в добродетели не только собственных детей, но также всех тех, кого считает детьми в своем сердце; когда призывает к священной войне или примиряет врагов; когда,

подобно тенистому дереву, дарит отдохновение и покой тем, кто в них нуждается; когда, наконец, она ощущает в себе свою древнюю космическую силу и ей не нужны ни пустые протесты, ни специально ей посвященный год, «год женщины», ибо испокон веку и во веки веков каждая Женщина подобна первой звезде, сверкнувшей в темнеющей глубине неба.

Быть Женщиной – это не позор и не исключительная честь. Быть Женщиной – значит понимать игру цветов радуги, оставаясь верной своему собственному цвету, и лелеять мечту о белом, который объединяет их все.

И, между прочим, пишущая эти строки – тоже женщина...

Сегодня я увидела ребенка. Детей редко можно встретить одних, обычно рядом с ними всегда родители или другие члены семьи, и потому в ребенке, которого я увидела, я рассмотрела и его самого, и черты окружавших его взрослых.

Это был обычный ребенок, во всем похожий на таких же, как он, малышей. Однако мне бросилась в глаза его одежда: она была нелепой уменьшенной копией одежды взрослых. Я подумала, что это, должно быть, случайность, и принялась внимательнее изучать героя моего сегодняшнего рассказа.

То, что я увидела, поразило меня еще больше. Меня испугали глаза ребенка: в них не было ничего детского, он смотрел слишком по-взрослому, искушенно, даже зло, что никак не соответствовало его облику. Это были глаза старика, заключенные в тело, которое только-только начинает жить. Но я увидела, что родителей, с которыми он шел, это восхищало: общество становится все более развитым, а соответственно, быстрее развиваются и раньше взрослеют и дети – так считали они.

Ребенок держался настолько раскованно, что порой его раскованность больше походила на развязность, даже наглость. Не то чтобы он никого и ничего не боялся, скорее, он презирал всех на свете – в том числе и собственных родителей; он презирал всех вокруг, кроме самого себя. А родители восхищались таким поведением своего замечательного чада, считая это признаком развитого ума.

Этот ребенок не говорил ни о своих детских грезах, ни об игрушках, не просил любви и ласки. Его слова были похожи на его одежду: в них я услышала исковерканный пересказ «взрослых» разговоров, повторение того, что он услышал в недетских телепередачах, осведомленность в вопросах, которые не должны волновать столь юное существо. Но снова мне пришлось промолчать – раздались очередные восторги, «какие развитые и мысленные нынче дети»...

Я подумала, что заложенное в этом ребенке зерно духовной силы в будущем превратится в резкость и гневливость, а потребность в любви и ласке – в настойчивое требование внимания к себе. Отсутствие воспитания было очевидно: старшие восхищались ребенком вместо того, чтобы попытаться хотя бы немного изменить его, направить и помочь ему стать тем, кем он и должен быть, – ребенком.

Такова одна из многих печальных «болезней» нашего

материалистичного мира: взрослые стремятся сохранить молодость тела, но с самого начала теряют юность и чистоту души, столь необходимые ей; а дети нелепо, комично подражают взрослым, утрачивая трогательную и естественную невинность детства. Так что же происходит? Удовлетворимся ли мы примитивным объяснением, что мы родились случайно, что живем благодаря механическому делению клеток – без души, без Бога и не испытываем потребности расти внутренне так же, как растем внешне? Получается, нужно стремиться «брать от жизни все» и пробиваться вперед, оттесняя других?

Наслаждаться сегодняшним днем, не осознавая Долга перед будущим?

Я смотрела на ребенка, который заставил меня задуматься об очень многом, и вспоминала древние учения Тех, Кто оставил в наследство человечеству Мудрость и Долг – то, чем сегодня в своей жизни никто не хочет руководствоваться. А Они говорили, что человек – существо бесконечно древнее, что он живет, жил и будет жить на Земле много раз – так же как в его нынешнем существовании много раз чередуются состояния сна и бодрствования. Но если периоды «сна», которые в больших циклах жизни и смерти соответствуют «небесным» периодам, будут очень короткими, если их будут прерывать непрекращающиеся желания, вырастающие из опыта материальной жизни, то последующие периоды бодрствования будут неэффективными – из-за того, что душа человека недостаточно отдохнула, и из-за того, что он постоянно будет одержим жадой чувственных наслаждений. С каждым разом все меньше будет оставаться времени на «сон» – все меньше будет «неба». И как без необходимого физического отдыха взрослые становятся угрюмыми и агрессивными, так и дети растут «развитыми и смыслеными» из-за того, что им не хватает «небесного» отдыха.

И приходят на Землю дети, неся с собой воспоминания и неутоленные желания из своих прошлых жизней, и так же сильно, как взрослые, они жаждут насилия и удовлетворения таких же, как у взрослых, потребностей плохо воспитанного тела. Им больше не снятся ангелы, и они больше не улыбаются нежно во сне... Они плачут и страдают, требуют и приказывают, презируют и унижают... И постепенно стирается запечатленный в глубине их души древний образ Чудесного Младенца, рожденного в яслях, – явившегося однажды, чтобы осветить мир и стать воплощением архетипа невинной души.

Если бы нам вновь открылось чудо закона циклов, если бы мы вспомнили, что мудрость и ее сестра – воспитание могут вращать

колесо истории, в нашем мире снова родился бы Младенец, и вновь появились бы на Земле дети. Но не такие, как ребенок, которого я увидела сегодня. Хотя, наверное, такие же, только их лица вновь обрели бы свои ангельские черты.

... ребенка (II)

Сегодня я увидела ребенка...

Многие говорят, что дети сегодня стали другими, и с большой радостью объясняют: они ведут себя совсем как взрослые. И еще говорят, что теперь дети более «смышленные» и усваивают все гораздо быстрее. Взрослые восхищаются их бестактными и неуместными вопросами, а потерю – если не сказать отсутствие – наивности расценивают как шаг вперед в развитии нового поколения.

Именно поэтому ребенок, которого я сегодня увидела, привлек мое внимание... Он на самом деле был ребенком – доверчивым и бесхитростным, как и должно быть в его возрасте, с сияющими, любопытными глазами, с живыми и легкими движениями, естественными для человечка, не так давно появившегося на свет. Я видела, как он пытливо глядит на все вокруг, стараясь раскрыть тайну, скрывающуюся за внешней стороной предметов и событий. С его губ беспрестанно слетали вопросы – так велика была в нем жажда познания.

Вопросы, которые он задавал, были простыми и в то же время глубокими – именно благодаря своей простоте. Он спрашивал о небе, о звездах, о границах Вселенной. Его интересовало, почему насекомые летают и почему у людей нет крыльев; ему хотелось знать, отчего люди плачут и отчего ему иногда хочется смеяться и кричать...

И вот пришел черед очень важного вопроса – вопроса о других детях. Этот наивный малыш чувствовал, что они его не понимают, что они совсем на него не похожи. Им не нравилось играть в его игры, их совсем не беспокоило то, что не давало покоя ему. Им нравилось изображать из себя взрослых, а он хотел оставаться маленьким. «Нормальные» дети болтали только о телепередачах, о выходных, о проблемах в своих семьях и о том, как невыносимы их родители, братья и сестры.

Ребенок, которого я сегодня увидела, чувствовал себя беззащитным перед своими сверстниками. И в поисках понимания он обратился ко взрослым... Но ему ответили только улыбкой и шутками. «И в кого только пошел этот малыш? Он совершенно не похож на нас... Мне даже стыдно за его вопросы, такое впечатление, что он совсем ничего не понимает... Почему ты не такой, как все? Почему ты не играешь со своими товарищами? Сынок, что еще рассказать тебе про луну, если я больше ничего не знаю?»

Прежде сияющий и счастливый взгляд моего ребенка

сделался хмурым, на личико легла тень, которая лучше тысячи словарей могла бы рассказать, что такое грусть. И мне кажется, что именно в этот миг он утратил свою доверчивость и непосредственность и, сам того не желая и не понимая, раньше времени повзрослел.

Он усвоил жестокий жизненный урок: надо молчать, сталкиваясь с непониманием, прятать в глубине души свои сокровенные мечты, не говорить о прекрасном, а высказывать лишь то, что хотят услышать другие.

И если сначала я увидела ребенка, то теперь передо мной был взрослый человек, на чьих плечах лежал груз пережитого, груз боли и грусти.

Почему мы обрекаем на гибель красоту и невинность? Где тот ребенок, который когда-то жил в нас и чей голос до сих пор должен бы звучать в нашем сердце своим неисчерпаемым любопытством и потребностью в любви? Неужели мы больше не способны воспринимать доброе и чистое? Неужели наше взросление обязательно связано с потерей детского умения удивляться?

Печальным оказался день, когда я увидела этого ребенка. Теперь я неустанно буду всматриваться в лица окружающих в поисках другого такого же взгляда, который поведает мне о чистоте первых идеалов, еще не запачканных и не опошленных жестокой реальностью современной жизни.

Я буду искать юные, пытливые и нежные глаза, глаза, обреченные на одиночество, глаза, в которых отражается тоска по небу и вечным вопросам, что находят ответ лишь в глубине человеческой души, спящей сегодня в ожидании лучших времен.

Дети рождаются каждый день... Хочешь вместе со мной искать того, в чьих глазах все еще отражается небо? Сделай так, чтобы он не потерял это сокровище, и тогда всем нам: и тебе, и мне – удастся найти и сохранить эту красоту и чистоту.

... Ребенка (III)

Сегодня я увидела Ребенка...

Необыкновенного ребенка – он только что родился и озарил все вокруг сиянием и благодатью.

Как и над всеми младенцами, над ним заботливо склонилась Мать, чистейшее воплощение молодости и невинности, любви и преданности, читающих во взоре и в каждом ее жесте, бесхитростное существо, принимающее божественные веления без вопросов и рассуждений. Из матери она стала Богоматерью, потому что предчувствовала свою судьбу, потому что обратила свою веру к будущему человечества.

На ребенка, как и на всех детей, с нежностью и радостью взирал Отец. Плотник, большой мастер своего дела, доволен, ибо обрел Сына, о котором не мог и мечтать, словно его заботам поручен дар Небес.

Новорожденный нуждается в тепле и пище, и сама При рода приходит в движение, чтобы дать ему все необходимое. Его соломенная колыбель скромна, но в ее лоне дремлет душа Огня, согревающая и придающая мягкость линиям и формам...

К ребенку подошли животные, они щедро одаривают его горячим дыханием, давая возможность дышать теплым воздухом: вол и мулица не умеют рассуждать, но умеют любить.

Вся округа взволнована тем, что происходит... Пришли пастухи со своими овцами; они хотят увидеть прекрасное светлое Дитя, которое дремлет, улыбаясь, в соломенной колыбели. И пастухи спешат принести весть об этом маленьком чуде к каждому порогу.

И весть летит. Она разнеслась по четырем сторонам света. О прекрасном Ребенке, достойном восседать на троне и править людьми, узнали Цари-Волхвы. И вот Цари пускаются в путь, желая увидеть чудо и прикоснуться к таинству, ибо без этого им самим трудно оставаться Царями. Трое из них уже достигли соломенных яслей; все они принадлежат разным расам, у них разный цвет кожи, они говорят на разных языках и по-разному одеваются. Но все они следуют за одной Звездой. Потому что весть долетела и до Небес...

Бог-Отец дарует благословение. Во Славу Его на земле родился Ребенок, который призван вернуть былую славу роду людскому. И благословение Бога-Отца – это лучезарная комета, что сияет во мраке ночи, чтобы ни один смертный не сбился с пути и чтобы каждый смог добраться до соломенной колыбели.

Небесный Ребенок, Божественное Дитя... Он привел в

движение весь земной шар.

Сегодня я увидела Волхвов. Верные многовековой традиции, они появились в свой день на горизонте надежд и детей, и взрослых, потому что их волшебство – для всех.

Конечно же, детская невинность помогает быстрее распознавать все чудесное, и детям легче принять чудеса как естественную часть жизни. Вот почему дети умеют радоваться и радуются самым ничтожным мелочам: золотистому осеннему листу, обыкновенному кусочку веревки, щепке или стеклышку, которое переливается всеми цветами радуги в лучах солнца. С помощью магии Волхвов ребенок догадывается о существовании скрытых сокровищ – достояния простодушных.

Но однажды появились взрослые. Накопив в своем теле годы жизни, они без зазрения совести выплеснули их на свою душу, и душа постарела и почти перестала верить в лучшее. Взрослые доходчиво объяснили, что Волхвы – лишь игра воображения, нечто нереальное и невозможное, ведь ни один из современных приборов ни разу еще не зарегистрировал ни их самих, ни их следов. В тот день взрослые убили множество детей, мало того, они убили и то милое дитя, что жило в тайнике их собственного сердца.

И все же умерли не все дети; каждый, кто выжил, стал новым зернышком надежды и мечты, и он все так же трепетно ждал в подарок игрушки, ждал новых радостей и тихих, неторопливых шагов Волхвов, которые приходят из Таинства звезд и, свершив свое дело, возвращаются обратно.

Но и не все взрослые состарились. Некоторые из них бережно хранят в глубине своей души потаенное убежище для «ребенка» – первозданного доброго существа, которое способно мечтать о Волхвах, хотя и выглядит взрослым. Эти большие, взрослые люди – лишь бы никто не выведал их секрета! – продолжают верить в Волхвов, всезнающих, всемогущих и способных все устроить силой одного лишь взгляда своих небесно-голубых глаз. Потихоньку, шепотом эти взрослые все так же просят у Волхвов любимые игрушки больших людей: капельку любви, чуть-чуть славы, благородную Идею, ради которой стоит жить, немного сердечного покоя и света для ума, терзаемого множеством загадок.

Именно поэтому многие взрослые, в душе которых еще живет ребенок, научились жить в особых замках: они сооружены руками детей из кирпичиков грезы, ведь дети ничего не знают об обыкновенных кирпичах из глины. В эти замки мечты каждый год

приходят Волхвы с мешками, полными подарков. Они дарят идеалы и большим, и маленьким, но прежде всего они дарят надежду – самую настоящую панацею, которая помогает сносить все жизненные невзгоды и ожидать нового прихода Волхвов, чье волшебство никогда не умрет.

Сегодня я увидела толпу... В нашем языке много слов, обозначающих – как с обычной, так и с метафизической точки зрения – большую совокупность людей. Говорят: «группа», «народ», «общество», «поколение», «человечество»... Но я хочу рассказать именно о толпе, об этом скопище, в котором совершенно невозможно различить отдельных людей.

О присущей человеку потребности жить в обществе сказано немало. Отказываясь от личного одиночества, он строит взаимоотношения с другими людьми, разделяет с ними нужды, успехи и надежды, ведет тот же, что и они, образ жизни. Все это верно: стадное чувство, как кажется, – одна из главных отличительных черт человеческого рода. И все мы понимаем, какую огромную пользу приносит нам жизнь в обществе.

Человеку очень трудно существовать одному, поскольку, чтобы выжить, ему надо и удовлетворять свои физические потребности, и успокаивать свою метафизическую, душевную тревогу. Общество других людей является неоценимой опорой в поиске смысла Жизни.

Но в ходе этого поиска, к сожалению, путаются дороги и иногда даже забываются цели... А потому вернемся к толпе, которую я увидела сегодня.

Это была беспорядочная, аморфная людская масса, в которой почти невозможно было отличить взрослых от детей, а мужчин от женщин... Заметно было лишь нагромождение тел и беспрестанное движение, которое говорит о вечном беспокойстве массы и о том, что эта масса живая... Да, живая, хотя форма ее жизни с трудом поддается определению. Это было, скорее, огромное бессознательное животное, чем совокупность многих разумных человеческих существ.

В толпе стираются все различия и особенности людей. Человек не может идти куда хочет, а идет туда, куда движется все «животное». Он не может посмотреть вверх, потому что ему приходится постоянно искать глазами свободное место для следующего шага. Руки из средства, которое помогает выражать чувства, превращаются в средство выживания – с их помощью можно освободить себе хоть немного жизненного пространства. Голоса не передают ничего важного, доносятся лишь бормотание, вздохи, нечленораздельные звуки, чуть ли не рычание огромного животного – если вернуться к нашему сравнению. Толпа не задумывается, а толкается; не живет, а существует; ничего не ждет и только сдерживает нетерпение...

Время от времени какой-то слишком громкий крик или необычно резкое движение свидетельствуют о том, что толпа начинает возбуждаться. Беспокойное животное превращается в жестокого хищника, и тогда каждый член группы становится частью этого зверя и ведет себя, как зверь...

Такова толпа, которую я увидела сегодня... Она появляется во всех городах, в каждой сгустке жизни общества. Что это – свидетельство страха? Способ защиты? Агрессивность, подхваченная и умноженная? Недостаток индивидуальности? Кто знает... Может быть, что-то одно, а может быть, всё вместе...

Глядя на толпу, я поняла главные причины, заставляющие людей объединяться таким образом. Это недостаточное знание самих себя и, соответственно, недостаточное понимание других. Сила целого не определяется ни уникальной природой самого целого, ни подобием его частей – она определяется индивидуальными достоинствами каждой составляющей его части. И в клетке, и в Солнечной системе важна каждая частица, существенны и необходимы все функции, которые она выполняет. И ни клетку, ни Солнечную систему нельзя назвать «толпой»...

Сегодня я увидела толпу... Может быть, завтра я увижу человека... И, возможно, спустя какое-то время всем нам вместе удастся увидеть человечество.

... старого человека

Сегодня я увидела старого человека.

Его состарили не годы – нет, это был человек среднего, даже неопределенного возраста, однако все в нем выдавало ветхость его представлений.

Старый человек – это тот, кто уверен: чтобы идти в ногу с модой, он должен носить одежду пастухов с Дикого Запада, пусть даже она совершенно ему не идет и совсем не соответствует его работе. Он также убежден, что легко сохранит молодость, если будет одеваться как подросток, и не замечает, сколь смешно и нелепо при этом выглядит. Он решил, что длинная борода придает ему вид романтика или интеллектуала, а может даже, по старой традиции, вид свободомыслящего человека, и не понимает, что она скорее пугает и отталкивает от него людей.

В словах он тоже добился полной «свободы»: забыв все красивейшие образные выражения родного языка, он заменил их набором пошлых и непристойных слов, пригодных лишь для оскорблений и брани.

Работает он с крайней неохотой, поскольку является сторонником оригинальной идеи, что работа – это рабство. Таким образом, даже то небольшое, что он делает, получается у него плохо, и всю вину за собственные ошибки он привык сваливать на общество.

Чувства он заменил инстинктами. Его ужасает одна мысль о том, что кто-то может навязать ему нечто похожее на преданность, сострадание, нежность, сочувствие или любовь. Видя в любых взаимоотношениях между людьми не более чем простое взаимодействие клеточных систем, он предпочитает влечениям души влечения тела.

Он считает себя сильным, потому что умеет громко кричать и потому что открыто потакает своим инстинктам. Бесстыдство он называет храбростью, непонимание других – уверенностью в себе, отсутствие любви – умением владеть собой.

Его крайне редко увидишь одного; он панически боится одиночества, ибо оно может отворить наглухо запертые двери его внутреннего мира. Чтобы этого не произошло, он ищет общества точно таких же «стариков», которые гордятся теми же самыми представлениями, – и вместе они стремятся доказать, что так, как существуют они, должны существовать все.

Он занимается искусством (если это можно назвать искусством), которое не требует от него никаких усилий: не надо оттачивать технику, не надо упражняться долгими часами, не

надо вкладывать в произведение никакого духовного послания, обращенного к другим людям. За неясными, причудливыми образами и формами он скрывает полное отсутствие творческого вдохновения и обвиняет других в том, что они «не понимают» этого искусства. Он предпочитает пронзительные звуки, случайным образом смешанные краски, бессмысленные формы, здания без фундамента, в которых нельзя ни жить, ни работать.

Он считает, что лучшая форма сосуществования людей – это «умеренная» свобода, или демократия, как он ее обычно называет, когда все имеют право говорить, что думают, – если, конечно, эти идеи не противоречат тому, что думает он сам. В общем, весь мир «имеет право» соглашаться с его концепцией свободы, которая ни к чему не обязывает его самого, зато налагает массу обязательств на «всех остальных» – это неопределенное выражение он относит к тем, кто будет работать, будет что-то делать, чтобы потом наш «старик» мог оценивать и критиковать все ими созданное.

Он предпочитает мнение подлинному знанию, ведь «знать» подразумевает «учиться», тогда как «иметь мнение» значит всего лишь «изрекать мысли». Итак, у него на все есть свое мнение, но едва ли он занимает активную жизненную позицию, поскольку уверен, что самое достойное занятие – искать недостатки в том, что создано другими. Принимаемые им решения всегда разрушительны по своей сути, он не способен предложить ни одной идеи, ведущей к созиданию и порядку. Одним словом, он находится на «детской» стадии развития мышления, как тот ребенок, который умеет только ломать игрушки, а потом плачет и просит родителей починить их.

«Старик» полагает, что Вселенная образовалась случайно и что с помощью математических формул и благодаря техническому прогрессу человек должен добиться полной власти над природой. Но мир как продукт случайности не вызывает у него ни малейшего восхищения, а тем более уважения, зато о себе самом он думает как о существе исключительном, которое невозможно ограничить рамками какого-либо определения, поскольку неопределимым является и сам Космос. И наш «старик» превращается в самодовольного спесивца. Он все играет и играет с машинами, как ему заблагорассудится, а они – хоть «старик» этого и не замечает – тоже творят что хотят. Он разбирается в самых сложных физических формулах, но давно разучился плакать от умиления при виде чудесных картин, которые рисует Природа.

Весьма неопределенны и переменчивы и его представления о религии. То он абсолютно ни во что не верит, и, когда в порыве религиозных чувств кто-то говорит, что у него ком подступает к

горлу, «старик» считает, что у того воспалились миндалины. То он верит в великую пустоту, называет ее Божественной, стремится достичь ее с помощью таких же пустых медитаций, и тогда все остальное теряет для него всякое значение. Так он и идет по жизни – ничего не делая, не испытывая никаких чувств, ведь все равно «ничто не имеет смысла». Этим безволием он оправдывает свои недостатки и считает их вовсе не недостатками, а способом «подняться над всем», при котором очередной наркотик заменяет ему волю. Одним словом, он создает культ материи во всем многообразии ее проявлений и смеется над рассказами о душе, называя их старой сказкой для малышей.

Таким я увидела «старого человека». Он все бродит в своем мертвом мире, не замечая, что время его ушло и, чтобы вновь родиться, он должен вновь открыть глаза – но на этот раз глаза своей спящей души, своего внутреннего мира, который ждет Нового Человека.

... Нового Человека

Сегодня я увидела Нового Человека...

Этот благословенный образ явился мне из будущего – хотя и нес на себе отпечаток прошлого. Он побудил меня предаться мечтам о том, что когда-то было, а сейчас существует лишь подспудно, и о том, что появится вновь – появится неизбежно, очевидно и во всей своей чистоте.

Увидев его, я поняла, что Новый Человек вовсе не новый. Он такой же древний, как первые прообразы человечества, но в его вечно молодой душе живет вечная, неиссякаемая способность устремляться вперед, мечтать, открывать новые горизонты и отдавать все силы ради служения своей мечте.

Нового Человека нельзя назвать ни зрелым, ни молодым. Сила его в том, что он юн, подобно богам из древних мифов, подобно тем прославленным героям, которые отпили из олимпийского кубка Гебы и стали неподвластны течению времени и старению.

Я увидела в Новом Человеке нечто такое, что никогда не меняется, что источает аромат вечности и дает уверенность в настоящем, подлинном, – и в то же время услышала характерный пульс чего-то живого, сильного, энергичного.

И я поняла, что Новый Человек обладает этой живой силой, потому что он человек целостный. Ему чужда разделенность тела и души, он не склонен ни отстаивать интересы первого, ни игнорировать вторую. У него есть и душа, и тело, и они вместе делают его Человеком.

Если бы человек обладал одним только телом, он был бы похож на машину, на робота, запущенного в этот мир. Если бы у него не было ничего, кроме духа, он был бы подобен фантому, чему-то нереальному и бесплотному, окутанному туманностью мыслей. Но я увидела Но во го Человека совершенным, активным; его несомненно здоровое тело подчинялось высшему духовному началу и соответствовало ему.

Я убедилась в том, что Новый Человек тщательно заботится и о своей душе, и о своем теле. Он силен, здоров, красив, молод... И его внутренний мир так же гармоничен и совершенен, как и его внешний облик. Он разносторонне развит, поскольку понял, что высшие таинства познаются с открытой душой и ясным, спокойным умом; он выбросил из памяти пустые, бесплодные формы и обратился к осознанной мудрости, которая слилась с ним так же прочно и органично, как слита с телом самая маленькая его клеточка. Новый Человек постоянно познает

самого себя, и этот ключ по закону аналогии помогает ему открывать двери Природы.

Утонченность чувств Нового Человека не может не удивлять, и он вовсе не холоден, как могло бы показаться. Напротив, он разумно соединил этическое и эстетическое древних греков: чем больше добра, тем больше красоты. Он чтит красоту и мораль; его взгляд сияет светом добродетели, она озаряет его движения, дарит величие и благородство каждому его действию. Он открывает все новые и новые горизонты своего сердца, он любит бескорыстно и не ставя границ своей любви – и делает все это по-новому, так, как может только Новый Человек. Эгоизм, это сорное растение, он давно уже выполол в саду своей души.

Так к чему же пришел Новый Человек с помощью разума и сердца? Я увидела, что он связал воедино свой опыт – опыт разума и души – и почтительно склонился перед таинством Космоса, открывая свою сущность неведомому божеству, приносящему свет из глубин бесконечности. Вера – неотъемлемая часть жизни этого Человека, стремящегося разгадать тайну жизни. Он знает: чтобы открыть ее, он должен искать новые источники силы, которые находятся за пределами его ума – ума, чья способность понимать явления ограничена. Поэтому он развил в себе Веру, и я увидела могущество мистики Нового Человека.

Я убедилась, что Новый Человек знает, откуда пришел и куда идет. История не пугает, не подавляет и не тяготит его – совсем наоборот, она сопровождает его и дает советы. Он осознает свое настоящее и не отказывается от своей судьбы; он радуется серьезным достижениям и прилагает усилия, чтобы исправить собственные ошибки. Он не пассивен и не желает жить безмятежно, в поисках удовольствий, ибо Новый Человек научился выбирать и, сделав выбор, менять в соответствии с ним всю свою жизнь. Долг призывает его к действию, как сухая земля призывает воду.

Я увидела, как он сверкает, точно драгоценный камень, и ничто не может лишить его блеска. Но когда порой ветра судьбы покрывают его грязью, я вижу, как он омывается водами жизни и вновь сверкает чистотой, как в самом начале пути. Рядом с ним никогда не бывает темно, не бывает грязно, не бывает страшно. Его взгляд подобен мечу, а руки – словно плуг.

Сегодня я увидела Нового Человека... Я увидела, что он идет один, и позвала его, потому что тоже чувствовала себя одинокой... Но когда он приблизился ко мне, я поняла, что он подобен целому золотому воинству или удивительному дереву: одна его рука оказалась корнем всех Новых Людей, которые уже

пришли, а другая рас цвела образами тех, кто еще придет.

... одиночество среди людей

Сегодня я увидела одиночество среди людей...

Не стоит удивляться этому, ведь наш мир полон противоречий, а нам почти недоступно абсолютное знание, которое помогло бы разрешить их. Мы владеем лишь относительным знанием и обычно замечаем лишь то, что резко выделяется на фоне других явлений, – например, общество, состоящее из одиноких людей.

В нашем распоряжении есть всевозможные средства коммуникации. Планету опутывают тонкие нити проводов, а воздух передает вибрации, которые преобразуются в звуки. Газеты и новости появляются мгновенно, словно порывы ветра. Даже изображение можно легко передать на расстояние. И достаточно взять небольшой аппарат, набрать несколько цифр, чтобы уже через пару мгновений разговаривать с кем угодно. Улицы переполнены людьми. Выучить несколько иностранных языков сегодня не такая уж сложная задача... Иными словами, у людей есть все возможности для объединения, знакомства и сближения.

Однако этого не происходит...

Нередко можно увидеть, как человек, уединившись, читает газету, как бессознательно пугается телефонного звонка с незнакомого номера, как закрывается и уходит в себя, сидя перед телевизором, как, совершенно одинокий, идет по оживленной улице. Переизбыток общения, информации и средств связи оглушил его, заставил замолчать, и он нашел убежище в одиночестве, не всегда оправданном.

Другие люди, наоборот, до такой степени захвачены процессом массовой коммуникации, что порой звук человеческого голоса вызывает у них отвращение, хотя сами они никогда не признаются в этом. Их лица смеются, но душа плачет, и они так боятся одиночества, что ищут любого предлога, только бы не оставаться наедине с самим собой.

Получается, что и те, и другие, показывают они это или нет, одиноки, ужасающе одиноки среди других таких же одиноких людей. Наверное, это и есть единственно возможный в наши дни способ общения – разделять с кем-то одиночество...

Средства заслонили собой цель, а мы даже не заметили этого. При всем изобилии средств общения нет самого общения.

Возможно, мы позабыли одну простую истину: чтобы общаться, нужно иметь что-то, что мы хотим сообщить или чем хотим поделиться. Одинокому, а тем более пустому человеку сказать нечего. Поэтому в наш век людных залов и болтливых

газет никто никому ничего толком не передает. Царит культ обилия слов – чем их больше, тем лучше! – но слова эти ничего не значат. А можно ли представить себе дерево со множеством листьев и при этом без ветвей и ствола?

Столько усилий и забот, столько исследований, столько новейших технологий – и всё ради появления новых средств общения. Но это лишь средства, средства без цели. У человека почти не осталось времени, чтобы развивать свое «Я», то единственное в нем, что способно выражать себя и разумно пользоваться этими средствами. Современный человек совершенно себя не знает. Его мировосприятие так ущербно, что, как мы уже говорили, он стал бояться самого себя. Он больше не желает оставаться наедине с собой, со своими мечтами. Больше того, он даже не осмеливается мечтать. Но что же тогда он может передать кому-то, чем может поделиться?

Чересчур много или чересчур мало общения – не подумайте, что мне важно обратить ваше внимание именно на это. Сегодня я увидела одинокого человека, который не может найти себя самого. Он блуждает по лабиринтам собственной души, с неуверенностью слепца нащупывая неведомый путь.

Не так давно мне помог Сенека – помог перестать чувствовать себя одинокой. И ради тех, кто остается одиноким среди людей, ради многих страдающих от того же недуга, что и человек, которого я увидела сегодня, мне хочется перефразировать этого римского философа и сказать: ты, ощущающий себя брошенным и непонятым, считай, что я пишу эти слова для тебя – и не только пишу, но и произношу, стоя рядом с тобой. Я хочу, чтобы ты почувствовал, что у меня есть мечты и великий Идеал, называемый Акрополем, которыми я могу поделиться с тобой.

... болезнь, которая называется «одиночество в кругу друзей»

Сегодня я увидела болезнь, которая называется «одиночество в кругу друзей»...

Я увидела множество собравшихся вместе мужчин и женщин; они разговаривали и смеялись, отмечая какое-то событие, спорили, что-то вспоминали, строили планы. Какое ощущение долгожданной встречи! Какая глубокая, казалось бы, потребность побыть в обществе друг друга! Подобные картины мы видим повсюду: на улице, в общественном транспорте, в кино, в барах, дома. Человека очень редко можно встретить одного... Но вдруг именно сейчас, наблюдая за этой компанией, я увидела, что на самом деле мы все одиноки.

Я видела смеющиеся лица, но, как только ослабевало это странное мышечное напряжение, они принимали серьезное, даже печальное и скорбное выражение. А когда соответствующие мышцы вновь растягивали лицо в гримасу публичной улыбки, оно вновь исчезало.

Издалека глаза людей казались живыми, но как же трудно заглянуть человеку в глаза! Почти никто не смотрит прямо, почти все прячут взгляд, как будто в глазах скрыта какая-то тайна и ее никому нельзя открывать. Я думаю, что эта тайна – одиночество, которого никто не хочет показывать, а прямой взгляд сразу бы его выдал.

Я видела, как энергичны и деловиты все внешне – бегают туда-сюда, встают, садятся, приходят, уходят... Но когда за ними никто не наблюдает, эти роботы с механическими движениями расслабляются, растекаясь по стулу, креслу или кровати, которым отдают свою усталость, даже не телесную, а более глубокую.

Я видела, как все громко разговаривают, активно жестикулируя и выражая свои мысли свободно и высокопарно, как будто они весьма уверены в себе. Но потом, в одиночестве, когда нет надобности притворяться, голоса становятся невнятными и замолкают совсем, жесты теряют четкость, уверенность исчезает... В кругу близких говорят мало или не говорят вовсе, зато много брызжат.

Я увидела, как люди гордятся количеством своих друзей, перечисляют их имена, будто чем длиннее список, тем крепче дружба. Но еще я увидела, что никто не умеет быть другом самому себе, что мало кто знает себя и умеет сосуществовать со своим «Я», с его мечтами и планами. Боясь внешнего одиночества,

которое помогает развивать внутреннюю жизнь, люди создают условия для другой болезни – внутреннего одиночества, «одиночества в кругу друзей». Из-за этого мы становимся чужими самим себе, а дружеское общение превращается не более чем в грустный фарс, предназначенный для того, чтобы скрыть боль утраты наилучшего друга – собственного сознания.

... нехватку подлинного

Сегодня я увидела нехватку подлинного.

Я уже не раз обращалась к этой проблеме, ведь у нее много граней. Но сейчас она предстала предо мной со всей остротой.

Нет, меня не посещало небесное или мистическое видение, я не погружалась в глубокую медитацию. Я просто ходила по улицам, разговаривала с людьми, жила день за днем...

В чем же проявляется нехватка подлинного, естественного, настоящего? Думаю, я не очень ошибусь, если скажу, что она заметна во всех сферах жизни.

Начать можно с самого простого и очевидного – с нашего собственного тела. Каждому нравится быть чистым, опрятным, хорошо одетым и вообще радовать глаз. Но современная мода на «протест» и «самовыражение» навязывает совсем иное. Сегодня ежедневная гигиена, похоже, сводится к тому, чтобы еще сильнее испачкать уже довольно потрепанные (и у парней и у девушек) брюки, чтобы еще немного взлохматить длинные (и у парней и у девушек) волосы и тщательнее обозначить темные круги вокруг глаз – символ «изгоев общества».

Каждому нравится есть и спать в определенное время и столько, сколько нужно. Мы не говорим сейчас о тех по-настоящему несчастных, которым нечего есть, или о тех, кто использует время отдыха, чтобы еще немного поработать. Но что до остальных, то мы вновь сталкиваемся с чем-то неестественным: кто-то жует бутерброд на улице, держа в другой руке бутылку пива, и считает это признаком «крутизны», кто-то растрчивает ночные ча сы на сигареты и наркотики, на дебоши и порнографию, на глупости и злодеяния.

Если брать эмоциональный план, то каждый жаждет любить и быть любимым – по-настоящему, всем сердцем. Но получается по-другому: сегодня надо хвастаться «раскрепощенностью», надо похоронить любовь и превозносить распушенность, торжество чисто животного инстинкта (прошу прощения у животных).

Все более или менее согласны, что развитая индустрия рекламы, охватившая весь мир, вынуждает нас жить в нескончаемом потоке обмана. Но никто не осмеливается разоблачать этот обман, никому не хватает подлинности отстаивать простую и ясную истину, которую не поддерживает пресловутое «большинство».

Каждый хотел бы иметь друга, близкого человека, с кем можно делиться идеями и планами, с кем можно быть искренним, кому можно открыть свои чувства. Но так сейчас «не принято».

Люди предпочитают маску равнодушия, полнейшего безразличия – пусть даже под этой маской душа кричит от боли. Вся чувствительность – лжечувствительность – приберегается для обсуждения «социальных проблем», словно тот, кто не смог посочувствовать конкретному человеку рядом, способен переживать за все человечество, за все его недуги...

Одежда, движения, слова, взгляды, мнения – все это фальшиво, далеко от настоящего, все это мешает добраться до подлинного человека, скрытого под слоями «грима».

И возникает вопрос: «Способны ли мы вообще проявить что-то настоящее? Нехватка подлинного – что это? Результат притворства и лицемерия? Или у нас просто нет тех подлинных чувств, состояний, ценностей, которые мы могли бы выразить?»

Разве не из-за такой жизни напоказ, не из-за подобного притворства и попустительства мы потеряли связь с подлинным человеком?

Сегодня я увидела, что мы на самом деле больны этой болезнью, увидела, что нехватка подлинного вовсе не достоинство, а тяжкий порок. Камни, растения и животные узнаваемы, потому что они такие, какие есть на самом деле... Так почему человек должен быть исключением и не соответствовать самому себе? Зачем нужно человеку вызывать столь опасные изменения в собственной личности?

Да обретем мы немного ясности и света, чтобы увидеть самих себя настоящих, чтобы познать свои слабости и ошибки и чтобы начать подлинный путь эволюции! Ведь сегодня я увидела, что для того, кто способен видеть, нет ничего невозможного...

Сегодня я увидела смятение. Оно не в первый раз появляется на лицах современных людей – наоборот, постепенно оно становится все более обычным. Смятение – это явный знак нашего времени, той особой точки Истории, когда меняется практически всё. Прежде знакомое и привычное распадается на части, а новые ценности, призванные заменить ушедшие, еще не видятся ясно.

Смятение – современный психологический синоним неведения, синоним удивления перед жизнью, но удивления малодушного, полного неуверенности в себе. Быть в смятении значит застыть, раскрыв рот, перед происходящим, не зная, как реагировать. В смятении есть немного грусти и горечи, есть в нем и большая доля безнадежности и даже страха.

Увидев смятение, я увидела и его корень, его первопричину. Противоположностью смятению является порядок, который связывает всё, гармония, которая про является в любом завершенном труде. Смятение же, наоборот – это отсутствие порядка и гармонии, это на бор действий, каждое из которых не связано ни с предыдущим, ни с последующим.

Вполне естественно, что сегодня мы видим смятение. Но отнюдь не естественно считать, что эту ситуацию нельзя изменить, что надо слепо ей подчиниться.

Смятение естественно, ведь в наше время, как мы уже говорили, колесо Истории вращается с головокружительной скоростью и вовлекает в свой круговорот многие понятия, идеалы, стили жизни, ценности, мечты. Отсюда и смятение, замешательство, растерянность – особенно когда не знаешь, что колесо Истории вращается, а ветер времени сметает все слабое и неукоренившееся. Неудивительно, что на лицах людей мелькает изумление, – ведь у них на глазах рушится целый мир...

Но этот разлад, это кратковременное отсутствие порядка не должно влиять на всю жизнь в целом. Во-первых, избежать ощущения нестабильности нам в значительной степени помогает знание законов Вселенной. Разве нас приводит в замешательство тот факт, что ежедневно мы теряем множество клеток кожи, что у нас выпадает несколько волосков или нам вырывают зуб? По опыту человек знает, что его тело как единый организм не страдает из-за этих поверхностных изменений, которые происходят с определенной периодичностью.

Однако к жизни мы относимся совсем по-другому. Наши знания о ней ограничиваются только ее «кожей», «волосами», «зубами» и «ногтями», и мы безутешно плачем из-за тех потерь,

которые нарушают видимый порядок и приводят нас в смятение. Из этого создается новая «ценность» – отсутствие всяких ценностей. Людей воспитывают и готовят к жизни в духе полного отрицания, до предела обостряя нехватку морального, интеллектуального и духовного стержня. Люди начинают жить ради случайного, а отсутствие целей и принципов превращается в самую тяжелую из болезней – ту, что порождает все остальные недуги.

Значит, задача в том, чтобы навести порядок. Смятение, то есть замешательство, путаница, беспорядок, означает лишь то, что раньше здесь были порядок и гармония. И дело не в том, что каких-то элементов не хватает, а в том, что их нужно снова привести в гармонию.

Смятение, которое я увидела сегодня, не может и не должно превратиться в постоянное состояние. Ведь мы не считаем стабильностью те мгновения, когда спотыкаемся и теряем равновесие; мы стараемся выйти из них как можно быстрее (по крайней мере, когда это касается физического тела).

Смятение всего лишь предупреждение, призыв Природы, требующей немедленно приложить усилия, чтобы вновь вернуть в свое русло то, что вышло из берегов.

Знание Жизни и ее законов, знание истории, знание человеческой эволюции и возможностей, которые они открывают, поможет надолго устранить смятение. Оно по может снова установить на фундамент Времени те мощные колонны, которые не были разрушены, их лишь скрыли тучи принесенных ветром естественных перемен.

Сегодня я увидела смятение... Но завтра я его уже не увижу.

... престиж

Сегодня я увидела то, что называют словом «престиж»... Точно крошечный светляк-фонарщик, он летал вокруг людей и предметов, освещая то одно, то другое с непостоянством, свойственным этим насекомым.

Раньше я думала, что существуют неизменные ценности, безусловные для всех, что присутствие этих ценностей, собственно, и определяет авторитетность, престижность чего-либо. Но сейчас я увидела, что это не так.

Нерушимые, неизменные ценности, те самые, которые древние мудрецы называли Архетипами, нелегко воспринять, и еще сложнее жить ими. Поэтому люди называли их «устаревшими» и прятали в самом дальнем уголке ларца воспоминаний. Бывают и крайние случаи – порой те, кто не в силах жить этими ценностями и даже считают опасным их проявление в других людях, начинают извращать и высмеивать их. Добродетель? Честь? Глубокое знание? Данное мной слово? Да зачем все это нужно? В какой банк можно их вложить, какой доход они принесут? Сколько можно заработать за месяц, оставаясь добрым и честным?

Так исчезли со сцены человеческой жизни великие ценности и их место захватили актеришки-лицедеи, которые каждый день меняют маски.

Вчера ценилась, была престижной внутренняя сила, сегодня престиж определяется силой экономической. Вчера в почете было сострадание, сегодня – инстинктивная жестокость. Вчера ценилась искренность, сегодня важно как можно больше обманывать, главное – чтобы незаметно. Вчера говорили об уважении, сегодня – о дерзости. Наконец, благородство сменилось чувством превосходства над другими. Нужно ли продолжать бесконечный список этих модных актеров?

Ассортимент авторитетов сегодня невероятно широк. Не счесть ложных идолов, которым мы возводим алтари в своем сердце. И вся сила нашего восхищения и преклонения растрачивается на новые авторитеты, которые могут в любое мгновение стать уже и не новыми и не престижными. Достаточно чуть-чуть сместиться фокусу интересов, и на то, что еще вчера высоко ценилось, сегодня уже никто и не смотрит.

Деньги, положение, «хорошая» работа, нужные связи – все это придает людям вес, авторитетность, но при этом делает их надменными, холодными, закрытыми для самых простых и разумных истин. Они готовы тысячу и один раз продать душу

дьяволу, только бы не потерять тот самый авторитет, «престиж», – именно потому что видят, насколько он шаток.

Тем временем немногие достойные люди все чаще и чаще отходят в тень, их необъяснимое смущение не осмеливается состязаться со слабым светом светляка престижа. Безумцы кричат, пока здравомыслящие хранят молчание; порочные люди заполняют улицы, а нормальные прячутся у себя дома; убийцы требуют защиты своих прав, в то время как честный человек вынужден просить милостыню, чтобы выжить... Какие только несуразности не привлекают к себе этого светляка!

Сам по себе престиж не хорош и не плох. Не он выбирает тех, на кого падает его свет. Сами люди заставляют его выделять то одних, то других, а в результате его огонек мечется между непостижимыми крайностями.

Кто дергает за ниточки престижа? Кто возвел на престол ложь и возвысил ее над всем остальным? Кто присвоил место, предназначенное истине?

Сегодня я увидела, что авторитет лжи находится в зените и потому так трудно искренне говорить о том, что чувствуешь. И по той же причине я увидела, что и эти слова будут мало популярны и не завоюют большого авторитета. Но все же сердце подсказывает мне, что в них есть частичка Истины.

Сегодня я увидела нужду... То, что я увидела, отличалось от множества определений нужды, которые мы ежедневно встречаем в самых разных печатных изданиях. Есть слова, настолько стершиеся от частого употребления, что уже сложно уловить их чистую, первоначальную суть. Сегодня преобладают общественные и политические оттенки этого слова, а жаль, ведь все другие остаются вне поля нашего зрения. Однако нужда, кольнувшая мое сердце сегодня, совсем не та, о которой разглагольствуют и с которой призывают сражаться политики и социологи всего мира...

Есть два вида нужды, которые трогают душу, как только мы позволяем распуститься в ней цветку неравнодушия.

Один из них возникает из существующего порядка вещей, который изменить невозможно – по крайней мере, в одиночку. Во всем мире людям чего-то не хватает. Вещей у них все меньше, обходятся они все дороже, при этом им внушается страстное желание иметь все больше. Жизнь устроена так хитро, что для обычного гражданина становится утопией найти работу или пойти учиться и при этом не умереть с голоду. Даже умереть и то непросто – для этого нет места... Между тем в потоках пустословия рождаются все новые грандиозные проекты, обещающие вознести нашу цивилизацию до самых звезд. А в то же время столько людей в тисках несправедливой нищеты не имеют условий для развития, забывают поднимать глаза к звездам. А идти глядя только себе под ноги становится все мучительнее и тяжелее. От подобной нужды страдаем все мы, всех нас она каждый день заставляет приобретать по более высокой цене то, что раньше стоило дешевле; всем нам сегодня не хватает всё больше вещей, чем вчера; всех нас захлестывает волна трудностей, которые мы так живо себе рисуем, что даже и не пытаемся противостоять им. Другой вид нужды – это нехватка чего-то важного в нас самих. Возможно, это результат недостатка образования или жизни общества, захлестнутого проблемами, которые весьма далеки от путей человеческой эволюции. Но очевидно, что это также плод души слабой и униженной. Больно видеть тех, кто научился смиряться с собственной нуждой и даже извлекать из нее пользу, тех, кто с гордостью и бесстыдством выставляет напоказ свою неряшливость и лень, тех, кто нарочно замусоливает свои волосы, чтобы все видели, как тяжело ему живется. Больно видеть тех, кто безо всякого смущения просят подаяния, требуя от других того, чему сами так и не научились, –

сделать усилие. Больно слышать, как непристойные, бранные слова перемешиваются с просьбами о милостыне. Больно видеть «детей напрокат» и наркоманов на тротуаре, погруженных в свои фальшивые грезы, которые сегодня спасают их от холода, а завтра сделают равнодушными к любому проявлению чувства собственного достоинства. От этой нужды веет поражением и разрушением человека, и потому она страшнее любой другой. Внешние обстоятельства, даже очень сложные, всегда можно изменить к лучшему, преодолеть, но только если есть непрекращающееся внутреннее стремление к этому. А когда человек теряет человеческое достоинство, он не может разрешить ни личные, ни любые другие проблемы. Сегодня нужда калечит человека, и, ничуть не озабоченный поиском своего истинного призвания, он утешается той внутренней пустотой, которая постепенно делает его похожим на животное.

Сегодня я еще раз увидела нужду, словно старую болезнь, которая снова преследует нас. Но эта болезнь стала куда более опасной, ведь нет хуже того больного, который не желает лечиться... Сегодня люди не осознают, что нужда – это болезнь. Напротив, они видят в ней повод провести различия между людьми в этом мире, где царят слабость и беспорядок. Я увидела людей, которые не желают расстаться со своей нуждой, скорее, они все ми силами стараются извлечь из нее выгоду, словно трудолюбивые ремесленники или крестьяне. Ведь гораздо легче просить, чем предлагать; гораздо выгоднее получать, чем давать.

Добавим сюда еще один симптом болезни, который делает ситуацию гораздо серьезнее: больной, вместо того чтобы лечиться, пытается заразить всех остальных. В новую систему ценностей гораздо лучше вписываются угрюмый нищий, или грязнуля, или лжец, или преступник. И главное отличие этой болезни в том, что «больным» сегодня объявляют того, кто еще стремится сохранить здоровье.

Сегодня я увидела... Впрочем, пора уже перестать просто смотреть. Из самой глубины нашей души, из источника высшей силы, дающей нам право называться человеком, мы должны подняться, чтобы искоренить эту странную напасть. Мы должны вернуть другим и самим себе смысл жизни, стремление к чистоте и красоте, удовлетворение от неослабевающих усилий, которые мы направляем на достижение своих заветных целей. Когда каждый из нас по мере своих возможностей преодолеет собственную нужду, тогда мы сможем изменить и те системы, которые сегодня унижают нашу человеческую природу.

И еще сегодня я увидела, что, хотя человек и зависит от систем, системы эти были когда-то созданы самим человеком.

Получается, чтобы в мире воцарились более справедливые системы, должны стать лучше люди.

И если нужда есть недостаток чего-либо, то пусть у нас не будет недостатка в главном – в том человеческом достоинстве, которое дается нам самими богами.

Сегодня я увидела абсурд... Конечно, за свою жизнь я не раз сталкивалась с ним, но бывают моменты, когда какие-то явления или события видятся особенно ясно.

Каким я увидела абсурд? Он был словно тугая и неестественно скрученная пружина, готовая выстрелить при первом прикосновении. Я увидела нашу повседневную реальность в искаженном виде – как будто облако окутало все вокруг, превратив обычные проявления жизни в обманчивые призраки. Я увидела, что реально существующее может казаться несуществующим, а то, чего в действительности нет, – выглядеть как реальность. Я увидела, как легко мы судим обо всем, даже о том, чего не знаем, и отвергаем то, что знаем, потому что не уверены в собственных представлениях.

С ранней юности меня интересовали те теоремы из школьного курса геометрии, при доказательстве которых из-за нехватки логических аргументов мы прибегали к доказательству «от противного». Приняв за истинное то утверждение, которое отрицало исходное, мы в результате рас суждений приходили к абсурду. Тогда мы говорили: если к этому абсурду нас привело отрицание исходного утверждения, значит, исходное утверждение было истинным.

Для наших юных умов это был действенный рецепт, и нам никогда не приходило в голову оспаривать его. Однако в реальном мире, когда позади школьные классы, учебники и математическая логика, подобные рассуждения утрачивают свою ценность.

Мы живем в атмосфере, насыщенной нелепостями, мало задумываясь о том, что это – следствие нашего образа жизни: мы отрицаем, сами того не замечая, некоторые важные истины.

Беглого взгляда вокруг достаточно, чтобы в глаза сразу бросилось, что в большинстве случаев люди говорят одно, а делают совершенно другое. Иногда это происходит из-за внутренних разногласий в самом человеке. А иногда бывает так, что произносить слова, не соответствующие действиям, человека вынуждает страх. Все говорят о любви, но испытывают, скорее, ненависть или неприязнь, а в лучшем случае – безразличие. Все говорят, что их волнуют проблемы современного мира, а на самом деле стремятся проводить время в удовольствиях, забывая о проблемах и страданиях других и стараясь не думать о том, что в недалеком будущем такие же страдания могут ждать их самих. Перечисление подобных примеров можно было бы продолжать

очень долго.

К тому же часто люди говорят не то, что думают, если они вообще когда-нибудь думают о том, что говорят... Мы так привыкли откликаться на все, что нам предлагает всяческая реклама, что разучились думать самостоятельно. А когда нам кажется, что наконец-то мы думаем сами, то оказывается, что мы невольно повторяем модные слоганы.

Я увидела еще, как сильно расходится то, что мы совершаем, с тем, что могли бы совершить. Обычно люди стараются не делать над собой усилий или вовсе не делают их. Вместо того чтобы максимально развивать свои способности, требовать от себя полной отдачи, они довольствуются минимальным – достаточным, чтобы выжить и чтобы другие не показывали на тебя пальцем.

Нам сложно провести различие между тем, что, как нам кажется, мы знаем, и тем, чего не знаем. Мы всегда думаем, что нам необходимо иметь мнение по любому вопросу, неважно, попадает он в сферу нашей деятельности или нет. И мы задышаемся в этом ворохе разных, изменчивых и не представляющих ценности мнений.

Приукрашенная ложь легко принимается на веру, а истина в конце концов становится неправдоподобной.

Сегодня я увидела, насколько абсурдны огромные и бесполезные маски, которые скрывают все вещи и явления, лишая их подлинности и оригинальности. Что за страх сковывает нас? К чему это желание спрятаться за абсурдом? Зачем продолжать страдать без необходимости, когда в каждом из нас живет стремление однажды открыть самого себя и посмотреть в глаза самому себе?

Я считаю, что пришло время доказать нашу теорему. Мы должны заставить себя всерьез задуматься о том, что пришли к такому множеству абсурдов в жизни, потому что выбрали неверную дорогу. И сегодня я увидела, как это всегда бывает в подобных случаях, что пришло время вернуться на правильный путь. Пусть боги позволят нам вновь направить наши шаги в сторону Истины.

Сегодня я увидела ложь. Она коварна, хладнокровна и могущественна, и власть ее основана на том, что ее ни кто не узнаёт. Никто не знает о ее способности надевать тысячу разных масок, о ее уловках, которыми она сбивает всех с толку, о хитроумных и опасных сетях, которыми она прочно опутывает истину.

Увидев ложь, я заметила и тот едва уловимый оттенок, который отличает ее от заблуждений и незнания. Различие это столь мало, что в результате именно наши ошибки и незнание открывают дорогу для лжи.

Тот, кто ничего не знает, может ошибаться в своих суждениях и оценках; он может сбиться с пути, и тогда страдание укажет ему, и не раз, на совершенную ошибку. В неведении мы можем легко пойти против правды, наперекор законам природы и жизненным циклам... Но неведение всегда неосознанно, а вот ложь – совсем другое дело.

Против ошибок по незнанию есть хорошее средство – воспитание, образование, простые и практичные знания, и этого достаточно. В подобных случаях нет намерения навредить, а потому незнание легко компенсировать искренним желанием добра.

Против лжи нужны усилия более целенаправленные, продуманные и умелые. У лжи есть намерение обмануть, есть потребность все исказить, которая превращается в потребность причинять вред. Вред остальным – тем, кто делает добро лжецам.

Сегодня я увидела ложь и увидела, как она действует. Ложь – враг истины, и ее главное стремление – помешать людям в непростом деле открытия этой истины.

Ложь надевает маску логичных рассуждений и сокрушительных доводов, но все это лишь маскарад, обман. Вся ее рассудительность – это пагубные суждения, равнодушные софизмы, подталкивающие нас к выводу «цель оправдывает средства». Развенчать доброе, «нечаянно» забыть о положительных сторонах дела, специально акцентировать внимание на ошибках, утрировать и угрожать – вот как действует ложь, и это лишь немногие приемы из ее «логического» арсенала.

Ложь надевает маску чувствительности, но эта чувствительность – лишь жалкое подражание истинным чувствам. Она ничего не чувствует, и ничто не имеет для нее значения, кроме одной цели – омрачать жизнь. Вместе с ложью звучат красивые слова: о любви и взаимопонимании, об уважении к

жизни и о защите прав человека, о важности вопросов экологии для жизни нашей планеты. Но все это ложь. И движут ею совсем иные силы, которые не имеют ничего общего с милосердием и состраданием, зато полны лицемерия и хотят поработить тех, у кого отзывчивое, чувствительное сердце.

Ложь надевает еще одну маску – маску активности, действия и этим удовлетворяет естественную импульсивность молодых. Но действия лжи направлены все к тем же скрытым целям; ее свобода – это лишь видимость; ее движение похоже на опасное течение реки – попав в него однажды, выбраться уже невозможно. Нет, ложь не действует, она заставляет действовать других, и притом так, как нужно ей; она выжидает, ловит момент, извлекает выгоду.

Ложь надевает женскую маску, и ее болтливые уста произносят бесконечное множество приятных слов. Ей не чужда любезность – с ее помощью она открывает самые крепкие запоры. Так лживые речи множатся до бесконечности – тысячи уст повторяют и повторяют их без конца, никогда не замолкая и не слыша голос того, кто хоть и не знает абсолютной истины, но все же осмеливается спрашивать о ней.

Сегодня я увидела ложь, но я увидела также, что, пусть она и скрывается под многими масками, ее не так уж сложно разоблачить. Для этого надо освободиться от страха и показать, что кроется за ее мягкой и приятной внешностью. Нужно постоянно спрашивать ее: «Почему?», «Зачем?», «Куда?» Нельзя давать ей все время говорить, надо ввести минимальную «дозу» общения с ней.

Но прежде всего необходим здравый смысл. Если все наши знания основаны на фундаменте лжи, мы никогда не сможем сразиться с ней. Ловя малейшие ее желания, мы будем лишь ее покорными прислужниками, осужденными умереть от разочарования в день, когда приоткроем краешек ее маски. Но там, где она без умолку мелет языком, там, где она указывает своим обвиняющим пальцем, там, где она предает анафеме, – именно там может быть найден кончик нити из клубка истины.

Мы все видим ложь, видим каждый день, хотя и не узнаём ее. Пришло время разоблачить ее, узнать ее истинный облик и, пройдя этот опыт, взглянуть на жизнь ясным взглядом, свободным от заблуждений и неведения, очищенным в страданиях и счастливым от возможности устремиться в будущее, полное истины и света.

Сегодня я увидела ложь...

Она была одета по-королевски, и глаза ее блеснули колдовской уверенностью владычицы человечества.

Я увидела ее не правительницей, торжественно застывшей на троне, а активной подстрекательницей своих подданных. Она владеет дьявольским зельем, глоток которого помрачает рассудок и заставляет видеть вещи противоположными тому, чем они на самом деле являются.

Пока ложь шествовала по миру, люди на ее пути оставались под гипнозом ее странной силы. Было легко узнать, где она прошла, – там не оставалось уже ни тени здравого смысла. Одни враждовали с другими, при этом обе стороны пускали в ход одни и те же уловки, но каждая в своих интересах. В перерывах между яростными сражениями слышались длинные речи, в которых свободу называли тиранией, а тиранию – свободой, честь – страхом, а порок – честью, добродетель называли уродством, а порнографию – красотой, животную агрессивность называли отвагой, а высказывание правды – оскорблением, атеизм называли эволюцией, а веру – лицемерием, обман называли искренностью, а добрые чувства – абсурдом, коммерцию называли любовью, а истинную любовь – жадной обогащения... В результате мир вывернулся наизнанку, освещенный пагубным и коварно-притягательным сиянием глаз лжи.

И тогда, как при вспышке молнии, мне вспомнились древние предания о лжи. В мифе о пещере Платон рассказывает о несчастных, прикованных к материальному; они развернуты спиной к истине и вынуждены довольствоваться призрачными тенями на стене их тюрьмы. И тем не менее эти существа, пленники лжи, продолжают поклоняться своей королеве, ведь она очень хорошо позаботилась о том, чтобы они не узнали ничего и никого другого, кроме нее самой.

Я вспомнила также миф о Пандоре и ее неотразимую холодную красоту. Мне показалось, что у лжи было лицо Пандоры – красивое, бесстрастное, пленительное и жестокое, лицо не человека, а куклы, созданной демонами, чтобы затуманить рассудок людей. И в самом деле, Ложь-Пандора несет в мир одни лишь беды. Она явилась, принесла с собой ящик иллюзий, и все пошло за ней, ожидая, что из короба появятся чудеса. Ящик открылся, но вместо обещанных чудес в нем оказались беды и горести, страдания и проклятия, печаль и безнадежность, смятение и отчаяние.

Тем временем свергнутая со своего законного престола Истина, одетая в лохмотья, скорчилась на дне ящика Пандоры, как та надежда, которая, согласно мифу, единственная осталась в нем, когда все беды разлетелись по миру.

Настал час вновь открыть ящик Пандоры; настал час искоренить беды, которые ложь посеяла среди людей. Настал час вернуть Надежду. А для этого достаточно выйти из пещеры, о которой рассказывал Платон, достаточно иметь отвагу, свойственную мудрости, и открыть таинственный ящик, достаточно посмотреть в глаза лжи – уверенно, зная цену отвоеванной надежде и изгнанной фальши.

Ложь, которую я увидела, ни одного мгновения не выдержит взгляда Истины.

... насилие

Сегодня я увидела, как миром завладевает насилие. Это происходит не впервые, не впервые насилие отравляет все, с чем соприкасается.

Я увидела, как тысячи и тысячи молодых людей отдают лучшие свои силы, служа разрушению, разбивая вдребезги собственную жизнь и без малейшего сожаления калеча жизни других людей. Я увидела и поняла, что сила молодости, внутренняя, естественная сила, присущая этому этапу жизни, к сожалению, превратилась не в молодую силу, а в своего выродившегося сородича – бесплодное насилие.

Насилие – это не та болезнь, которая возникает спонтанно, сама по себе, у нее глубокие и разветвленные корни. За насилием скрываются лицемерие, трусость, малодушие, обида, зависть, внутреннее пресыщение, полная бездуховность и – хоть это и может показаться неправдоподобным – бездействие.

Обычно насилие легко спутать с действием или даже с избытком действия. Но это не одно и то же. Действие всегда созидает, оно устремлено вперед, к будущему, которое будет лучше настоящего. Насилие же, наоборот, – это способ избежать позитивного действия, направляя всю животную силу, заключенную в человеке, на разрушение. Созидание и разрушение – это не две разновидности действия. Первое и в самом деле действие, а второе – отрицание его.

Мы упомянули пресыщение как одну из причин насилия. Современная молодежь действительно стареет от пресыщения чуть ли не в самом начале своей жизни. Детство превратилось в период отупения – книги, телевидение, кино и разговоры не о том лишают ребенка его детских возможностей, радостей и открытий, наделяя его взамен возможностью «участвовать» во всех взрослых проблемах. Отрочество – сложный и болезненный возрастной период – превращено в грубое подражание жизни взрослых. Это игра, в которой те, кто еще ничего не знают, исполняют роль всезнающих и жаждут попробовать всё – быть может, в тайном стремлении улучшить мир, который их не устраивает. И вот мы доходим до юности – сытой по горло опытом, охладевшей к любым благородным чувствам и склонной к насмешкам и цинизму в ответ на тысячи пережитых разочарований.

Душа болит, когда ежедневно убеждаешься, как много молодых людей совершают поступки, от одной мысли о которых кровь стынет в жилах, и не испытывают при этом угрызений совести, не осознают того, что делают. Больно видеть, как возраст

обучения, открытий, возраст любви и дружбы становится временем ненависти, злобы, агрессивности под знаменем полного невежества. Больно констатировать, что светлые примеры человечности превращаются в чердачный хлам, потому что, если не можешь следовать этим примерам, лучше спрятать их и засыпать нафталином.

И сегодня уместно спросить себя: «Виновата ли молодежь в том, что она больна?» Да, конечно, но лишь отчасти. Есть и другие виновные, и, возможно, как раз среди тех взрослых, которые твердят о своей любви к молодежи.

Легко огульно критиковать «старое поколение», обвиняя его во всем том, что происходит сейчас с молодежью. Это легко, но не разумно, и поэтому мы посоветовали бы сегодняшним молодым людям задуматься хоть на мгновение о том, что скажут о них самих их дети и внуки. Если пример старших был не совсем положительным, то пример, который подает нынешнее поколение, еще хуже (конечно, я не говорю о весьма достойных исключениях из этого правила).

Но взрослые в своем горячем стремлении вырастить «счастливую» молодежь создали мир кошмаров. Мир, в котором полностью «свободный» молодой человек сказал и сделал все, что хотел. И обнаружил в конце концов, что ему не нужно ничего, кроме глухой злобы, которую он взращивает в себе и выражает в том самом насилии.

Взрослым хотелось предоставить молодежи любые возможности, включая свободу распоряжаться собственной жизнью. Но при этом было забыто нечто чрезвычайно важное: никто не научил молодых пользоваться свободой, никто не объяснил им, как выстраивать свою жизнь, и еще никто не стал для них таким авторитетом, чтобы они к нему прислушивались. Родители, учителя и священники с улыбкой принимают самые взбалмошные и экстравагантные их поступки, считая все это «молодежным креативом». Родители, учителя и священники, еле сдерживая слезы, сокрушаются о насилии, от которого сами страдают, – вот результат некстати проявленной мягкости характера.

Сегодня насилие правит бал. Сегодня оно ежедневно собирает дань, словно кровавое божество, которое без конца требует жертв, и его алтари больше всех прочих заполняются приношениями. Сегодня во всех действиях людей присутствует насилие – начиная с простого ворчания вместо приветствия утром, с возникающих чуть ли не без причины уличных ссор до сложных макиавеллевских планов, нацеленных на то, чтобы рано или поздно погрузить человечество во тьму и дикость.

Необходимо сбросить с пьедестала это ложное божество, необходимо вернуть Созидательной Силе ее подлинное место. В сюжет жизни вписано достаточно испытаний и страданий, и нет смысла попусту тратить силы, искусственно создавая новые трудности. Необходимо созидать, в том числе и самих себя – с детства и до самой старости. Нужно всему вернуть свое место и значение – каждому возрасту, каждому чувству, каждому знанию, и тогда мы увидим, как насилие разрушает само себя и в то же время возрастает естественная, подлинная сила – та, что ведет к истинной эволюции.

... ВОСПОМИНАНИЕ

Сегодня я увидела воспоминание... Это не совсем то, что мы называем памятью и понимаем как одну из многочисленных функций нашей умственной деятельности. Воспоминание, которое я увидела, – это след, оставленный памятью... Оно как тень, которую отбрасывают предметы, когда их освещает солнце...

Детьми мы наверняка читали пронизанную волшебством сказку о герое, который пытался отделиться от своей тени. Детьми мы пытались утвердиться в собственной индивидуальности и думали, что у нас это получится, если мы отделим себя от всего, что нас окружает... Вплоть до собственной тени.

И сейчас, как взрослые дети, мы убегаем от всего, что связывает нас с мирозданием, и бросаем свой тщеславный вызов, считая себя одиночками, сильными, самодостаточными и ни от чего не зависящими. И плачет взрослый ребенок в этом одиночестве, отвергнув все то, что является его корнями, уходящими в прошлое, и плодами его надежд, устремленных в будущее.

Сегодня я увидела воспоминание – тонкие, но крепкие корни, которые уходят в прошлое. Сегодня я увидела тень наших поступков, многократно искаженную потоком времени, – тень, которая уменьшается или увеличивается в зависимости от того, большим или меньшим светом освещают ее наши внутренние переживания. Сегодня я увидела, что воспоминание – это узы, которые невозможно разорвать; и увидела также другие узы – узы надежды, которые тянутся в будущее.

Да, в большинстве случаев конкретные факты стираются у нас из памяти. Да, мы молчим в замешательстве или начинаем запинаться, когда в попытке восстановить обстоятельства нашей жизни возвращаемся к тем скудным подробностям, которые предоставляет нам память. Да, имена, даты, места и слова выветриваются из головы. Но всегда остается воспоминание – путь, разметенный ветром, но все же хранящий следы тех имен и событий, которые когда-то были частью нашей жизни. Остается вкус опыта, того, что было прожито и что в конечном итоге есть лучшая форма воспоминания.

Древние предания говорят, что человек распят на кресте в пространстве. И легко почувствовать, что он распят и во времени тоже. По горизонтальной оси креста мы движемся из прошлого в будущее, проходя через центральную точку – через настоящее.

Другая, вертикальная, ось креста простирается между Землей и Небом, по ней мы движемся от воплощенных в древнейшие времена созданий из плоти и крови к бессмертным существам, весть о которых была передана в те же незапамятные времена. А сейчас мы находимся в самом центре креста, выдерживая напряженность этих двух таких разных форм воспоминания.

«Горизонтальное» воспоминание приносит в наше «сейчас» весь багаж приобретенного опыта. Оно на мгновение возвращает нас в детство, а иногда в юность, мечтательную и беспокойную; оно то причиняет нам внезапную боль, то заставляет улыбку блуждать на наших губах. Оно позволяет нам узнавать себя в прошлом, да и в настоящем тоже; благодаря ему мы чувствуем себя единым целым, мы можем идти сквозь время и достигать своего «завтра».

Горизонтальное воспоминание отражается в наших зеркалах и ложится тенями в морщинах на нашем лице...

Но есть другое воспоминание – потрясающее воспоминание о той непрерывности, которая выходит за рамки одной жизни и ломает преграды лет, ограничивающих наше тело. Это воспоминание души, тот самый корень, который приводит нас к иному прошлому – к потерянному раю и забытой сути. Это изначальный импульс, который вырывает нас из тюрьмы материи и позволяет нам направить свой полет к высшим границам небесной свободы. Это воспоминание дает нам возможность сказать: «Я был, есть и буду всегда». Оно идет сверху вниз, от души к телу, освобождая нас из тьмы, в которую мы погружены из-за собственной слабости и невежества.

Сегодня я увидела воспоминание... Нелепая и зыбкая тень следовала за движением моей физической оболочки. А другая тень, почти не имеющая формы, различимая только лишь благодаря своему блеску и сиянию, следовала за тем глубинным «Я», которое терпеливо ожидает, пока его снимут с креста, распростертого в пространстве.

Сегодня я увидела воспоминание... У него было лицо Спасителя.

... Надежду

Сегодня я увидела Надежду, странный дар, который появился из мифического ящика Пандоры тысячи лет назад и все еще остается очень важным для людей. Возможно, всякий раз, когда нас охватывают тревога и замешательство, мы поднимаем к ней взгляд и видим ее.

Древние предания наших предков эллинов рассказывают о том, что давным-давно, когда люди уже упустили все возможности развития и искупления, боги в наказание им послали на землю женщину-робота удивительной красоты. Эта полная коварства женщина, Пандора, была охотно принята не только людьми, но и героями. Воспользовавшись их доверием, Пандора открыла свой ларец с таинственным сокровищем, который всегда был при ней, и выпустила все беды и несчастья, какие только знал мир... Но на самом дне ларца осталась Надежда...

И в глубине души каждого человека по сей день живет частица надежды, даже когда закрыты все пути, когда разбиты все мечты, когда и лучик света не брезжит на горизонте.

Поэтому, когда сегодня я увидела надежду, это помогло мне понять, сколько же всего должны были мы, люди, утратить, чтобы ее образ был вынужден предстать перед нами.

Да, многое было утрачено; многие ценности разрушились в тот необычный переходный период истории, которым завершился XX век. Да, нам не хватает света, не хватает ясности в идеях и представлениях, разум и чувства словно притупились и не выполняют своих естественных задач. Кажется, что все вязнет в какой-то опасной инерции, и ее влияние приводит к разрушению и насилию во всех сферах. И вот когда, кажется, на дне ларца жизни не осталось уже ничего, появляется надежда.

Надежда – это умение ждать... Это та доля терпения и веры, которая помогает нам преодолевать трудности и беды настоящего момента, чтобы направить все свои силы на создание лучшего будущего. Но осторожно – надежда не может быть вечным ожиданием!

Этот таинственный дар богов хрупок и неуловим, он подобен чарующим теням, которые появляются в сумерках. И нужно суметь ухватить этот образ, прежде чем он растворится во тьме ночи. Нужно уметь действовать без промедления, как только передышка позволит нам восстановить дыхание.

Надежда – это дар не для пассивных людей; и тем более он не для тех, кто позволил себе окончательно отступить перед

трудностями. Надежда – это обещание, но, чтобы оно исполнилось, надо самоотверженно, бесстрашно бороться... Она обещает, а выполняем обещание мы сами.

Образ надежды наполнил меня радостью. Мы не можем и не должны отречься от постоянных усилий, естественных для нашего существа. Неблагодарно ослаблять натиск, пасовать, когда трудности представляются сильнее нас. Именно тогда, когда кажется, что нет выхода, что сделать ничего невозможно, из глубины волшебного ящика появляется Надежда и тем, кто сумел увидеть ее, обещает, что придут иные времена.

Ты тоже хочешь увидеть надежду? Взгляни на мир через великое око, венчающее эти страницы, и ты тоже увидишь ее за пеленой нынешнего времени, пеленой, которая сегодня застилает наш разум. Ты увидишь ее окутанной вуалями иллюзий, легкой, как сон, но столь же подлинной, как тот энтузиазм, который, я уверена, живет в глубине твоего сердца.

Сегодня в странном видении я увидела смерть. И это видение позволило мне осознать хотя бы на мгновение, что далеко не все, кто облечены в плоть и кровь, живы и не все, кто уже перестал ощущать мир с помощью органов чувств, умерли.

Смерть неотвратимо ясно и отчетливо предстала передо мной как граница между двумя формами жизни: той, которая нам уже знакома, и другой, таинственной, но столь же притягательной. И смерть как прекращение чего-то – не более чем миг перехода: мы уже не годимся для продолжения земной жизни, но еще не заняли свое место на Небесах.

В противоположность понятию смерти мы обычно называем живыми всех тех, у кого есть биологически функционирующее тело. Но это сразу же заставляет нас задуматься: если жить – значит иметь функционирующую оболочку, тогда растения и животные являются живыми в той же мере, что и люди, и между их существованием и нашим нет никакой разницы. Но ведь какая-то разница должна быть, коль скоро за сорванный цветок почти никогда не наказывают, а убийство человека карается очень сурово...

Мы приходим к выводу, что разница заключается в присущей человеку способности мыслить, и эта способность является самым главным богатством, благодаря которому жизнь на более высоком уровне, человеческом, получает особую ценность.

Но тогда вновь зададимся вопросом: разве все люди живы? В таком случае все люди должны правильно мыслить, а это, к сожалению, не так. То расхождение во мнениях, которое мы видим на каждом шагу, показывает, что человек еще не овладел правильным мышлением, потому что правильное, благое, верное не может быть изменчивым.

Не все люди имеют обыкновение думать, а из тех, кто мыслит, не все мыслят созидательно. Думать исключительно о собственной пользе – это свойственно отнюдь не только человеку. Придумывать и излагать прекрасные идеи, требующие усилий от других, а не от себя самого, – это действует на человека разрушительно. Не думать ни о чем, кроме блага собственной «растительной» жизни, означает незаконно занимать место в жизни, остановить развитие души, которая нуждается в иной пище и иной деятельности.

На самом деле то в нас, что является живым, не сводится к машине из плоти и крови. Эта машина не более чем хороший инструмент, который позволяет проявиться тому, что

действительно живет и никогда не может умереть, тому, что нематериально и не знает границ пространства и времени, тому, что наполняет нас – часто вопреки нам самим – загадочной ностальгией по другому Миру...

С другой стороны, те, кто потеряли свои тела, отнюдь не исчезли. Все зависит от того, какую память оставили они о себе, ведь благородные деяния вполне могут сохраняться и без материальных следов. В прошлом были люди настолько чистой и безупречной жизни, что они до сих пор живут среди наших современников, давая им новые силы и воодушевляя на работу во имя Идеала.

Смерть отнимает не так уж и много – всего лишь тело, только проводник; но ничто не может затронуть ту Божественную суть, что пульсирует в глубине каждого существа. Отсюда следует, что людям нечего бояться смерти. Если придерживаться веры в бессмертие души, смерть не властна над вечной жизнью. А тем, кто не верит ни в существование души, ни в собственное бессмертие, тоже не нужно бояться смерти, ведь она уже ничего не может у них отнять...

Трудно понять, почему именно те, кто отвергают любые мистические и духовные идеи, именно те, кто утверждают, что жизнь не более чем искра случайности, больше всех и цепляются за эту «случайную» жизнь, хотя в действительности все их усилия служат смерти. Потому что предлагать пустую, бессодержательную жизнь, в которой нет места Богу, в которой честь и достоинство вышли из моды, утверждать, что добродетели всего лишь пережитки устаревшей морали, что изучать историю скучно, а заниматься искусством только пустая трата времени, – все это равносильно тому, чтобы предлагать смерть. Желющие навязать другим такую жизнь должны будут постараться; но и тогда за ними в лучшем случае последуют лишь те, кто уже заранее мертв, кто не рискует ничем, кроме тщетного блуждания по миру без смысла и цели.

Мы же будем называть поистине живыми тех, кто не боится смерти и умеет трудиться ради сегодняшнего дня и ради вечности, отдавая силы тому, что действительноечно и нетленно. Сражаться за материалистическое видение мира, за существование, посвященное исключительно желудку и бесконечному насилию, – такая борьба не стоит даже того, чтобы ее начинать. Это жизнь в царстве мертвых, куда и сама смерть страшится входить, потому что там ей нечего взять...

И к чести той смерти, которую я смогла увидеть сегодня, я должна признать, что сама она предпочитает людей живых, людей с пробужденной душой и ясным разумом. Она

предпочитает людей, посвятивших себя неэгоистической деятельности. Эти люди глубоко почитают тех, кто определил пути развития истории, и возлагают великие надежды на тех, кто пройдет по этим дорогам в будущем. Потому что только в этих людях из царства живых смерть находит то, что достойно обрести Славу и Бессмертие.

*Любовь – великая сила, которая
все
объединяет и все поддерживает.*

Х.А.Л.

Сегодня я увидела Любовь – самое древнее и самое забытое из всех божеств. Сегодня то, что для древних греков было первопричиной и высшим таинством, оказалось заброшенным, а иногда даже осуждаемым. Но нет ничего любопытнее, чем судьба самой Любви: никто в нее больше не верит, никто за ней не следует, однако о ней не перестают вспоминать.

Итак, я увидела Любовь. Она выглядела грустной, подавленной, ее не украшали, как прежде, блистательные качества. Не осталось никакого сходства между Любовью, которая сотворила Вселенную, и тем, что называют любовью сегодня. Сегодня Любовь оделась в лохмотья и влачит жалкое существование, потому что люди во всем мире больше не приносят даров этому древнему божеству.

Веское доказательство тому, что люди забыли Любовь, – тот факт, что они больше не любят Бога. Утратив Веру, сестру Любви, они бесцельно бродят по жизни, не понимая самого смысла своего существования. Исполнившись глупого самодовольства и тщеславия, люди перестали любить Бога и решили, что смогут подменить собой Первопричину Вселенной. Но сколь печальным оказался этот опыт! Люди остались и без Бога, и без веры в самих себя...

И поэтому мы видим, что человек не любит и само человечество. Он утратил веру и в индивидуума, и в общество. Ему очень сложно понять, что такое сосуществование, что такое взаимная поддержка. Увы, в современной жизни лучшие примеры преданности, верности, нежности показывают животные. Человеку же остались ненависть, досада, зависть, грубая сила и жажда разрушения ради самого разрушения.

Так, может быть, человек любит самого себя? Тоже нет. Он настолько себя ненавидит, что отдается во власть инстинктов и не развивает те качества, которые превратили бы его в истинного Человека. Он не дает себе передышки ни в чем; он не испытывает жалости и сочувствия к собственной человеческой сущности. Он либо требует от себя сверх меры, либо вообще ничего не требует. Он не любит себя. Он не Живет.

Мало что можно сказать о Любви человека к окружающей его Природе – на его отношении к ней тоже лежит проклятие бессмысленного разрушения.

Ясно, что люди любят материальные ценности, любят власть. Однако они сами не знают, зачем они им нужны. Аргумент «жизнь дана, чтобы жить» – всего лишь взмах крыльев бабочки-Психеи на фоне вечного полета, который совершает Эрот на своих могучих крыльях.

Да, крылья Эрота сломаны. Древнее божество не парит больше над человечеством, и люди обнищали в любви. Растерянные, отчаявшиеся, они придумывают атрибуты той любви, которая им неведома, еще больше разрушая ее своим невежеством.

Но не все потеряно на этом пути. Уже сам факт, что о Любви продолжают говорить, хотя никто не действует с любовью, подтверждает: существует насущная потребность в этой Высшей Силе.

Все, кто, отрывая свой взгляд от земного горизонта, ищут Высшую Любовь, понемногу исцеляют крылья раненого бога.

Сегодня я увидела Любовь и почувствовала, что только мы, свергнувшие ее, единственные сможем вновь возвести ее на сияющий престол. С каждым проблеском Любви, которому мы позволим жить в нашей душе, мы создадим новую драгоценность для короны Эрота. Каждый раз, когда мы будем устремлять свой полет к самым высоким сферам, мечтая о лучшем мире для всего человечества, мы будем создавать новое оперение для его крыльев.

Сегодня я увидела Любовь, и это была песнь надежды... Если я смогла увидеть ее, пусть даже грустную и об нищавшую, значит, многие люди тоже видели ее прежде и увидят потом. И, если мы вернем Любви ее былую славу, это станет настоящим действием Любви.

... музу Истории

Сегодня я увидела музу Истории.

Много читая и мечтая вместе со старыми классиками, которых явно посещали и вдохновляли эти тонкие духовные сущности, я пришла в восхищение, созерцая женскую фигуру из гладко отполированного мрамора – образ Истории.

За совершенством формы, за блеском мрамора я попыталась увидеть тайну богини, управляющей представлениями о времени и истории на протяжении стольких веков.

Я хотела было подойти к ней и рассказать, что называют историей сегодня, но постеснялась рисовать столь жалкую картину. Я вдруг осознала, что нынче история свелась к серии рассказов из книжек, в той или иной степени извращенных и окрашенных идеологией каждой эпохи. Я осознала, что история перестала быть активной, действенной силой, она попала в зависимость от нескольких человек, держащих в руках ее нити и манипулирующих ими по своему вкусу и в собственных интересах, которые никогда не бывают ясными и чистыми. А сам образ музы вызвал в памяти знаменитый миф о пещере, который так хорошо изложил Платон: люди, скованные вместе цепью, сидят в глубине пещеры, а ее невидимые хозяева постоянно обещают свободу тем, кто осужден жить принимая за реальность тени на стенах. Скованные тенью и обманом люди вряд ли могут творить историю; если они и знают что-то о ней, то лишь ту часть, что преподносят им тайные хозяева пещеры.

При таком хаосе и смятении, при отсутствии возвышенных идеалов, объясняла я моей музе, история приобрела черты случайного, она утратила ритм, Закон, гармонию, критерии, замыслы и глубокие следы – то, что необходимо для прогресса человечества.

Но я поняла, что моей музе чуждо понятие случайного. Она направляла значительные события, которые были отмечены печатью Необходимости, Закона и Действия. Она была музой Судьбы. Она вдохновляла людей, указывая им путь, по которому следует идти, путь, приводящий в добрую гавань.

Сегодня я увидела музу Истории, и она помогла мне заглянуть в таинство свободы воли, которая, казалось бы, противоположна предопределенности. Я открыла, что так называемые человеческие существа поистине являются людьми лишь в той мере, в какой их развитие идет в русле Великого Закона, Великой Судьбы. Иными словами, мы сталкиваемся с несомненной предопределенностью. Разве может быть так, чтобы

Тот, Кто дал жизнь нам и оживил целые миры, не определил также направление развития для этих миров и для живущих в них существ?

И в чем же тогда заключается наша свобода воли, способность личного творчества?

В нашей воле сознательно выбирать верную дорогу, дорогу, которая нам предназначена. Как говорит муза Истории, у людей есть две возможности пойти по правильному пути. Либо это будет наше сознательное решение, и однажды мы узнаем и примем Закон; либо это произойдет принудительно, и мы, тысячу раз ошибаясь и страдая, в конце концов научимся избегать ошибок. Так ребенок, хотя и не понимает свойств обжегшего его огня, убегает от него.

Мраморные глаза музы были устремлены в будущее. В них я увидела, что, насколько бы мы ни утратили чувство истории, сколь долго ни прожили бы в глубине унылой пещеры материализма, сколько бы тысяч пустых и бессодержательных формул ни перепробовали, – страдание неизбежно толкнет нас на поиски того неосязаемого пути, который нам указывает взгляд музы.

Выбор (и в этом действительно проявляется свобода воли) состоит в том, чтобы выбрать верное направление, – как можно раньше и без боли, или позже, но с душой, истерзанной страданием.

Как бы то ни было, в конце пути ждет муза Истории, белоснежная и непреклонная, со спокойными мраморными глазами. Она ждет, чтобы протянуть руку тем, кто помогает творить грядущее, а не только созерцает его; ждет, чтобы всегда вдохновлять храбрых и решительных, главных действующих лиц Жизни, тех, кому известны начало и цель всего, а значит, и тот участок пути, который мы проходим сейчас.

... Эвтерпу, совершеннейшую из муз

Сегодня я увидела Эвтерпу, совершеннейшую из муз. Звуки ее флейты стали для нас символом музыки – науки муз, символом гармонии, венчающей союз наук и искусств.

Как и все мои необыкновенные видения, она предстала предо мной в чудесном сиянии. Я заметила, что ветер, проходя через полый ствол ее флейты, волшебным образом менял свои свойства. То, что прежде было хаотическим потоком воздуха, превращалось в гармоничные и чистые звуки, выстраиваясь в то особое повествование, которое мы, люди, называем мелодией.

Я вспомнила, как важно для музы умение подбирать и сочетать звуки, использовать не только их, но и тишину, являющуюся их фоном и сопровождением. Я вспомнила, что звук для музы – явление не случайное, и ей не все равно, как соединятся звуки между собой. Ведь от того, сумеем ли мы согласовать звуки друг с другом, зависит, что родится – гармония или диссонанс.

Платон, древний мудрец, столь же древний, как и сами музы, говорил о различных состояниях души, которые может вызывать у человека музыка, и в зависимости от этого делил музыку на положительно и отрицательно воздействующую. Положительно воздействующей он называл музыку, которая возвышает сердце человека, готовит его к великим свершениям, помогая почувствовать себя сильным и уверенным в себе, активным, счастливым и спокойным. Отрицательно воздействующая музыка, напротив, вызывает тоску и уныние, рождает страх и неуверенность, боязнь совершить ошибку, склонность к бездействию, инерции.

И вот парадокс: сегодня существует множество мест, отданных музыке, но при этом столько оскверненных храмов музыки, где поклоняются не Эвтерпе, а ее темной противоположности.

Если мы не будем брать в расчет исключения (ведь исключения только подтверждают правило), то увидим, что музыка перестала быть искусством, она уже не рождается по вдохновению. Она стала самым обыкновенным предметом коммерции и полностью подчинилась моде, которая заставляет человека торговать своим талантом, портит его вкусы, не дает его душе пробудиться. И поэтому получается, что нужно следовать моде, ведь модный товар ценится выше, а чем больше тебе платят, тем лучше.

Звуки соединяются в рваном ритме, который вынуждает тело

человека не танцевать, а кривляться. Ни тени гармонии нет в этих обезьяньих прыжках, а человеческий голос иногда можно принять за хрип умирающего зверя. Флейта Эвтерпы... бедная флейта, она уже не в состоянии выразить весь этот ужас. Ее сменили другие, экзотические инструменты. Однако в тысячу раз красивее звучит попадающий в них ветер, чем извлекаемая из них мелодия.

Но другой музыки сейчас нет, мы вынуждены слушать эту, и в конце концов – несмотря на полное отсутствие в ней красоты и гармонии – она начинает нам нравиться. Эти унылые, чувственные звуки, пробуждающие инстинкты и порождающие агрессивность, действуют отупляюще, особенно на молодежь. Все средства хороши для того, чтобы молодежь попусту растрачивала свою природную энергию... Если бы юноши и девушки росли в более естественной и гармоничной атмосфере – сколько лжи, сколько боли и лишений могли бы они избежать! Но Эвтерпе нет места в этом мире, она была изгнана... В это мгновение мое едва уловимое видение развеялось, испугавшись грохота, стука и шума, которые доносились до меня – и до нее тоже – из очередного «музыкального заведения».

Эвтерпа улетела, окутанная облаком вуалей и мелодий, извлекая из своей флейты чудесные звуки и в их ритме поднимаясь вверх.

Уйдя, муза оставила мне еще одну тайну. Ее флейта – полая, она позволяет ветру свободно проходить через себя; она лишь собирает его, изменяет и вновь от пускает на волю, превратив в музыку, которую может уловить наш слух. Эвтерпа тоже «полая», она чиста, как первые лучи утреннего солнца, а потому способна наполняться красотой и гармонией... А мы – какие мы? Несчастные тростинки, закупоренные глиной времени, покрытые мхом страстей и испорченные ржавчиной безволия...

Человеку нужно, как показала мне Эвтерпа, очиститься и открыться внутренне, тоже стать «полым», проявить свою наивысшую силу благодаря другой, идеальной силе. И тогда зазвучит его собственная флейта; тогда мир узнает гармонию – пока еще скрытую, – которую способен создавать Человек.

Спасибо тебе, Эвтерпа, за эту весть и за то, что позволила увидеть себя. Обещаю больше никогда не терять тебя из виду.

... Талию, музу Комедии

Сегодня я увидела Талию, музу Комедии... Лицо ее озаряла едва заметная улыбка, и на мгновение мне показалось, что она смеется надо мной, над всеми нами, над нашей жизнью и нашими заботами, столь чуждыми тонкому душевному складу музы.

До крайности озабоченная повседневными проблемами, я попыталась отогнать это видение. Мне захотелось стереть из сознания этот изящный смеющийся образ – я подумала, что сейчас более уместны не веселье и комедия, а слезы и драма. Но мое желание немного запоздало, поскольку муза, среди прочих ее дарований, обладает способностью разъяснять сложное.

Я увидела ее и поняла, что если мы не «драматизируем» наше собственное существование, то начинаем жить в атмосфере комедии. Тогда все, что происходит, мы можем увидеть как бы со стороны, и это вызовет в нас самих ироническую улыбку или сострадание к тому, что обычно повергает нас в отчаяние.

Я вспомнила детство, свои старые игры. Тогда я считала, что с утра до вечера должна исполнять какую-то роль – как правило, важную и значительную; мне даже приходилось следить за своими словами и жестами, поскольку они казались немного утрированными в той обстановке, которая меня окружала. Но предполагалось, что когда-нибудь это представление закончится, тяжелый занавес наконец закроется, и я тоже смогу закрыть глаза и спать «по-настоящему», а не на воображаемой сцене. Тогда, в детстве, сама того не желая и не осознавая, я находилась ближе к Талии, чем сейчас. А сейчас мне понадобилось увидеть ее саму, чтобы суметь хоть немного понять ее тайну.

Да, жизнь – великая комедия. И мы даже не можем утверждать, что свободно выбираем себе роли и что можем их менять. Если беспристрастно окинуть взглядом историю, в большинстве ее важнейших событий мы сможем увидеть определенную неотвратимость, словно всеми этими событиями управляли какие-то невидимые нити, направляя их, по доброй воле или вопреки ей, к кульминации представления. Во времена моей музы эти невидимые нити назывались Судьбой и мудрые люди из всех сил стремились познать механизм их действия...

Да, жизнь – это комедия. Мы все, как и Талия, носим гротескную маску, которая на самом деле не смеется и не рыдает, а в зависимости от того, как мы на нее смотрим, изображает то радость, то печаль. Все мы скрываемся под этой маской, которая, вместо того чтобы выражать наше настроение, заботливо скрывает его, ведь никто – и даже мы сами – не должен знать, что

в действительности происходит в нашей душе. Все мы играем в великой комедии, надеясь, что яркий антураж и заученность поз заменят уверенность в себе и зрелость, которых мы не сумели достичь.

Но эта комедия древней музыки – не средство забыться в смехе, не рецепт безответственности и даже не развлечение. Комедия – это школа жизни, и все, кто играют в ней, – то есть все мы – должны извлекать те уроки, которые постепенно приведут нас от антуража и внешних, материальных масок к глубокой, скрытой реальности души, которая проходит свой опыт в театре бытия.

Мы должны посмотреть на себя со стороны, как зрители, посмеяться над своими ошибками, посочувствовать своим неисчислимым заблуждениям и в конце концов изобразить ужасную гримасу досады и иронии, которая свидетельствует о том, что мы познали самих себя, играя эти роли. И тогда мы поймем ценность комедии и улыбки. Тогда мы узнаем, что и на сцене, и в зрительном зале самое важное – быть хорошими актерами и хороши ми зрителями, хорошими людьми, которые вполне осознают реальность, но готовы менять ее к лучшему, вкладывая в игру жизни все свои силы и способности.

Талия улыбается и учит нас... В руке у нее маска... Она сумела открыть нам свое истинное лицо, показать гармонию его черт. Она завершила театральное представление и приглашает нас последовать за ней по крутым путям совершенствования самих себя с улыбкой грусти и слезами радости.

... Мельпомену, музу Трагедии

Сегодня я увидела Мельпомену, музу Трагедии. На протяжении истории человечества она вдохновляла артистов, была любима и внушала страх, отражала Жизнь и обвиняла.

Я увидела ее такой, какой ее всегда изображали: ни спадающая до пят туника, строгое и бесстрастное выражение лица, скипетр, кинжал и трагическая маска в руках. Скипетр делал ее абсолютной царицей бытия, повелительницей судеб, так или иначе влияющей на все события жизни. Застывшая гримаса ее маски напоминала нам всем о том, как много раз наши собственные лица искажались от боли. Эта маска странным образом соединила в себе все взгляды, все выражения человеческих лиц... И все они говорили о боли...

Кинжал же... по меньшей мере, он сулил возможность покончить с мраком, ложью и вынужденным страданием. Кинжал в руках всемогущей музы Трагедии обещал больше милости и надежд, нежели ее маска и скипетр.

Но видения этого мира неустойчивы и быстро тускнеют, как плохие зеркала... Само бытие, сама сущность Мельпомены затуманивает наше представление о ней. И первоначальный образ музы, явившийся мне, стал меняться, пока не сосредоточился полностью в чудесной маске, что была в ее руке.

Древние в таких случаях вспомнили бы о магии, я лишь говорю о том, что видела. На моих глазах маска ожила и перестала быть просто пустой оболочкой, соединявшей в себе лица всех людей. Внезапно она стала еще одним лицом, полным жизни, среди множества других лиц и начала кружить вместе с ними по улицам бурлящего города.

Но взгляд маски был испытующим. Ее глаза оставались пустыми и глубокими и из этой глубины безмолвно вопрошали: почему? зачем? И все опускали взгляд, а встречные сворачивали в сторону, лишь бы не столкнуться с этим немым вопросом в немых глазах, потому что никто из смертных не чувствовал себя в силах ответить на него. Рот маски изображал трагическую усмешку, да и как могло быть иначе? Это была насмешка каждого над самим собой, над своей никчемностью, своими неосуществленными мечтами, своими страхами и сомнениями... И каждый отворачивался, стараясь скрыться от этой усмешки, но все равно не мог избежать ее, потому что с этого момента каждый в глубине души начинал усмехаться так же...

Я ждала, как жду всегда, что образ Мельпомены, облаченной в пеплос, начнет понемногу таять среди чудных звуков былого. И

ожидание было не напрасным. Мельпомена скрылась в густом тумане, окутывающем ее небесную обитель, но оставила мне образ, который уже не сотрется из памяти... Она оставила мне живую маску, трагедию Жизни.

Сегодня я увидела музу Трагедии, и отныне трагедия человеческой жизни всегда будет стоять перед моим взором. Сегодня я увидела Мельпомену и поняла, что ее образ вобрал в себя и воплотил все превратности, что выпадают нам на долю. Сегодня я узнала, что ее маска не украшение, не простой атрибут; это зеркало, в котором отражаются искаженные трагедией лица. Эта маска обвиняет, потому что показывает нам, какие мы на самом деле... И сегодня я знаю, что есть единственный способ изменить выражение лица человечества: проникнуть в мистирию жизни и ее трагедию, заменить сомнения убежденностью Веры, а боль невежества – улыбкой Мудрости.

... музу Танца

Сегодня я увидела музу Танца. Древние греки называли ее Терпсихорой, и уже в самом этом имени есть нечто от ритма и гармонии...

Но имя это уже никто не произносит, а этим искусством уже никто не занимается. В нашем мире признаки разрушения появились уже на всех уровнях, и трон музы Танца оказался захвачен выродившимися формами движения и ритма, которые превратили танец в непристойное воплощение животных инстинктов.

Терпсихора не была выдумкой древних греков, а сам танец возник не ради развлечения и приятного времяпрепровождения. И муза и танец были результатом вдумчивого созерцания Природы, где все движется в согласии с законами, подчиняясь определенному ритму и определенному рисунку.

Чтобы постичь дух танца, достаточно окунуться в густую листву дерева и ощутить, как ветер колышет ее... Не отрываясь от ветвей, листья поют и танцуют, рождая симфонию зеленых оттенков, чарующую глаз и слух. Достаточно минуту посидеть у моря и отдаться неизменному ритму, в котором волны изящно накатываются на берег. Достаточно увидеть полет птицы или танец падающего листа, когда осенью приходит его час... Достаточно увидеть, как бегут в небе облака – будто танцуют, принимая тысячи фантастических форм. В конце концов, достаточно просто уметь читать ту открытую книгу, которую каждый день предлагает нам жизнь, но в которой мы ценим – да и то не всегда – лишь обложку.

Но если глаза не видят, тогда и тело не может танцевать. Тогда от нас остается лишь некий кусок материи (то, что мы называем телом), который мечется и корчится, словно в болезненных конвульсиях, а не движется в красивом ритме. Остается лишь существо, захваченное своими инстинктами, которое, не таясь, ищет прежде всего удовольствия и вовсе не испытывает томления духа по красоте. Если глаза не видят, тогда нет и звуков, чтобы сложить музыку... Если бы звуки были упорядочены и образовывали гармоничное сочетание, они пробудили бы в нашем теле согласованный и соразмерный отклик. Но нас окружает другая музыка – или неблагозвучная, резкая, агрессивная, или предательски слащавая и лицемерно сентиментальная, а тексты песен рассказывают либо о модных сексуальных отклонениях, либо о популярных политических тенденциях.

Однако все это – только маскировка, прикрытие. Истинное послание, подписывающее смертный приговор танцу, сохраняется в тайне: это призыв к торжеству материи, обещание ложной свободы, которую невозможно завоевать по той простой причине, что ее нет в нашем мире. Это призыв «делай что хочешь, пока это будет то, что хочу я». Это призыв «двигайся свободно», пока следуешь за навязанной тебе модой. Это означает принимать отвратительное за прекрасное; это означает безумно кружиться и скакать, закатив глаза, втапывая в грязь само воспоминание о благородной Музе ритма и гармонии.

Среди всей этой фальши, среди стольких бессмысленных слов, в окружении молодежи, совсем не умеющей танцевать, разучившейся даже ходить грациозно, среди прыжков и судорог, среди неопрятных, вялых, неуклюжих тел я воззвала к Терпсихоре. Я звала ее, так тоскуя по ней, что во мне пробудилась сила, которая коренится в глубине души, вне всех видимых противоречий.

И она пришла ко мне, и каждое движение Музы, облаченной в тунику, излучало грацию. Она шла сквозь вре мя, и сама ее походка была танцем, а жесты ее были музыкой. Я думала, что муза умерла, но Прекрасное никогда не умирает... Я думала, что ее присутствия никто не замечает, но Подлинное всегда найдет себе дорогу...

Это было мимолетное видение, в этот миг время и пространство утратили свою пугающую безусловность, а мода съезжилась от стыда перед тем, что было, есть и будет всегда.

Муза Танца была среди нас лишь мгновение. Никто уже не знает ее имени, никто не помнит ее искусство, но она оставила тоску, запечатленную в тех бедных телах, которые, потеряв крылья, не умеют ни летать, ни ходить. Они способны только поднимать глаза вслед промелькнувшим видениям, в то время как их душа молится, чтобы видения эти стали реальностью.

Ведь душа умеет танцевать; она живет в каждом из нас – пленницей за теми решетками, которыми мы пожелали ее ограничить. Душу, охваченную трепетом, греки называли Терпсихорой, именем, обозначающим грацию и гармонию. А когда она в нас плачет, как нам ее называть?

... еще одну музу

Сегодня я увидела еще одну музу, одно из тех благородных созданий, что время от времени спускаются на ис сохшую почву человечества, чтобы пролить на нее каплю своего вечного вдохновения. И посреди странного мира, в котором мы обитаем, мира бесплодного и измученного, я увидела нежную Эрато, царицу поэзии, духа лирики, источник любви...

Как это всегда бывает, сначала я обратила внимание на ее внешний облик, но потом погрузилась в ее образ, пытаюсь открыть смысл множества символов, сопровождавших ее. Я увидела ее простоту, скромность и мягкость, увидела ее чело, увенчанное розами. Складки ее одежды, ниспадая к стопам, казалось, пели гимн Гармонии. Я увидела ее лиру, и ее стрелу, и маленького Эрота, что вился у ее ног. Он хотя и был маленьким божеством, тоже искал поддержки музы, чтобы вернее попадать в сердца людей.

И вслед за этим видением мне явилась греза... Греза эта еще ярче обозначила пропасть между тем миром, откуда пришла муза, и тем, где сейчас пребываем мы. Нет ничего более далекого друг от друга, чем давние времена пламенного героизма и наше время трусости и злодеяний; нет ничего более далекого друг от друга, чем давно ушедшая эпоха поэзии и изысканных чувств и нынешнее шумное и полное инстинктивных страстей время. А те, кто сегодня жаждут добра и справедливости – того, что должно жить в глубине души каждого человека, – страдают еще и оттого, что должны скрывать и подавлять это стремление, молчать или плакать в одиночестве, ведь нынче подобные «слабости» не в моде...

И вот между наплывами боли пришла греза... Я услышала дивные стихи, почувствовала их мягкий ритм. В этих древних забытых словах, таких простых и чистых, не было бы смысла, не будь они наполнены чистотой и простотой... Я услышала лирические звуки, которые объединяют всю Природу в едином гимне красоте. А лира в руках музы нежными мелодиями сопровождала эти старинные поэмы о любви.

Тогда я увидела, как вновь ожил маленький Эрот. Прелестное божество не сводило взгляда со стрелы в руках у музы, а все вокруг постепенно приобретало более глубокие и насыщенные цвета. И снова – уже в который раз – я поняла, что Эрато воспекает возвышенную любовь, которая полностью исчезла из нашего времени и пространства. И я узнала, что муза уже не живет среди нас, потому что мало тех, кто хотел бы познать эту

беспредельную любовь, любовь, которая если и опирается на тело, то для того, чтобы вознестись до тончайших сфер, к самым истокам жизни. И я почувствовала тоску по этим размеренным и благозвучным потокам, где поэзия обретает ритм, с которым пульсирует кровь, где слова кипят, как морская вода, и где наши чувства – основа небесных видений.

Прекрасная и целомудренная Эрато, твоя поэтичность не умерла со временем, твой древний миф не та ложь, которую нам твердят сегодня. Твое существование так же реально, как реальна непреодолимая потребность, которую люди испытывают в тебе. Но тебя постигла участь остальных твоих сестер: тебя никто не понимает из боязни понять; за тобой никто не следует, потому что очищаться от грязи материи – непомерно тяжелый труд. Мы боимся летать, как ты, петь, как ты, и чувствовать, как ты, потому что все это равносильно тому, чтобы жить с чистой, открытой и обнаженной душой. И потому теперь мы обнажаем тело, а душу прикрываем грязными лохмотьями... И потому мертва поэзия, потому постепенно умирают слова любви, потому мягкие и нежные жесты, свойственные твоему миру, заменены ударами и насмешками...

Но я увидела тебя, и я знаю, что ты существуешь... Хотя твое видение было мимолетным и всего лишь миг мне довелось быть рядом с тобой, с этого момента я со всем смирением смертного буду стараться продлить век твоей красоты и славы. Дозволь мне воспеть тебя, дай мне в руки лиру, наполни вдохновением мой голос и окружи меня своей нежностью. И сделай так, чтобы то, о чем я сегодня говорю, – сегодняшнее мое видение – стало реальностью для всех отчаявшихся и безгласных, что мечтают о тебе, сами того не зная.

... Полигимнию

Сегодня я увидела музу Полигимнию. Строго, торжественно пела она гимны на древних языках, которых нам уже никогда не понять.

В пустыне нашей повседневности эти удивительные размеренные звуки, напоминающие о порядке и мире, стали для меня живительным источником силы.

Греки называли ее Полигимнией, музой гимнов, священных песен, ритуальных танцев в честь богов... Изображая ее прекрасной, скромной, сдержанной, они скрывали под вуалью ее целомудренные черты, но открывали свои сердца для неиссякаемой мелодии веры, обращенной в музыку.

От Полигимнии греки узнали о силе гимна, о духовном спокойствии, даруемом религиозным чувством. И, сначала дав Полигимнии петь среди них, в один прекрасный день люди «вознесли» ее на небо, в обитель Бессмертных, чтобы она улаждала слух богов, – так как считали, что на земле ее уроки уже усвоены...

Но нет для нас ничего более далекого, чем муза религиозного ритма. Мы едва можем представить себе, что такое ритм. У религии осталось совсем немного укрепленных позиций, ее алтари захватила непристойная пошлость. Песни, танцы? Поэзия почти умерла, в песнях воспевается только пыль на дорогах, а танец посвящен лишь разрушению человеческого тела, которое уже познало слабости, страхи и смерть... Гимны? Зачем? Кому возносить благодарственные строфы и к кому устремлять надежды? Во имя чего стремиться укреплять свой дух и характер? Кто мечтает уверенно идти к звездам? Кто стремится к движению в пространстве по спирали, восходящей к трону Полигимнии?

Бедная муза, ты спустилась на землю и предстала перед жалкими и беспомощными людьми как мимолетное видение... Но нам следовало бы воспользоваться твоим появлением и возродить ритуалы, исполненные мистики и красоты...

Сейчас май, месяц Девы Марии, месяц цветов, раскрывающихся под лучами возродившегося солнца. Это месяц ароматов и теплых дуновений ветра, которые предвещают Вечную Жизнь вдали от зимних теней. В этом месяце мае мы постараемся сделать так, чтобы к нам вернулись строгая нежность твоей вуали и сдержанность твоего чистого взгляда, который созерцал только ангелов и богов.

В мае мы попытаемся соединить в гармонии наши голоса, чтобы петь старые песни, рассказывающие о человеке и его

восходящем пути. Давайте исцелим наши тела с помощью гармонии и ритма танца.

В мае мы начнем следить за своими словами и жестами, будем больше улыбаться и держать под контролем свои импульсы, стремясь превратить каждое из наших движений в священное действие.

В этом месяце твое имя, Полигимния, станет новым обещанием чистоты и плодородия. Мы увидим тебя и в цветах, и в облаках, и в детях, и в птицах, и тогда мы постигнем искусство твоих древних гимнов. И тогда мы вновь начнем понимать тот утраченный язык, который понимают боги и который мы позабыли тогда, когда перестали молиться.

Молитва, обращение к Богу и песнопение; танец сдержанных шагов; ритм, гимн и радость; весна, вера и надежда. Все это увиделось мне, потому что сегодня я увидела Полигимнию.

... Уранию, музу звездного неба

Сегодня я увидела Уранию, музу звезд, небесную музу. Для того чтобы увидеть ее, достаточно устремить вверх свой взгляд. Но сегодня так трудно суметь поднять глаза...

Сегодня мы, закрытые для высшего вдохновения, далеки от муз; мы научились целовать веревки и цепи, которые все больше и больше привязывают нас к земле. Именно поэтому мы постепенно забываем, что существует небо, а звезды сияют, несмотря на наше ослепление. Мы забываем, что правящие Вселенной священные законы продолжают неумолимо действовать, как бы ни пытались люди отменить этот математически точный порядок с помощью бумажных указов.

Сегодня я увидела Уранию. В руках она держала нашу Вселенную, движущуюся в согласии с Законами, эту огромную и невероятную Вселенную, где гармония выражается через числа, через движение, через циклы и через жизнь, которая продолжается всегда. В небесно-синем сиянии я увидела совершенный образ в окружении светил; из своего звездного мира муза указывала на тончайшие нити, которыми соединено все сущее в этом мире.

Далекая от абстракций, к которым нас приучила наука, я увидела, что звезды – это полные жизни существа. Я увидела, что, как мы, люди, нуждаемся в телах, чтобы учиться и общаться между собой, так и звезды приобретают свой опыт, облаченные в тела из света. Я увидела, что круговращение звезд похоже на то, как люди постоянно перемещаются из одного конца города в другой, чтобы исполнить свои ежедневные обязанности. Я увидела, что появление и исчезновение звезд подобно тому, что мы называем сном и бодрствованием. Я увидела, как звезды ищут свое Центральное Солнце и вращаются вокруг него, точно так же как человек обращается к Богу в постоянном поиске совершенства.

Я увидела и оценила глубину познаний древних: зная характер и особенности каждого небесного светила – живого существа, они связывали его с разными божествами, соединяя символы и значения в попытке синтеза, который помог бы человеку почувствовать себя частью Вселенной.

Глядя на Уранию, я почувствовала силу этих параллельных путей, которые ведут и людей и звезды к одной и той же Судьбе, каждого в меру его возможностей. Мы – темные, они – сияющие, но у нас одна и та же природа. Мы одинокие и отчаявшиеся, их сопровождает Урания, за которой они следуют по своим орбитам.

Мы внизу, они наверху, но и мы, и они делаем усилия встретиться: они – посылая нам свое вечное сияние, а мы – учась поднимать глаза и замечать их присутствие в условленном месте ночного неба.

Когда закончится день и зайдет Солнце, когда отойдут на задний план заботы и хлопоты, которыми ты до сих пор был захвачен, друг мой читатель, подними глаза к ночному небу. Не позволяй темным тучам ввести тебя в заблуждение, за ними ты увидишь блеск покрывала Урании, усыпанного огоньками, которые пульсируют в том же ритме, что и твое сердце.

Ищи Уранию, и ты увидишь, что ты не одинок, что Вселенная, которую она тебе предлагает, бесконечна и за пределами человеческих страданий есть обещание величественной вечности – в том мире, где мерцают наши звездные братья, которые, сделав шаг вперед по Пути Жизни, научились обращать мрак в свет, преходящее в вечное. Ты видишь ее? Именно потому, что ты поднял свои глаза, Она опустила к тебе свои и звездой гораздо более яркой указывает на твою собственную звезду.

Сегодня я увидела Каллиоу... Древние называли ее музой эпической поэзии, и у них были на то основания. Уже само ее имя хранит скрытый ритм движения горячих боевых коней, несущих на своих спинах славных рыцарей.

Как хорошо порой позволить появляться этим таинственным и далеким образам! Такие видения становятся зеркалами, позволяющими нам сравнивать отражения миров прошлого с явлениями современности. Хотя я тысячу раз пыталась повторять себе, что фраза «раньше все было лучше» не обязательно верна, подтверждения от жизни я так и не получила.

Я выходила на улицу, говорила с людьми, листала книгу за книгой... Но так и не нашла Каллиоу ни в одной из сфер современной жизни. Тогда я подумала, что, может быть, существует иная Каллиопа, в современных одеждах, которую мои глаза просто не замечают. Но и в новых формах я все равно не услышала доносящийся из древности стук копыт боевых коней, несущих своих всадников.

И именно тогда я подняла глаза и в разноцветных облаках воображения увидела Каллиоу. Ее спокойное лицо выражало твердость, воинскую силу, внутреннюю уверенность, прозрачность души, озаренной светом отваги. Ее голос... Ее голос был подобен звуку бронзовых труб, что сопровождает шествие героев. Ее глаза напоминали сияющие солнца, в которых отражался блеск мечей, щитов, шлемов всех тех, кто отдал свою жизнь за Идеал.

Ее туника развевалась на ветру, ветер же этот создавало движение отрядов доблестных рыцарей справедливости, странствующих по миру в попытках помочь свету победить тьму.

Ее проявления были многообразны. То в какой-то миг я узнала в ней самих валькирий, что уносили с поля битвы души воинов. То я увидела ее в образе лодочника, который напевал нежные, чарующие мелодии под взмахи своего весла, переправляя через Стикс победоносные души. То она предстала могущественным ангелом, который поэтическими строфами зывал ко всем заснувшим в бессилии и упадке материи...

Ах, древние рыцари... Может, и правда, что у них были свои недостатки. Но все это осталось в далеком прошлом... Может, и правда, что они чувствовали и думали почти так же, как нынешние люди... Но у них было и нечто иное: искра красоты, капля гармонии, толика благородства, много отваги и достоинства, немного честолюбия и власти и бесконечная

способность к самопожертвованию. Поэтому у рыцарей древности была муза, певшая для них с небес, а сегодня слышится лишь хруст камней на дороге под ногами печального и безвольного человека. К жизни он относится потребительски, и к нему относятся так же; ему не хватает воображения, поэзии, отваги и мужества.

Сегодня я увидела Каллиопу, но прежде смогла услышать ее.

Мне удалось услышать проникновенный ритм ее поэмы, сотканной из самой жизни. Мне удалось почувствовать ее могучую энергию, которая прошла через все мое существо, призывая выйти из печальной темницы времени, чтобы порыцарски, лицом к лицу встретить опасности жизни.

Меня уже не удручало отсутствие поэзии, меня не огорчали глупые рифмы, составленные из самых нелепых слов. Мне уже не казалось утомительным повседневное существование. Каллиопа была здесь, она пела голосом победы, прекраснейшим голосом духовного порыва.

Насколько плохо видела я вначале! Мне казалось тог да, что это лишь мое воображение нарисовало передо мной тонкие черты музыки. Однако она в самом деле была здесь, более яркая, чем созданный мной бледный образ, более сильная, чем мои слова, более величественная, чем все люди вместе взятые. Голосом, подобным звукам труб, воспевала она божественный триумф тех, кто во имя чести сумел оседлать крылатую Неумолимую Судьбу.

Слушайте! она продолжает взывать к людям! Ее поэзия нескончаема, как само время... Она воспевает добродетель и красоту... Кто отправится вместе со мной в ее царство?

Сегодня я увидела мир сверху... С высоты летящего самолета открываются любопытные картины, которые при повседневном и беглом взгляде ускользают от нас.

Когда смотришь с высоты, то, что кажется большим и важным, утрачивает свою величину. Бесконечно длинные улицы, которые трудно пройти пешком и еще труднее проехать на машине, превращаются в изящную паутину, легко закрываемую ладонью. Реки извиваются по земле сверкающими на солнце нитями. Горы становятся пологими холмами и открываются нам целиком, а не так, как мы их видим снизу. И только море, великий океан, сохраняет ту же безграничность, которая так поражает нас, когда мы стоим на земле. Должно быть, море – это одна из тех изначальных стихий, чья природа не меняется в зависимости от точки зрения.

А как выглядят люди, когда смотришь на мир сверху? Первое, что приходит в голову, – это образное сравнение с крохотными муравьями. Пожалуй, даже не с муравьями – люди настолько малы, что их не видно вовсе. Поезд, пересекающий равнину, похож на крошечную гусеницу с множеством пассажиров внутри. Автомобиль, отчаянно пытающийся развить хоть какую-то скорость, остается практически неподвижным по сравнению с несущей нас огненной птицей...

Наш самолет поднимается все выше и выше. Уже скрылись из виду миниатюрные города, разноцветные лоскутки полей, реки и горы. Мы стремительно скользим над белой периной облаков, полностью скрывающей земную поверхность. На мгновение становится страшно, страшно утратить опору, которая нам кажется столь необходимой. Легкие покачивания нашей огненной птицы заставляют еще острее почувствовать отсутствие почвы под ногами и ощутить, что значит «висеть в воздухе». Но в конце концов мы привыкаем к этой новой «почве», образованной белыми облаками – тяжелыми и сильными, высокими и гордыми, – и начинаем открывать для себя мир, в котором есть только небо и взгляд сверху.

Словно в первый раз, я вижу звезды, наблюдаю, как день сменяется ночью. С наступлением вечера на чистом небосводе появляется огромный, светящийся, загадочный и завораживающий лик луны. Звезды становятся крупнее, и кажется, что их можно достать рукой. Я так очарована, что уже не имеет значения, где остался мой повседневный мир, моя земля. Ночь вовсе не черная: небо излучает таинственное свечение,

зовущее нас все дальше и дальше. А когда ночь заканчивается... Только словом «чудо» можно описать восход великолепного, сверкающего красного солнца, заполняющего все пространство своим величием. Родился новый день, на этот раз далеко от земли, и смотрит на нее сверху.

Сегодня я увидела мир сверху – и извлекла урок. Я сохранию воспоминание о том, как уменьшаются вещи, когда смотришь на них с высоты. Я поняла, что не обязательно лететь в самолете, чтобы посмотреть на мир сверху и увидеть, как малы и несущественны проблемы, которые кажутся колоссальными, когда находишься с ними в одной плоскости.

Снизу все кажется трудным, все гнетет и давит. Внизу вещи причиняют боль и страдание, и невозможно понять их истинную суть. На уровне глаз даже самое незначительное может показаться чудовищным.

И только глядя сверху, мы обретаем свою истинную высоту. Глазами души мы можем подняться до высот, недоступных даже самым мощным самолетам. В нас тоже есть огненная птица, способная взлететь и показать ничтожность наших забот и тревог. В своей душе мы несем и небо, и солнце, и луну, и звезды, и тихую ночь, никогда не бывающую крошечной тьмой, но озаренную обещанием рассвета, который наступит, едва мы научимся расправлять крылья.

Ходить, ездить по дорогам, глядя по сторонам, – это свойственно человеку. Взмывать ввысь, летать, ясно видя незначительность, малость вещей, – это уже нечто превосходящее человеческие возможности. Мне в этом помог самолет, а ты, читатель, можешь взять в помощники другую «огненную птицу» – способность видеть так, как говорит название этой главы. Лети вместе с нею, смотри на мир сверху!

... то, что не всегда можно увидеть обычными глазами

Сегодня я увидела то, что не всегда можно увидеть обычными глазами. Иногда иной, необычный взгляд, ясный и глубокий, кажется, способен преодолеть ограничения тела. И вот сегодня я увидела, сегодня я почувствовала, что есть на Земле места, где боги не умерли.

Я не собираюсь вступать в теологический спор о многобожии и единобожии, не хочу обсуждать, может ли Бог умереть, могут ли люди убить его, существовал ли Бог всегда или его никогда не было. Я хочу поговорить совсем о другом.

Изучая историю, мы знакомимся со многими цивилизациями, для которых религия была основой жизни. Мы знаем это не потому, что так написано в современных книгах. Об этом нам рассказали люди тех давних эпох, воплотив свою веру в дошедших до нас творениях: храмах, священных дорогах, изваяниях, ритуальных приношениях, ювелирных изделиях, сосудах, – которые всегда несут трансцендентный смысл. Словно Бог или боги – в своей бесконечной способности ко множественности проявлений – присутствовали в каждом движении тех людей. И словно Бога непостижимым образом питали те места Земли, где его так любили и почитали.

С незапамятных времен мудрые и сведущие люди искали особые, «отмеченные» места, чтобы возводить там храмы. Они старались определить те точки, где силы земли и неба сливаются воедино. И сегодня на месте древних святынь высятся другие, новые; там, где некогда звучали древние молитвы, к Богу обращаются новыми словами; там, где действовала древняя магия, сегодня воцарилась загадочная сила, для которой мы едва находим определение – «чары», «воздействие», «притяжение»...

Несомненно, такие точки на Земле существуют, и восприимчивые люди не могут не чувствовать особую энергию, которая от них исходит... Здесь кажется, что Боги не умерли... История здесь словно остановилась... Вечное словно продолжает властвовать в этих вечных местах нашей планеты.

И происходит чудо. Камни перестают быть тяжелыми, грубыми и безжизненными предметами и превращаются в существ, способных говорить и выражать свои чувства. Руины перестают быть просто развалинами и вновь обретают былое величие и цельность в глазах тех, кто смотрит на них с интересом. Воздух и ветер доносят далекие ароматы, странные

голоса говорят с нами на языке вне времени и пространства... И все сразу становится понятно... Всё так, как было тогда. И мы такие же, как тогда.

«Память», «традиция», «мифы», «легенды»... Как бедны и беспомощны слова по сравнению с реальностью, которая вдруг обретает силу и становится осязаемой! В это мгновение мы чувствуем, что если бы мы сейчас жили там или если бы мы жили там тогда, то повторяли бы те же жесты, обращались бы к тем же образам и молились бы теми же словами. Теперь мы знаем, что мы не туристы, не просто прохожие, что мы оказались здесь неслучайно. Мы понимаем, что соприкасаемся с таинственным, вечным, выходящим далеко за пределы того, что люди называют историей.

Там, где боги не умерли, все предстает в другом свете, и сами люди, побывав в этом «зачарованном» месте, изменяются – становятся более простыми, искренними и глубокими. Там, где все по-другому, мы тоже на мгновение становимся другими.

И именно там мы учимся мечтать, именно там мы стремимся открыться навстречу странной силе, что овладевает нами, пропитаться тайной, чтобы донести ее в другие места, лишённые света, туда, где сегодня присутствие богов едва ощутимо...

Там мы узнаём великую истину: есть места на Земле, где боги не умерли. И оживают они везде, где есть хоть один человек, который способен чувствовать трепет, соприкасаясь со светом, с красотой и гармонией, с ясностью и спокойствием, с магией и тайной, соприкасаясь с вечностью.

... парапсихологический феномен

Сегодня я увидела парапсихологический феномен. Нечто, что выходит за пределы известной психологии, что находится «по ту сторону психологического», как ясно из самого значения слова.

Но следует уточнить, что на самом деле я увидела два феномена.

С одной стороны, мы видим, как день ото дня растет интерес к фактам, которые до сих пор не поддаются объяснениям. А с другой стороны, все больше становится тех, кто создает другой феномен – автоматически отрицает все случаи из области парапсихологии. И поэтому я сказала о двойном феномене, о двух способах преодоления границ современного познания: когда признается очевидность явления и когда оно просто отрицается.

И то и другое явление заслуживают нашего внимания.

Рассмотрим сначала существование фактов, которые кажутся невозможными с логической точки зрения. Очевидно, что существуют люди, которые обладают особыми способностями и силами, неизвестными другим. Очевидно, что есть люди с особенно ясным разумом, цепкой памятью, острым умом. Очевидно, что Природа сохраняет для нас бесчисленное множество тайн и, хотя все мы желаем проникнуть в их суть, есть люди, которым это удастся лучше других и раньше других.

Говоря об этих феноменах, мы, конечно, не имеем в виду ничего дьявольского и колдовского в плохом смысле этого слова. Напротив, мы говорим о том, что люди имеют тысячи возможностей познания, но не используют их. Однако это не означает, что этих возможностей нет или что они несут в себе зло.

Таким образом, широкий спектр явлений, выходящих за пределы современного познания, может иметь такой же широкий спектр объяснений – от обмана и мошенничества до новых аспектов будущих научных исследований. Но ведь вероятность обмана – это не окончательный приговор, не повод для категорического отрицания любого парапсихологического явления. Во всякую человеческую деятельность ложь и искажения проникают лишь по той причине, что люди неумело копируют нечто, что не способны передать в точности. Иллюзионист, убеждающий нас, будто мы видим то, чего нет, всего лишь констатирует существование другой реальности, которую мы интуитивно чувствуем, но не видим. И как в кино или в театре нам показывают реальные и в то же время иллюзорные формы жизни, так и иллюзии, создаваемые фокусником, в иных условиях

могли бы стать реальностью.

Теперь поговорим о другой стороне вопроса, об априорном отрицании всего, чего мы не знаем, не понимаем или не можем объяснить существующими средствами. Это настоящий феномен, который не укладывается в рамки психологической логики. Ведь было бы разумнее исследовать, прежде чем отрицать, проверить, прежде чем опровергать. Отрицание – это удобная, но в то же время опасная позиция. Она удобна, поскольку довольствуется тем, что есть, фиксирует познания в существующих пределах. Опасна же она потому, что сужает горизонт исследования. Мы видим в этом результат действия различных форм материализма, которые навязывают нам, как всеобщий закон, веру лишь в то, что мы можем потрогать и измерить. При этом не принимается во внимание, что диапазон наших ощущений может быть гораздо шире, а на смену современным измерительным приборам придут другие, более совершенные, как это всегда происходило в истории.

Да, многие феномены не умещаются в рамках того, что мы называем сегодня наукой. Но не следует забывать: сегодня мы называем наукой то, что когда-то было странным феноменом, пробудившим людское любопытство и жажду познания. И еще мы не должны забывать о цикличности времени, о том, что научные вопросы, привлекающие сегодня наше внимание, уже изучались много веков назад, так давно, что мы уже успели забыть их и снова начали изучать. Так произошло с алхимией и астрологией, которые стали сегодня предметом самых современных исследований, хотя их глубоко изучили поколения мудрецов древности (и разделяющие нас века не сделали их менее мудрыми).

Можно предположить, что наша заинтересованность космосом или атомом в ближайшие столетия тоже вытеснится другими предметами и областями знания. И никому из нас не понравится, если будущие исследователи при первых же попытках обращения к нашим наукам будут называть их «наивными» и «магическими», что считается синонимами глупости.

Сегодня во всем мире распространены исследования в области парапсихологии. Сфера эта не нова, поскольку уже множество цивилизаций до нас пыталось проникнуть в ее секреты. Нова лишь наша тяга к ней в XX веке, когда нас уже не удовлетворяет простая психология лабораторий и измерений и в странных явлениях мы ищем и предчувствуем Бога, которого некогда изгнала и чье место узурпировала материалистическая культура. Нам все еще нужен самый фантастический из

парапсихологических феноменов: нам нужен человек свободный, несмотря на его тяжелые оковы. Нам нужна душа, которая ищет свое Предназначение, несмотря на давление материи. Нам нужна вечно новая Истина, поднимающаяся среди сомнений и лжи, подобно птице Феникс, возрождающейся из собственного пепла.

... как на сцене театра мира ставят очень древнюю и занимательную пьесу: «Миф о пещере»

Сегодня я увидела, как на сцене театра мира ставят очень древнюю и занимательную пьесу: «Миф о пещере». Если бы в древности платили за авторские права, плата бы досталась Платону – философу, которого еще не оценили по достоинству.

Сюжет мифа настолько же прост, насколько глубоко его содержание. Он рассказывает о людях, заточенных в пещере. Они сидят спиной ко входу, прикованные цепями, а в это время на дальней стене пещеры, как на кино экране, возникают образы существ, которые живут снаружи и проходят мимо. И люди в пещере пребывают в заблуждении, принимая тени людей и предметов за действительность и не догадываясь о реальном существовании внешнего мира.

Но вдруг в пещере появляется не похожий на других человек. Побуждаемый вначале любопытством, он разрывает свои цепи, пробует ходить и с огромным удивлением начинает смутно различать тот, другой, внешний мир... Сперва ему кажется, что это просто сон или что он ослеп от яркого солнечного света, которого никогда раньше не видел. Но мало-помалу он привыкает к новым условиям, узнает истинное положение вещей и, исполненный мудрости, опьяненный счастьем, решает вернуться в пещеру, чтобы избавить от заблуждения остальных. Нет смысла говорить о том, что конец этой постановки не вошел в списки «хэппи эндов». Люди в пещере не только не верят рассказам своего бывшего товарища, они осуждают и травят его...

Для нас, воспитанных в духе «живой» философии, в этом примере Платона ясно видно различие между рабством и свободой. Рабы – это люди, заключенные в пещере, хотя они и кажутся свободными, потому что могут «свободно» выкрикивать свои мнения. Однако их мнения никогда не принимаются в расчет. Действительно свободный человек – это тот, кто, ведомый жадой познания, находит в гармоничной работе универсальных законов реальность и истину самой Жизни, смысл поразительно согласованной работы Космоса и не менее удивительного чуда – Человека. Другими словами, раб считает себя свободным, потому что кричит все, что хочет, а свободный человек с радостью становится «рабом» законов Вселенной, которые в то же время являются и его собственными законами.

Мы видим, что прошли столетия, но «пещера» не исчезла...

Сегодня она снова действует, как и всегда, когда это требовалось создателям этого уродливого явления – тем, кто никогда не показывается, скрываясь за лицами, словами и псевдодеятельностью пожизненно заключенных. Сегодня нам навязана «пещерная» формула: «демократия = свобода». И сегодня, как всегда, когда создается очередная «пещера», нам нужен политик-философ, который мог бы выйти на свет солнца и показать нам наши заблуждения и призрачность теней, среди которых мы живем.

В пещере людей учат, что они свободны и могут беспрепятственно выражать свое мнение. И заключенные кричат, с удовольствием ломают и крушат свою собственную пещеру, не думая о том, что им никогда не позволят выйти из нее и что просто из соображений экономии им стоило бы поддерживать ее в порядке.

В пещере людей учат презирать «тоталитаризм», но забывают объяснить им, что сама пещера и есть воплощение тоталитаризма, где нет ничего, кроме «свободы и демократии». Но демократия никогда не сможет быть по-настоящему «тоталитарной», то есть всеобщей, так как она никогда не достигнет всеобщего единства мнений. Ведь, согласно Платону, мнения не несут в себе мудрости, потому что они изменчивы и непостоянны. К тому же демократия легко оборачивается тиранией: всем кажется, что большинство поработочает меньшинство, но на самом деле все происходит наоборот: «демократическое меньшинство» превращает в рабов необразованное и склонное поддаваться на обман большинство.

Мы хотели бы показать людям нашего мира, нашей современной «пещеры», что свобода – это знание, свобода – это порядок, свобода – это способность принимать ответственные решения, которые ведут к намеченной цели; что свобода рождается в Душе, которая осознает свое бессмертие и знает, что ее Судьба не ограничивается только событиями физической жизни. Ведь свобода – это не только «право топтать ногами», не способность громко кричать, драться, воровать, убивать, разрушать просто из желания навредить. Свобода не в том, чтобы, презирая и ненавидя любую «униформу», надевать грязную и потертую одежду, которая, по сути, становится новой униформой. Свобода не в том, чтобы жить ради размножения, подобно животным, недаром же мы, люди, имеем больше разума (?), чем бедные твари... Свобода – это не вечная праздность, предаваться которой бездельники могут лишь благодаря тем, кто работает... Или новой свободе требуются новые рабы?

Мы хотели бы показать людям «пещеры» XX века, что все

слова искажаются теми, кто неправильно их использует – по неведению или намеренно. И, как свидетельствуют циклы истории, точно так же как сегодня не принято говорить о тоталитаризме, через некоторое время будет не принято говорить о свободе и демократии. Нам стоило бы совершить маленькое усилие и вспомнить, что, если бы пещера в примере Платона была тоталитарной в истинном значении этого слова (то есть всеобщей, всеобъемлющей), конец этого мифа был бы другим. Всеобщность достигается тогда, когда ВСЕ поднимаются к вершине Истины, а чтобы прийти к ней, нужнее совет одного мудреца, чем вопли тысячи невежд.

Так пусть нам не говорят о свете и свободе те, кто только и умеют, что создавать пещеры. Пусть они расскажут нам о темноте и цепях, и тогда мы убедимся, что они, по крайней мере, начали говорить правду.

... как История на мгновение остановилась

Сегодня я увидела, как История на мгновение остановилась... Это случилось, когда перестал отсчитывать время Биг-Бен – старые часы, олицетворяющие еще более древнюю традицию. Люди, которые понимают сердце часов, говорят, что Биг-Бен «устал», что его металл не выдерживает нагрузки.

Конечно, тысячи часов ежедневно ломаются и останавливаются навсегда. Но Биг-Бен – это не просто часы. Это прототип всех часов, символ времени, значимый в истории образ.

Эти старые, усталые, но благородные часы, отдавшие свою силу миллионам отсчитанных минут, заставили меня задуматься. Задуматься о том, как, порой незаметно для нас, на мгновение останавливается ход жизни на пороге великих перемен, перед дверями истории, за которыми нас ждут другие времена.

Сердце, внутренние часы, – верный спутник жизни человека, и, когда сердце останавливается, когда заканчивается чья-то жизнь, мы вдруг испытываем грусть, боль, возможно, острую ностальгию по тому, что ушло и что, даже вернувшись, никогда не стало бы прежним. Исторические часы – это верный спутник циклов жизни человечества, и, когда они останавливаются, нас охватывает тоска, потому что нечто уходит от нас и приходит что-то новое, но ни это новое, ни мы сами уже не будем прежними.

Если подобное глубокое размышление повергает людей в печаль, нужно понимать, что эта печаль – не что иное, как дань всему тому, что когда-то служило очередной ступенью в жизни. Сегодня, когда все восхваляют перемены, когда всеобщее обновление с восторгом приветствуется во всех сферах жизни, когда воспоминания и тоска по прошлому считаются уделом стариков, – сегодня молодые философы стремятся вспоминать прошлое и отдавать ему должное, ведь именно благодаря этому мы можем день ото дня обновляться.

Может ли существовать лестница, состоящая лишь из одной последней ступени? Пренебрегает ли кто-нибудь первым шагом на пути из-за того, что цель находится в его конце? Неужели кому-нибудь стыдно от того, что он когда-то был ребенком? Разве мы презираем семя, дающее жизнь дереву? Я уверена, что именно так, а не иначе нам нужно смотреть на жизнь, на опыт, на проблемы и достижения, осознавая, что всякое событие есть ступень для грядущего.

Возлюбив одни лишь перемены, мы утратили память. Возведя на трон все новое, мы разрушили традиции. Мы обращаемся к памяти и традиции лишь затем, чтобы критиковать их. Что же

будет, когда сегодняшние новшества станут достоянием памяти и традиции? Каково им будет ощущать на себе юношеское презрение? Смогут ли сегодняшние «новые» смириться с тем, что они станут никем и ничем?

В человеке живет беспредельная жажда вечности, хотя обычно ее трудно распознать. Эта жажда проявляется во всем, что бы он ни делал: в детях, в которых он обретет бессмертие, в домах, которые он строит, в книгах, которые он пишет, в словах, которые он произносит, в опыте, который он пытается передать. Жажда вечности имеет отношение не только к будущему; эта вечность ощущается именно потому, что устремлена из беспредельности прошлого в иную беспредельность, простирающуюся впереди. Именно эти две бесконечности – начало и конец, разворачивающиеся во времени, мы и называем Историей в самом широком смысле этого слова.

И потому нам дорого все, что связано с Историей, все, что имеет глубокие корни и в то же время может перейти в будущее – но не как нечто совершенно новое, а как нечто несомненное и хорошее во все времена.

«Новое» не всегда значит «хорошее»; вначале оно просто новое. Для того чтобы стать хорошим, оно должно «состариться», пройти испытание временем, выдержать множество «тик-так» почтенных часов, пока не подтвердит свои достоинства. Это новое должно служить всем: мужчинам и женщинам, детям и старикам; оно должно иметь свежесть воды и вкус выдержанного вина, смело встречать дни и ночи, сиять вместе с солнцем и луной... и лишь на один миг перестать сиять – чтобы сделать новый вдох и продолжать дальше. Как замерший сегодня Биг-Бен, как другие, будущие часы, которые останутся в нашей памяти настолько, насколько им удастся сопутствовать нам в течение многих лет, одинаково бесстрастно отсчитывая и хорошие, и плохие мгновения.

Для тех из нас, кто верит, что тишина тоже звучит, безмолвие часов, проживших долгую жизнь, более символично, чем звучание тех, которые сейчас идут. Молчание, отсутствие чего-то, бывшего прежде, – знак того, что это действительно было. Были часы, было гармоничное звучание истории, которая сейчас на мгновение затаила дыхание, прежде чем начать отсчет другого времени – может быть, в металле, а может быть, в памяти.

... как поворачивается колесо времени

Сегодня я увидела, как поворачивается колесо времени. Я говорю «поворачивается», потому что само Время убедило меня, что все на свете линии изогнуты и да же на прямом пути в бесконечность мы движемся по спирали.

Загадочная форма спирали хранит в себе другую, более великую тайну – тайну эволюции. Ее витки ни когда не лежат в одной плоскости, они поднимаются, окружая центральную ось. И эти витки не одинаковы – поднимаясь, они уменьшаются в размере, и самые маленькие из них оказываются выше других и ближе к оси спирали – оси сознания.

Если мы представим Время в виде подобной спирали, нам нетрудно будет понять, что жизнь человека и даже других форм жизни, о которых мы сейчас не будем вести речь, проходит через очень похожие периоды, со многими сходными характеристиками, хотя и на разных ступенях эволюции.

Много раз на страницах акропольских изданий мы говорили о наступлении «нового средневековья». Мы изучили его особенности, изучили хорошие и дурные черты, отличающие любой период «межвременья», находящийся «посередине», между двумя эпохами, что и отражается в его названии.

Много раз мы подвергали анализу историю и пришли к выводу, что сейчас колесо времени неумолимо приближает нас к новому средневековью.

Но сегодня я увидела это своими глазами.

Нет, я не прочла об этом в книге, не услышала от какого-то выдающегося мыслителя, не беседовала об этом с философами, питающими особую любовь к изучению истории. Я просто увидела это – на улицах, в людях, в моде и даже в образе жизни.

Известно, что формы жизни временны и преходящи, но они содержат в себе определенный образ мыслей и чувств, который проявляется в них – пусть ненадолго, но проявляется.

Прогуливаясь по этому огромному «супермаркету» – современному миру, где так много вожделенных для человека вещей, можно ясно увидеть изменение вкусов, моды в сторону ужасающего упрощения, не лишенного, однако, свойственной средневековью силы – жестокой и невинной, конкретной и простодушной. Кажется, что все возвращается, поворачивается вспять, и это отражается не в регрессе или экономическом упадке, а в поиске сути прошлого, которому требуется дать новую жизнь в новом свете.

И вот как будто час настал, колесо времени совершило свой

поворот – и все колокола возвещают о приходе средневековья. Пластик уже не в чести, теперь снова ценят тепло дерева и холод металла – все настоящее, естественное в отличие от искусственности пластика. Игрушки уже не изображают только фантастические миры будущего, миры космических кораблей и покорения вселенной. Они постепенно возвращаются к формам рыцарским, воинским и благородным – к сражению с открытым забралом, а не к столкновениям существ, спрятанных в межзвездные капсулы. На картинах все реже появляются непонятные стилизованные фигуры, а их место на полотнах и гобеленах занимают средневековые дамы и рыцари в длинных одеждах. Фабричные изделия – чудо начала XX века – уже не считаются верхом совершенства: сегодня больше ценится ручная работа, то, что несет отпечаток личного и человеческого. Мода стала больше закрывать, чем открывать, а если и открывать, то в силу необходимости, а не ради дарового зрелища. В дома возвращаются разноцветные стекла, коллекции бабочек и чучела птиц; огромные люстры из дерева и металла напоминают о подсвечниках и факелах. Возвращается потребность найти убежище, приют и вернуть первоначальный смысл слову «очаг».

Сегодня я увидела то, что нельзя объяснить просто модным веянием. Конечно, нет ничего нового под солнцем, и мы неизбежно повторяем старые формы. Но почему именно эти формы, а не какие-то другие? Само это повторение имеет психологический и символический смысл. Обращение к средневековым образцам естественно влечет за собой и необходимость следовать средневековым нормам, но не столько в одежде или украшениях, сколько в том, какие ассоциации они вызывают.

Человеку необходимо искать освобождения, однако он обычно плохо понимает, в чем состоит это освобождение. Надо освободиться от нагромождения слишком сложных формул, которые становятся все более надуманными и бессодержательными и теряют смысл и цель. Нужно вернуться к самому себе и искать другие истины, а не те, которые внушают бесчисленные газеты, телевидение и радио. Нужно вновь открыть для себя чудо человеческого труда, наполненного подлинным достоинством, – когда результат рождается на глазах творца; сегодня нам гораздо дороже обычный цветок, который мы поливаем собственными руками, чем самый совершенный шуроп, созданный на конвейере безликой бригадой.

Но самое главное – Бог снова среди людей, он снова стал необходим им. Уже давно, на предыдущем повороте колеса истории, его почти забыли. Но теперь человек снова начинает

искать Бога, пусть пока робко, в самых простых формах искусства, в уединенном и сосредоточенном образе жизни, в безыскусной искренности, в трудной, но продуктивной работе, в вере, которая пока не имеет имени, но освещает собой все средние века – и минувшие, и грядущие.

Сегодня я увидела, как движется Время. Его ход неумолим, и оно увлекает нас к лучшему будущему, которое сегодня видится как средневековье, но на самом деле указывает на проявление сознания в человеке, со знания всегда пробужденного, подобно волшебным незакрывающимся цветам.

Сегодня я увидела свет... Как всегда, это не было нечто совершенно новое, просто по-новому увиделось хорошо знакомое прежде. Будто ты разглядел то, на что раньше смотрел, но не видел...

Меня ослепил свет, сильный и чистый свет солнца, которое рассветным лучом в одно мгновение размело все тени вокруг. И мир внезапно обрел форму и цвет. Так в детстве мы соглашались вдруг с существованием вещей, которых раньше не признавали – просто потому что не замечали.

Вдруг для меня ожил тот пример, который я столько раз перечитывала у Платона, – миф о пещере... Человек заключен во мраке земли-матери; он почти ничего не видит и только на ощупь может представить то, что находится вокруг; он закован в цепи, но не осознает своей тюрьмы... И вот в нем рождается потребность освободиться, порвать свои цепи и найти выход; он покидает пещеру, и его ослепляет свет солнца, доселе ему неведомый. Человек выходит в реальный мир; теперь он видит, теперь он знает...

Все это – и многое еще – пронеслось в моем сознании при одном только взгляде на сильный и яркий луч утреннего солнца. И встали новые вопросы, родилась необоримая жажда света, которая свойственна каждому человеку на земле.

Если бы мы могли внести свет во все, что видим, что пытаемся понять, о чем судим... Если бы в нашей душе встало солнце, оно развеяло бы многие тени и принесло бы столь необходимую нам ясность... Ведь сложности возникают тогда, когда мы живем в сумраке сомнений. А когда мы смотрим на все, что с нами происходит, сверху – так, как это делает солнце, – жизнь обретает другое измерение, становится гораздо шире, свободнее.

Когда мы смотрим сверху, теряет драматизм каждодневная звериная борьба за выживание. При взгляде сверху – особенно если есть хоть немного света – то, на что мы смотрим, не перестает существовать, но видится уже в ином ракурсе и становится более понятным, более логичным. Когда две собаки грызутся за кость, они не поднимают морды от земли и не видят, что рядом лежат другие кости – другие возможности, другие шансы, которые из-за драки остаются неиспользованными. Непонимание, столкновение интересов, возмущение, ненависть, тщеславие, честолюбие – вот «кости», за которые воюет столько людей... А ведь стоит заглянуть чуть дальше, подняться чуть

выше, внести хоть лучик света – и все это обретет свой подлинный масштаб, займет свое место. У жизни есть и светлый, и темный лик, есть мгновения счастья и минуты разочарования, просто нужно это понимать, воспринимать как непреложный закон и учиться ходить по той стороне дороги, которая отмечена знаками ясности и счастья.

И чем упорнее мы цепляемся за тени, тем меньше у нас остается возможностей выбраться из этой западни, поскольку, как и тот человек из пещеры, мы тратим все свое время и силы на жестокую и бессмысленную борьбу, не оставляя ни минутки на поиск выхода. Однако порой и мы отваживаемся на сражение в темноте, чтобы разорвать сковывающие нас цепи – цепи невежества. Но тогда уж мы боремся изо всех сил, стремясь к освобождению. И это уже не борьба ради борьбы, ибо новое сознание указывает нам новые пути к цели.

Чем глубже мы погружаемся в мир слов и фальшивых обещаний, обмана и малодушия, тем меньше замечаем спасительный луч. А эти обманчивые блики заставляют нас поверить, что другого света вообще не существует.

Но кроме слов есть еще и поступки, кроме пустых знаний есть деятельная мудрость, которая позволяет день за днем жить тем, что нам удалось познать. Кроме фальшивых посулов есть подлинные надежды. Кроме малодушия и трусости есть вера в будущее и в человеческие силы, способные завоевать это будущее.

Хватит нам факелов, которые только чадят и коптят, хватит фонариков, которые не способны осветить и ближайшего шага, хватит заносчивых огоньков, которые много искрят, но не способны продержаться и дня, хватит иллюзорного блеска, который пытается соперничать с солнечным светом. Мы знаем, что за нашими окнами каждое утро встает рассвет, знаем, что за тучами и грозами всегда есть солнце. Нам остается только распахнуть окно, выйти из пещеры, открыть глаза навстречу единственному подлинному свету – и мы начнем видеть наш мир, мир, в котором нам выпало жить. И если уж мы будем скованы, то только надеждой на Новый и Лучший Мир, который ожидает нас чуть впереди – там, на горизонте, где уже начинает светать.

... Музыку

Сегодня я увидела Музыку... Конечно, правильное было бы сказать «услышала музыку», но ведь иногда, в особых случаях, нам удается увидеть и то, что недоступно нашим глазам.

Поэтому, столько лет прожив рядом с ней, столько лет наслаждаясь ее чудом, столько лет считая ее своей верной спутницей, сегодня я, наконец, смогла «увидеть» ее.

В молодости легко отдаваться на волю чувств, которые пробуждает в нас музыка, легко уноситься и парить среди бог знает каких экзотических миров, легко смеяться и плакать почти без видимой причины, просто в ответ на звуки. Должны пройти годы, чтобы мы перестали довольствоваться одними эмоциями. Со временем у нас возникают глубокие вопросы, идущие из самого сердца, оттуда, где дремлет подлинный Человек, лишь иногда осмеливающийся дать о себе знать. И со временем музыка, когда-то просто вызывавшая у нас различные чувства, становится некой реальностью и ответом.

Сегодня, словно при вспышке света, я увидела, что даже за оглушительным шумом города продолжает жить музыка. Сегодня я увидела, как все вокруг вибрирует звуками, не всегда воспринимаемыми нашим слухом.

Сегодня я увидела, что не стоит оставаться в тисках повседневности, нужно искать дальше, глубже, чтобы достичь самого сердца музыки. Это сердце и есть гармония, по законам которой создается все в мире.

Когда нам хоть на мгновение удастся вырваться из рутины обыденной жизни, нашим глазам открывается необъятная Вселенная, непостижимая, но все же не чуждая нам. Что притягивает наше внимание прежде всего? Порядок, нерушимая гармония, проявляющаяся во всем, непрерывный ритм, с которым циклы возобновляются вновь и вновь... Это и есть музыка. Так вновь обретают смысл слова древних философов о «гармонии сфер». И тогда мы понимаем, что за шумом нашего бытия существуют другие прекрасные звуки, которые незримыми нитями соединяют все формы жизни во Вселенной. И тогда мы понимаем, что музыка, достигающая нашего слуха, всего лишь тень (пусть и прекрасная для наших несовершенных органов чувств) иной, космической музыки, которая, возможно, будет звучать и звучать в бесконечности пространства.

Сегодня я увидела музыку и поняла ее великую тайну. Музыка не создается людьми, во всяком случае теми, кто ослеплен и скован материей... Она приходит издалека и

позволяет услышать себя гениям, которые в порыве вдохновения способны вознестись в обитель гармонии. Эти счастливицы – но счастливы ли они на самом деле? – могут подняться в высшие сферы, а потом в отчаянной спешке должны выразить нотами на бумаге или аккордами на своем инструменте то, что так ослепительно ясно восприняли там.

А нам... нам остается слушать и смотреть. Нам остается открыть ту волшебную дверь, которая иногда бывает скрыта от нас, а сегодня указывает нам путь к музыке. Звуки не умирают в воздухе, не затихают со временем: достаточно лишь захотеть, чтобы увидеть, как они танцуют в пространстве, тысячекратно повторяясь в памяти. Это гармония вызывает к их истокам. Это сама музыка является нам.

Хочешь ли тоже увидеть ее? Многие композиторы записали ее для тебя... Многие исполнители выразили ее истину в прекрасных звуках. И если мы позволим этой гармонии проникнуть в самую глубину нашего существа, многие тревоги, как по волшебству, станут ненужным сором: универсальный ритм приведет в порядок микровселенную, которую мы называем человеком.

... Весну (I)

Сегодня я увидела Весну. Я вполне могла увидеть ее во все предшествующие годы, но быстротечность жизни не позволяет нам замечать величайшие чудеса Природы.

Весна, которую я сегодня увидела, появилась среди деревьев, словно тончайшая светящаяся дымка. Я дала волю своему воображению, и мне ничего не стоило узнать в этом сияющем образе те нежные черты, которые удалось запечатлеть Боттичелли в свой «Весне». И поскольку в мире воображения происходят чудеса, Весна приблизилась ко мне, каждым своим шагом преподавая урок.

Она напомнила мне, что сон и смерть так похожи и что в ее власти победить и то и другое, и там, где, казалось бы, уже ничего больше нет, возникает чудо возвращения к жизни.

Она напомнила мне о смысле древних традиций, связанных с мистериями солнца: первый луч солнца первого дня весны (а на самом деле первого дня года) несет особую силу нового, силу чистоты и добра. Это первый за долгое время вздох, это первый свет после долгой тьмы.

Она напомнила мне о ценности Прекрасного, не только о красоте полнокровных форм, но и о прелести простых, едва намеченных линий: красоте весенней, юной, простой и естественной. И я узнала, что Прекрасное и есть Весна, Женщина, Красавица и все женщины, словно ее дочери, должны следовать ей в ее магии красоты.

Она напомнила мне улыбку пробуждения, которая играет на губах ребенка, когда он утром открывает глаза. Ах, как велика ценность одной улыбки в этом мире вечной зимы страданий и агрессивности!

Она напомнила мне о теплоте нежного и доброго прикосновения; о способности дарить помощь и любовь тем, кому это необходимо; о возможности не сдерживать щедрость и великодушие.

Тогда я узнала нечто большее о таинстве вечности. Красота, нежность, чистота, щедрость – это часть вечности. Вечность – это не пустая, печальная и холодная бесконечность, где невозможно ничего сделать и остается только дать времени идти своим чередом. Вечность – это постоянное возобновление жизни, пробуждение вновь и вновь каждую минуту, это каждый миг – новое начало.

Весна вечна; один раз в год она приходит к нам в образе света и цветов, тепла и звуков. И этого достаточно, чтобы весь

оставшийся год мы хранили частицу ее тайны: просыпаться каждое утро, жить каждый день, использовать каждый час и хранить свежесть, которая необходима, чтобы возрождаться каждый день, делая шаг к той цельности и полноте, которая среди времен года носит имя Лето.

Для нас, которые еще идут и могут только мечтать о наступлении Лета, для нас, которым так нужна опора дружеской руки, для всех нас пришла Весна!

... весну (II)

Сегодня я увидела весну, словно дар времени, опередившего свой срок, и я обрадовалась увиденному – ведь бывают в жизни сложные и мрачные периоды, когда начинаешь бояться, что уже никогда не встретишь весну или что солнце больше не будет вставать по утрам.

Сегодня я увидела, что мне все труднее не поддаваться привычке сравнивать то, что было, и то, что есть, сравнивать те вёсны, которые «бывали раньше», и те, что приходят сейчас. Весна, которую я увидела сегодня, все та же, но как омрачила ее темная тень нашего времени!

На протяжении веков весну представляли в образе хрупкой девушки, которая олицетворяет пробуждение, возрождение всей природы, а с ней – пробуждение всего доброго и прекрасного, что дремлет глубоко в каждом человеке. Весна – синоним радости и встречи, счастья и света. Весна приглашает нас начать сначала, забыть старую боль и обиду, ощутить энергию жизни, что струится в нас. Проходя легкой поступью, весна день за днем открывает тайны мира, погруженного в зимний сон. Маршрутом роста, курсом уверенной эволюции она движется к зрелости идущего ей на смену лета... Вот почему весну всегда встречают с восхищением и надеждой. И я бы не увидела ее, если бы в глазах каждого не горела искорка весны.

Но сегодня мы видим весну совсем по-другому. Сегодня для этого приходится сделать над собой усилие. Дата ее прихода не изменилась, свои задачи она выполняет все так же, но какого труда ей это стоит! Куда печальней тот пейзаж, который ей приходится оживлять!

Нас гнетет уже не только зимний холод и мрак. Гораздо больше нас гнетут боль и страдания и тот груз, который ложится на плечи и без того измученных людей. Угнетают омраченность душ, озлобленность, ненависть и непонимание, безумие и безрассудство, гнев и презрение... И почти никому нет дела до того, что наступила весна. Как заметить ее приход среди такой печали?

Но все же я смогла ее увидеть, и мне кажется, что мы все способны хотя бы на мгновение раскрыть навстречу ей свою душу.

Мы не можем позволить, чтобы подавленность целиком захватила нас и превратила нашу жизнь в бесконечную смерть. Мы не должны терять надежду и мечту о лучшем мире для всех, который мы могли бы построить. Шансы не иссякают так быстро, как нам кажется; милосердие Природы бесконечно, и она

предлагает человеку тысячи новых путей. Свет весны сияет неустанно, год за годом, и зовет нас сделать новое усилие, которое позволит вернуться к истинной жизни.

Сегодня я увидела весну... Пока она едва заметна, но пройдет всего несколько дней, и она расцветет в полную силу. В который раз символ любви и счастья предстанет взорам людей.

Когда вокруг Природа пробудится ото сна, мы тоже проснемся. Когда раскроются цветы и завяжутся плоды, расцветут и наши сердца. Давайте научимся проникать взором за темную пелену сегодняшнего дня. Давайте осмелимся оживлять то, что сегодня кажется лишь иллюзией, а завтра станет реальностью.

Учиться – значит начать жить каждым днем. Уметь жить – значит перенять у весны ее способность постоянно возобновляться. Осмелься увидеть ее: весна пришла и к тебе!

... ЭКОЛОГИЮ В ДЕЙСТВИИ

Сегодня я увидела экологию в действии... Это та тема, которая день за днем заполняет страницы всех печатных изданий и наконец-то начинает по-настоящему беспокоить всех людей.

Все говорят о том, что нужно спасать Природу, избегать загрязнения, что нужно научиться работать, получая максимум пользы при минимуме хлопот. Люди начинают косо смотреть на те машины, которые когда-то задумывались как «друзья» человека, опасаются использовать топливо, стремятся избежать отходов и добиться чистоты, с тоской наблюдая за тем, как на старых источниках минеральных и лечебных вод появляются объявления «вода не пригодна для питья»...

Говорят обо всем этом и еще о многом, но никто или почти никто не прилагает особых усилий для достижения этих целей. Более того: почти никто не знает, что следует сделать, чтобы достичь так называемой экологической чистоты. Все знают, что хотят достичь ее, но никто не знает, как этого добиться.

И вдруг в мои размышления ворвалась конкретная реальность. Я говорю «ворвалась», потому что эффект, который она произвела, был очень велик – в отличие от воздействия часто занимающих нас мечтаний, бесцельных фантазий и умозрительных рассуждений.

По одной из дорог нашего Иберийского полуострова навстречу мне шла сама экология. На одной из тех старых дорог, у которых нет ни дорожной разметки, ни гладкого покрытия, посреди самых обычных полей и гор моему взору предстала женщина – словно ясный и точный пример так называемой экономичности Природы, того, к чему мы так стремимся.

Здесь не место для длинных рассуждений об общественном равенстве или неравенстве, о счастье или несчастье бедных и богатых... Как бы то ни было, увиденная мною скромная женщина показала мне гораздо более включенной в жизнь, более уверенной в себе, более счастливой, чем другие люди, которых я знаю и узнаю ежедневно. Далекая от интеллектуальных предрассудков, от классовой борьбы, от кризиса Востока и Запада, еще более далекая от человеческих столкновений в любом уголке Земли и порожденной ими ненависти, увиденная мною женщина была гимном Жизни в самом широком смысле слова.

Я не знаю, сколько лет ей было... Это был тот неопределенный возраст, который типичен для сильных и простых женщин, живущих в тесном соприкосновении с

Природой. На ней было платье неизменного черного цвета, из тех, что надевают не для того, чтобы нарядиться, а чтобы прикрыть свое тело. Она шла по обочине дороги спокойным и уверенным шагом, зная, куда и зачем идет; ничто не отвлекало ее – ни повозки, запряженные волами, ни пасущиеся ослики, ни громкие сигналы современных машин. Она шествовала со своей корзиной на голове так, словно нести груз в назначенное место – самое важное на свете дело... Так оно и было.

Но она не просто шла своим размеренным шагом, неся на голове корзину. В руках она держала длинные пучки соломы, из которых плела новую корзину, а губы ее шептали негромкие слова... Какую-то старую молитву? Перечень простых и скромных мечтаний? То, что просят у Бога с сомкнутыми устами и переполненной душой?

Разве это важно?

Я видела ее лишь несколько мгновений, но долго по том провожала взглядом. Насколько совершенным, здоровым, чистым и полезным показалось мне все, что она делала! В ней не было ни расточительности, ни лени, ни бесплодных терзаний, ни преувеличенного веселья... Только правильное, доброе, верное, необходимое для того, чтобы с наибольшей пользой прожить каждую ми нуту жизни. Я подумала, как отличался бы наш мир от его нынешнего состояния, если бы мы все, каждый на своем месте, научились бы так использовать свое время и свою энергию. Сегодня мы страдаем от разных недугов цивилизации, но, быть может, хуже всего то, что мы теряем время в жалобах и не знаем, как провести его с пользой.

Я подумала о том, что эта женщина способна творить историю. Ее мир, ее маленький мир: дом, близкие, все то, что ее окружает, – не останется прежним после ее ухода... Что-то изменится к лучшему, что-то вырастет в ней и в других. Старые плетеные соломенные корзины расскажут нам о ее руках, тысячи новых шагов по дорогам будут такими же, как те, что она совершала ежедневно, а усердные молитвы будут эхом ее произнесенной шепотом сдержанной мольбы.

Всякая дорога начинается с первого шага. Всякое изменение начинается с маленького сознательного действия. Так и экология в мире начинается с порядка и чистоты, которые каждый из нас мог бы привнести в свою жизнь... как та женщина, которую я увидела сегодня...

... как падает лист

Сегодня я увидела, как падает лист... Это событие, настоящее чудо осени, поведало мне о чуде плодотворной жизни, которая полностью состоялась и теперь во всем великолепии приближается к своему концу.

Порой обывательский взгляд на человеческую жизнь склоняет нас к поспешным и ошибочным выводам, основанным на детских суждениях вроде: «Все, что падает, – плохо, а что поднимается – хорошо!» Но мы забываем, что иногда падают простые осенние листья, а смертоносные снаряды поднимаются в небо...

С тем же бессознательным простодушием мы недооцениваем осень, старость – все то, что заканчивается и в нашем восприятии теряет свежесть. И мы не задумываемся о том, что нечто исчезнувшее из нашей жизни может обрести жизнь в других глазах, в других мирах, в других формах существования.

Осенью год словно умирает, чтобы потом погрузиться в средоточие глубокого зимнего холода. Точно так же и старость для людей – это выход из этой нашей жизни, чтобы затем погрузиться в непостижимое таинство физической смерти. Тем не менее души не умирают, а год обновляется с наступлением следующей весны и жаркого лета.

В этих циклах есть тайна, которая может раскрыться через настоящее выполнение своего долга. Не всякая смерть является героической и не всякая жизнь – бесполезной. Смерть – это благородный венец наполненной жизни, осуществившей все веления Природы, как материальные, так и духовные.

В падающем осеннем листе я увидела именно такой славный итог скромной растительной жизни, верной своей природе и благородной до самого конца. Тот лист, который радовал нас своими красками все лето, вносил свою долю любви, отдавая чистейший кислород, дарил гостеприимную тень и ласковый шелест и каждое утро обращал к солнцу свои зеленые глаза, – этот лист смиренно исчезает и, падая, оставляет свое золотое послание.

Это не быстрое падение, да и не падение вовсе. Это последнее гармоничное движение существа, напитавшегося солнцем до такой степени, что оно само окрасилось в цвет его лучей, а теперь падает к ногам людей, устилая волшебным ковром дорогу тем, кто жаждет наполниться светом.

Сколько молчаливых советов хранит в себе осенний лист!

Сколько людей из-за страха смерти не умеют жить! Как часто они растрчивают год за годом в погоне за мимолетными и

пустыми иллюзиями, которые становятся для них не солнцем, дающим жизнь листу, а лишь обманчивыми тенями от искусственного света! Как мало людей, которые на протяжении жизни наполняют мир ароматом своей души, служа своим ближним и думая прежде всего обо всем древе Природы, а не об одном листе.

Но именно эти немногие творят историю. Хотя, конечно, в истории остаются исключительные личности, светильники человечества, а не маленький лист, смерть которого я сегодня увидела...

Поэтому я хочу посвятить эти строки золотому листу – пусть он тоже летит в бесконечность, унося в своих сухих прожилках человеческое воспоминание. Поэтому я восхищаюсь Сидом, который продолжал скакать на коне и сражаться и после своей смерти; я восхищаюсь теми смертями, которые стоят жизни. Я восхищаюсь только что упавшим листом, который прожил жизнь глядя на солнце, вбирая и алхимически преобразуя его золотые лучи. А пока лист в своем чарующем танце приближался к земле, луч света во всей своей мощи устремился к небу.

... раны Земли

Сегодня я увидела раны Земли... Вероятно, у археологов и геологов есть разные названия для обозначения того, что я увидела сегодня, – от руин, следов, трещин до долин и гор... Но для меня они приобрели вид настоящих ран, в большинстве своем затянувшихся, но пропитанных воспоминаниями о событиях прошлого.

Древние считали, что Земля – живое существо и, принимая во внимание разницу в размерах, в реакциях планеты можно увидеть сходство с реакциями людей. Речь идет именно об этом. Я увидела детали, которые заставили меня пристальнее взглянуть на саму природу человека и на некоторые из ее характерных черт.

Сколько раз, глядя на свои руки или лицо, мы находили на них следы старых ран! Сегодня это едва различимые, почти стершиеся от времени линии, однако в нашей памяти они воскрешают множество связанных с ними событий. Эти раны, хотя и зажившие, все еще хранят привкус увиденного и наполняют нас отчасти ностальгией, отчасти грустью по прошедшим временам, отчасти глубоким сожалением из-за невозможности вновь погрузиться в прошлое и вернуть те мгновения, о которых сейчас напоминают лишь старые шрамы...

То же самое происходит и с Землей. Если мы пройдем по дорогам, проложенным человеком, то заметим там и сям печальные и в то же время романтические руины и обломки, рассказывающие нам о других эпохах. Но это не просто развалины, каменные, деревянные или металлические... Они словно шрамы нашего тела, которые кроме самой раны хранят в себе воспоминание.

Если мы таким же образом пройдем по Земле, нашему взору предстанут неровности и изгибы, гордо вздымающиеся горы, которые потом переходят в скромные долины и равнины; бурлящие и ревущие реки, которые прокладывают себе русла в глубине породы; темные ущелья, скрывающие неизвестные тайны... Глядя на морщины Земли, мы словно увидели, как в зеркале, самих себя. Морщины, шрамы, седина, отметины, родинки – это те детали, которые говорят нам о жизни. Реки, моря, равнины и возвышенности, пустоши и густые чащи тоже говорят о жизни.

Вот почему мое внимание привлекли раны Земли. Я почувствовала, что сохранившиеся еще в некоторых местах остатки древних цивилизаций – это раны, зажившие не до конца. Они еще хранят силу и импульс, породившие их. Как бы мне

хотелось спросить у Земли о том, что она помнит; как бы мне хотелось услышать ее истории о тех мгновениях, событиях и людях, которые оставили на ней следы...

Конечно, есть ученые, которые изучают Землю. Вооружившись терпением, обладая специальными знаниями, они заботливо собирают оставшиеся на ней следы и знаки, чтобы потом анализировать их в своих лабораториях. Но они не видят эти раны, не слышат, как временами Земля плачет через расщелины, не понимают, что древность Земли хранит сокровенные воспоминания.

Да, Земля хранит секреты. Но не холодный язык науки способен проникнуть в их глубину. Чтобы между Землей и людьми возникла подлинная связь, остро необходим дух человечности, созвучие всех живых существ.

И здесь важны не столько специальные инструменты, сколько умение проявлять нежность по отношению к «коже» Земли, покрытой старыми ранами, которые воскрешают в памяти мгновения прошлого. Нужно испытывать такое же сострадание к расщелинам, наполненным испарениями, как и к морщинам, избороздившим лицо. Нужно чувствовать, что годы проходят не только для мужчин и женщин, что следы истории накапливаются и в нас, и в нашем планетарном доме.

Необходимо пробудить ту утерянную чувствительность, благодаря которой мы способны испытывать трепет перед остатками предшествовавших нам миров, даже если не можем измерить или пересчитать руины их памятников.

Только тогда мы узнаем, что гордый профиль башни забытого замка может сиять тем же огнем, что и глаза, полные воспоминаний и надежд.

У Земли есть свои раны, часть из них за века уже затянулась. Сможем ли мы прочесть эти знаки? Сможем ли мы высечь новые иероглифы, чтобы будущее смогло расшифровать их?

... как дрожит Земля

Сегодня я увидела, как дрожит Земля, как она издает глухое рычание, словно гигантский зверь в неволе, который с ревом стремится на свободу...

Не всегда нужно оказаться в центре событий, чтобы пережить их. По правде говоря, те, кто имели несчастье пострадать от землетрясения, могли бы рассказать об этом намного лучше меня. Но, даже не имея собственного опыта, я не хочу хладнокровно читать газетные сообщения и равнодушно слушать ежедневные новости. Я пытаюсь увидеть другими глазами – глазами пострадавших людей – этот странный способ Земли выражать себя: толчками, судорогами вулканических извержений, громовым голосом и дыханием лавы.

Сегодня я увидела ужасные картины на фотографиях, пришедших из очень далеких – далеких для меня – точек земного шара, но за всем этим я ясно увидела признаки деятельности живого существа по имени Земля.

Со временем уходят в прошлое наивные теории, утверждающие, что наша планета – это некая совокупность камней и глины, морей и рек. Сегодня чем дальше мы продвигаемся вперед, тем чаще оглядываемся назад и с жадностью возвращаемся к тем утерянным знаниям, которые представляют Землю еще одним из живых существ во Вселенной. Да, это планета, но со своей особой формой существования, со своими законами роста, со своими болезнями и болью, ритмами и пульсом. Это «одушевленная» Земля, огромное «животное», проявления жизни которого не слишком отличаются от человеческих.

Когда глаза действительно видят, трудно вообразить Землю «мертвой» или спящей; почти невозможно поверить, что источник множества чудес, которые мы ежедневно наблюдаем, – это просто кусок горной породы, летящий наудачу в пространстве. Большого труда стоит убедить себя в том, что цветы, тенистые деревья, драгоценные камни, – все это возникает «из ничего».

Когда глаза действительно видят, то для них Земля живет и движется, стонет и вздыхает, разговаривает и засыпает; иногда она внезапно просыпается или просто стряхивает со своей кожи то, что ей больше всего досаждало.

Сегодня я увидела, как дрожит и ревет наш великий Космический Дом... Я не знаю, гневается ли Земля, но я ощутила, насколько она живая и взволнованная, словно в той великой боли, которая терзает ее и ее обитателей, она собирается родить

новый мир для новых времен.

Нужно ли нам снова возвращаться к учениям об изменении земной поверхности, о перемещении полюсов, о континентах, ушедших под воду, и поднявшихся материках? Будем ли мы сравнивать поверхность земного шара с нашей кожей и ее свойством терять свои клетки и восстанавливать утерянные ткани?

Очевидно, что нет необходимости раскапывать старые теории или становиться лжепророками, вещающими о будущем. Цифры, относящиеся к законам циклов, говорят об одной очевидной истине, объясняющей нам что-то, независимо от того, понимаем мы это или нет.

То, что мы называем сейсмическими катастрофами, повторяется все чаще и чаще, некоторые зоны нашей планеты страдают от них постоянно; передышки между землетрясениями становятся все короче и короче...

Что происходит с Землей? Что она пытается сообщить нам на своем странном языке катаклизмов? Что хочет явить на свет из тех темных и глубоких расселин, которые открываются на «коже» ее континентов? О чем говорят моря, когда бушуют их гигантские волны?

Находимся ли мы на пороге новой эры? Быть может, Земля готовит новую основу для будущих людей или грядущих цивилизаций, не похожих на сегодняшние?

Если вся Природа полна символов, если каждый трепещущий листок что-то значит для Вселенной, то здесь кроется новая тайна, которая притягивает наше внимание. Мы вряд ли понимаем что-то, но чувствуем, что что-то происходит... Мы живые, и Земля тоже. Перед глазами души предстает все еще трудный для нас язык Природы. Но мы получили важное послание, которое нужно расшифровать именно сейчас, в это мгновение нашей истории.

... Идеал, называемый Новым Акрополем

Сегодня я увидела Идеал, называемый Новым Акрополем.

Хотя наши читатели уже знакомы с ним, стоит время от времени освежать свои представления, чтобы они всегда оставались живыми и действенными или чтобы глубже понять этот Идеал для Нового и Лучшего Мира.

Новый Акрополь – не изобретение сегодняшнего дня; то, что мы считаем новым, просто вновь возвращается в мир в тех формах, которые соответствуют требованиям времени. Впрочем, во все времена человек спрашивал себя: кто я, откуда я пришел и куда иду?.. Ответ на эти главные вопросы всегда один и тот же, и если он скрыт под разными покровами, то это для того, чтобы люди, живущие в разных уголках земли и в разные эпохи, мог ли понять его в соответствии со своими представлениями.

Сегодня мы на новый лад повторяем, что человек есть плод Божественного Древа, пришедший из таинств Вечности и стремящийся к ним же. Мы считаем, что попытка разгадать загадку человека только по его жизненному пути даст неполную и ущербную картину – это все равно что оценивать дерево по одному-единственному плоду. Один вид представлен тысячами разнообразных плодов, хотя дерево остается деревом даже зимой, без цветов, без листьев, без плодов... Так и жизнь остается жизнью, хотя в какое-то мгновение, когда наступает зима смерти, люди теряют свои тела.

Поскольку Жизнь вечна и человек несет в себе частицу этой Вечности, мы ищем возможности познать человека через его самые долговечные творения, через его наиболее глубокие духовные открытия, через его усилия быть подобным Богу, от которого он происходит и к которому стремится, сознательно или бессознательно.

Символизм религий, язык искусства, научные дисциплины, точное осуществление правосудия – вот основные элементы, из которых при изучении истории мы пытаемся создать образ человека, его земных желаний и его стремления разгадать вечную тайну своих далеких истоков.

Из этих элементов Новый Акрополь – новый «верхний город» – строит эклектическое учение, образованное всеми идеалами, которые побуждали человека практиковать добродетели, улавливать прекрасное, действовать справедливо и пробуждать собственный дух. Борьба Акрополя с материализмом во всех его много численных проявлениях не более чем результат иного понимания жизни – жизни как процесса чисто духовной

эволюции, который хотя и опирается на материю, но не сводится к ней.

Для Идеала Нового Акрополя задачей настоящего времени является воплощение Нового и Лучшего Мира. Нового не потому, что ничего подобного никогда не существовало, но потому что он резко отличается от того чрезмерного материализма и безверия, в котором мы сегодня пребываем. Нового не потому, что никто и никогда раньше не пытался предложить нечто подобное, но потому что мало найдется тех, кто отважится жить им сегодня. Лучшего не потому, что все, что у нас есть сейчас, плохо, но потому что мы должны совершенствовать этот мир. Лучшего, потому что перемены ради самих перемен бессмысленны, если они не подразумевают движения вверх.

У Идеала Нового Акрополя есть два орудия, необходимые для достижения равновесия: Мистика и Действие.

Под Мистикой мы подразумеваем то, что столь верно определили греки, говоря об «энтузиазме» – о «Боге в человеке». Мистика – это способность глубоко ощущать божественное начало, пульсирующее в человеке. Мистика – это способность откликаться прежде всего на это начало, а не на животный зов материи. Это способность летать, мечтать, творить, изобретать, любить и страдать во имя духа.

Под Действием мы подразумеваем просто применение на практике всего, что предлагает нам Мистика, или, иными словами, Действие есть живая Мистика.

Конечно, поскольку все люди немного отличаются друг от друга, невозможно требовать от них одинакового отклика на соприкосновение с Мистикой или одинаковой работы в ответ на призыв Действия.

Мы оставляем в стороне ложные формы мистики, которые состоят только из пустых поз и жестов внешнего ритуала и претендуют на «освобождение» от мира либо через излишества, либо через равнодушное бегство от проблем. Но поскольку все люди разные, мы встречаемся и с немного созерцательными и одинокими мистиками, и с закаленными борцами за истину. Если мистика – это звучание Бога в человеке, мы не должны считать в меньшей степени мистиком того, кто, движимый любовью к человечеству, полностью отдает свои силы решению проблем современного мира. То, что человека глубоко волнует происходящее в мире, далеко не всегда свидетельствует об отсутствии мистики или о духовном упадке. Напротив, те, кто следуют голосу своего внутреннего Бога несмотря на все трудности, с которыми сталкиваются в мире, в полной мере доказывают свое призвание мистиков.

Вот так и встречаются в одной точке Мистика и Действие – когда стремление к высокому встречается лицом к лицу с работой на человеческом уровне.

Несомненно, духовное Действие не было одинаковым на протяжении истории. Мы хорошо знаем, что время под властью циклам и что во времена, когда общество признает и понимает Мистику, Действия людей отличаются спокойствием и сосредоточенностью. Но когда человечество обращается к материализму, Действие Акрополя становится самым настоящим способом грести против течения. Это Действие яростное, прямое, использующее все возможные инструменты, чтобы добиться возвращения на правильный путь.

Причины, лежащие в основе смены исторических циклов, – это слишком обширная тема, чтобы включать ее в эту простую статью. Но когда человек осознает себя целостным существом, его не тревожат перемены, его деятельность остается неизменной несмотря на препятствия. И поэтому существует Идеал Акрополя, стремящийся в своей версии XX века к разумному и решительному Действию, которое позволило бы вновь вернуть вечные ценности, вызволить их из центра шторма; к Действию, которое пробудило бы как можно больше людей. Объединившись, они смогли бы повернуть колесо истории в нужном направлении. Мы ищем Действия твердого и отважного, которое не будет безмолвно созерцать заблуждения и ошибки, поскольку молчание не всегда свидетельствует об уверенности; скорее, уверенность побуждает к ясному и чистому выражению своих убеждений.

Идеал, называемый Новым Акрополем, который я увидела сегодня и о котором рассказала, чтобы пригласить вас участвовать в нем, – это философия действия, любовь к познанию, выраженная в действиях, встреча человека с его духовными предками, зерно мира нового и лучшего, к которому все мы так горячо стремимся.

V

Сегодня я увидела кота... Я вижу его далеко не в первый раз, ведь уже несколько лет его теплое и ласковое присутствие сопровождает меня. Но, глядя на него сегодня, я попыталась проникнуть в его тайну и понять его кошачий язык, такой простой и одновременно такой сложный.

Мой кот – это маленькое славное существо с блестящей светлой шерсткой, темной мордочкой и лапками. Говорят, что его порода возникла в древние времена в далеком Сиаме благодаря причудливой мутации; уверяют, что он не совсем кот и в его жилах все еще течет кровь его предка – рыси. Но я его люблю вовсе не из-за породы...

Говорят, что коты привязываются не к хозяевам, а к дому и что их ласка всегда готова превратиться в агрессию. Но я убедилась в обратном...

Он никогда не требует пищу и ни разу не стащил ни кусочка из моей тарелки, хотя часто сидит у меня на коленях, когда я ем. Я никогда не видела, чтобы он набрасывался на еду, даже когда очень голоден: он аккуратно берет кусочки пищи, не объедается ни мясом, ни молоком. А если я зову его, когда он ест, он всегда оставляет еду, чтобы подойти ко мне...

Удивительно, как он умеет улавливать настроение; ему знакома и грусть, и радость своей хозяйки. Нет ни чего мучительнее его мяуканья в те моменты, когда я болею, унываю или переживаю неудачи...

Он внимательно следит за теньями и гоняется за какими-то необыкновенными существами, которых видит только он. Во тьме ночи он часто сражается с невидимыми врагами и возвращается обратно на постель уставший, но довольный, словно говоря: «Спокойно, ни одного не осталось...»

Он различает звуки, которые не доступны нашему слуху, и предупреждает, что вдалеке что-то происходит. Он всегда понимает, что я собираюсь уехать и оставить его одного, а за несколько дней до моего возвращения он точно знает, что я скоро вернусь. Нервничая, почти в истерике, он бросается на мои чемоданы и одежду, словно умоляя, чтобы его не покидали. Но он умеет ждать.

Он спит тогда, когда сплю я, и пытается бодрствовать вместе со мной. Но струящийся сквозь окна солнечный свет мягко убаюкивает его, и он лишь время от времени приоткрывает глаза, проверяя, здесь ли я. Он обнюхивает мои книги и терпеливо слушает ту же музыку, что и я. Однажды я захотела научить его

танцевать... Но он решил, что это уже чересчур.

Сегодня я увидела, как он пушистым клубочком свернулся у моей кровати и пристально наблюдает за мной своим гипнотическим взглядом, чтобы не упустить ни малейшего моего движения или зова. Я увидела, как этот кот узнает меня – не только глазами, но и своим беспокойным носиком, всегда готовым различить запах хозяйки среди тысяч запахов окружающих его людей.

Я увидела, что он старается выйти из состояния безмятежного покоя и даже заговорить – если бы это было возможно! – чтобы я смогла понять его. Конечно, его горлышко издает только мяукающие звуки, но все они разные. Он особым образом зовет меня (кто знает, как звучит мое имя на его кошачьем языке!) и по-разному мяукает, чтобы заставить меня понять, что ему нужно.

Но больше всего я люблю его великолепное мурлыканье. Это «мур-мур» для меня бесценно. В такой форме он ясно выражает ту привязанность, которую я почувствовала в нем и, боюсь, не нашла во многих знакомых мне людях. Мурлыча, он не просит ни пищи, ни тепла, не требует ответа, не ждет ничего взамен: это просто любовь, это радость от того, что после стольких часов раз луки он снова рядом со мной. Это осязаемое проявление чувств маленького пушистого тельца, свернувшегося возле своей хозяйки и поднимающего к ней свои бездонные голубые глаза, молчаливые, но ласковые.

Сегодня я словно впервые увидела в моем коте безмолвное обещание верности, странную ностальгию по ушедшим временам, которые мне не довелось узнать, и уверенность в мире будущего, где никогда не будет недостатка в такой щедрой и верной любви, способной преодолеть огромное расстояние, отделяющее животное от человека.

Сегодня я увидела моего кота и, что любопытно, он тоже увидел меня.

Сегодня я увидела аиста. Как символ наступившей весны, он вернулся в свое гнездо на высокой башне и, как символ неизменности циклов, высиживает своего будущего птенца, который скоро родится во славу природы и на радость воображению людей.

Увидев аиста, я еще раз осознала, как неумолимо исполняются законы природы и насколько мудры эти существа, разумность которых мы привыкли считать чем-то чисто символическим. Это был не просто аист, это было не просто гнездо. Это был тот самый аист, который каждую весну возвращался из жаркой Африки и занимал одну и ту же башню, одно и то же гнездо, исполнял один и тот же ритуал, проявляя постоянство, которого так часто недостает нам.

Свобода аиста, как сказали бы философы-стоики, заключается в его подчинении птичьим законам. Он свободно покидает свое гнездо с наступлением первых холодов, свободно пролетает километры за километрами, пока не достигнет теплого южного пристанища, свободно дожидается северной весны и так же свободно возвращается к гнезду, которое считает своим, на свою землю, на свою башню, в свой мир. Не думаю, чтобы он долго размышлял, прежде чем предпринять свое даль нее путешествие или осесть в своем зимнем или летнем гнезде. Он просто живет согласно естественной философии крылатого существа, живет в том совершенном ритме, который и заставил меня пристальнее взглянуть на эту птицу.

Аист побудил меня задуматься о множестве бескрылых людей, чья жизненная позиция основана на сомнении и неопределенности, о тех, кто считает, что свобода заключается в возможности каждый день менять свое мнение и разрушать сегодня то, что было построено вчера, ибо нет ничего долговечного, начиная с нас самих. Однако аист не сомневается ни в чем.

Он напомнил мне, как много детей рождается нежеланными и неожиданными, изначально обреченными на случайность. Но аист точно знает то время, одно и то же каждый год, когда должен родиться его птенец.

Аист подтолкнул меня к размышлению о том, как часто так называемые «существа разумные» пасуют только из страха перед тем, «что скажут люди», и всегда внимательно прислушиваются к мнению моды. А гнездо аиста не выходит из моды, и сам он ни от кого не требует одобрения своей упорядоченной и стабильной

жизни.

Несмотря на весну, я содрогнулась от холода, осознав, что для людей теперь не так уж важна смена времен года и пробуждение природы оставляет их такими же бесстрастными, как и неизменное возвращение аиста в свое гнездо. Но аист, которого я увидела, принес мне весть о весне, надежду на то, что скоро все вновь зазеленеет. Он принес мне мечту о фантастических детях, которые прилетят к нам в его сильном клюве, как семена, предвещающие новый цикл, долгожданную Весну Истории, с приходом которой мы все сможем обрести самих себя. Вслед за ночью всегда наступает день, вслед за зимой приходит весна. И когда она наступит, мы увидим больших крылатых птиц, вьющих свои гнезда в наших сердцах.

Сегодня я увидела НЛО...

Не знаю, что это было на самом деле. Но что я точно увидела, так это страх, который пробуждает в людях сама возможность существования «неопознанных летающих объектов».

Долгое время из-за невежества и неосознанного высокомерия мы были уверены в том, что люди – единственные разумные обитатели Вселенной. Феномен Земли считался уникальным и неповторимым.

Однако исследования и вдумчивое изучение позволили нам увидеть все в новом свете. Оказалось, что Вселенная – это бесконечность, населенная планетами, и каждая планета, каждая звезда хранит тайну тех форм жизни, которым она, возможно, дала пристанище. Ведь если жизнь возникла на Земле, она с таким же успехом могла зародиться и в тысяче других уголков Космоса.

Но основная проблема не в этом. Даже если мы соглашаемся с возможностью существования жизни в безграничном пространстве, остается непонятным, какими могут быть эти формы жизни – похожи ли они на нас, относятся они к более развитым цивилизациям, чем наша, или нет.

То, что такая жизнь может существовать, что мы при этом не представляем ее возможных форм, – все это по родило в людях страх. Страх перед неизвестностью был бы естественным, если бы не усиливался своего рода психологической проекцией: мы начинаем приписывать инопланетянам свойственные людям недостатки – злобу, подлость, дурной нрав...

Человек вдруг стал думать над тем, что может произойти, если ему придется общаться с существами менее развитыми, чем он сам... Что мы делаем с теми, кто ниже нас? Порабощаем, запираем в клетку, приносим в жертву... Но ведь и прилетевшие к нам инопланетяне могут оказаться исполненными чувства превосходства, захотят поработить нас, превратить в подопытных кроликов.

Все это возможно. Но, вероятно, не все формы жизни во Вселенной непременно должны быть более развитыми, чем мы. И так же вероятно (но, несомненно, более желательно для нас), что находящиеся на более высоких ступенях развития формы жизни уже преодолели те пороки и недостатки, которые толкали бы их к разрушению всего непохожего на них самих. Уровень эволюции не измеряется уровнем технического прогресса, позволяющего создавать НЛО. Душа тоже эволюционирует, и именно уровень ее

эволюции является признаком истинного превосходства.

Сегодня я увидела звезду...

Я посмотрела на нее другими звездами, теми, которыми Бог одарил людей, – глазами. И между ними и небесной звездой возникла удивительная связь, рожденная глубокой симпатией и одной и той же жаждой света.

Внезапно я позабыла все сложные научные теории о сияющих на небосводе светилах, о световых годах, отделяющих одну звезду от другой, о неведомой материи, из которой состоят космические миры, и увиденная мною звезда обрела новое измерение – измерение Красоты. То, о чем она говорила мне, уже не сводилось к одному только факту ее существования в необъятном пространстве Вселенной.

Я вспомнила, что с незапамятных времен со звездами связывали судьбы людей, их основные события. Я поняла, почему с незапамятных времен человек пытался найти у звезд ответ на вопрос о конце своего существования. Некоторые звезды обретаю новую жизнь, начиная светить с новой силой, другие тускнеют и медленно гаснут. Радость и боль, счастье и печаль... Вечное вращение колеса Бытия проявляется и в жизни звезд.

Признаюсь, что, глядя на мою звезду, я всей душой пожелала, чтобы она была ярче всех, и попросила, чтобы ее сияние отмечало мгновения моих побед. Но было очевидно, что, несмотря на все мои желания, она с каждой секундой теряет свой блеск, и казалось, что она может внезапно погаснуть.

Что такое гаснущая звезда? Может быть, заканчивается один из циклов ее жизни? Разве плохо, что звезда гаснет? Разве плохо, когда то, что еще недавно было живым, медленно растворяется в пространстве, оставляя после себя сверкающий след? Если звезда жила, если она собирала в своем зеркале света мгновения славы, если она выполняла свое предназначение, конец ее должен быть достойным венцом ее не менее достойной жизни. В смерти звезды, в темной пустоте, остающейся после нее, заключено таинство более глубокое, чем сама жизнь.

Что такое рождающаяся звезда? Это луч, пробивающий себе путь в космосе. Это древнее существо, которое на наших глазах обретает новый свет, вновь начиная осуществлять свое предназначение. Ей предстоит выполнять новую миссию и воодушевлять новых людей на той дороге Жизни, которая в конечном счете едина для звезд и для людей.

И так происходит таинство причастия: сияет звезда судьбы, сияют глаза, которые видят ее, и скрепляется магический

договор, который останется в силе, пока живет звезда. Пока есть свет, будет и сила. Пока звезда мерцает на небе, будет биться и сердце человека. Пока она проходит звездными тропами, мы будем прокладывать пути на земле.

А когда она погаснет и свет ее исчезнет за покровом Безмолвия, тогда наши глаза, привыкшие следовать за ней, закроются, чтобы искать ее в далеких мирах. Когда же мы вернемся, она, как всегда, продолжит указывать нам путь к новым идеалам.

Сегодня я увидела звезду... Увижу ли я ее вновь?

... дорогу

Сегодня я увидела дорогу...

Я бы солгала, сказав, что впервые вижу дорогу, в том числе и ту, о которой говорю сейчас. Однако в этот раз я впервые посмотрела на нее тем особым взглядом, который позволяет выразить увиденное в словах и превратить в опыт.

Я увидела дорогу, которая извилистой линией стелется по земле, приноравливаясь ко всем ее неровностям, поднимаясь и спускаясь, сворачивая из стороны в сторону, но никогда не отрываясь от земли, которая служит ей опорой. Я увидела, как она, надежная и терпеливо выносящая всё, следует по другой едва уловимой дороге – дороге времени... Мне столько рассказывали об этой дороге, которая служила и древним иберийцам, и доблестным римлянам, и отважным средневековым странникам, и мечтателям эпохи Возрождения... А сегодня, покрытая свежим асфальтом, она соединяется с современными скоростными шоссе, построенными такими же современными вечно спешащими людьми, которым сложно остановиться, чтобы просто посмотреть на дорогу, по которой они идут...

Тем не менее, мне показалось, что остановиться стоит, стоит взглядеться, прислушаться, почувствовать тонкими струнами души то, чему может научить нас старая дорога. Ее строгая горизонтальность вызвала во мне недоуменный вопрос: «А где же тогда вертикальные дороги, те, которые, поднимаясь от земли к небу, намечают пути для души?» Ведь если бы человек в своем движении был ограничен только землей, ему было бы достаточно ползать, как змея, по земным дорогам. Но человек ходит прямо: его ноги опираются на землю, а тело образует вертикаль, устремленную вверх. А разве нет дорог, предназначенных для души, которая силой своей вертикальности помогла телу стать вертикальным?

Конечно, такие дороги существуют, хотя они настолько незаметны и неизвестны в современном мире, что мы можем только обобщить их одним понятием, одним словом: ПУТЬ. Тот путь, о котором мне напомнила увиденная мною земная дорога, уже не принадлежит земле. В нем живет идущая из глубины веков сила духа, устремленного вверх, и поэтому он поднимается извилистыми горными тропами, проходящими через многочисленные перевалы и перепутья эволюции.

Этот путь не виден, но мы его чувствуем, он измеряется не километрами, а временем и этапами обучения. Идти с уверенностью по этому пути нам мешает не отсутствие карт и

указателей, а то, что мы не выучили языка этих новых для нас карт и дорожных знаков, которые все же можем распознавать. На дне деревянного корпуса древних египетских саркофагов можно увидеть загадочные пересечения линий, которые указывают небесный путь для тех, кто уже покинул землю. Сегодня эти линии ничего не говорят непосвященному, хотя когда-то они были спасением для посвященных.

Сейчас все, стремясь к восстановлению тех знаний, которые уже в какой-то мере были достоянием людей древности, требуют их научного подтверждения, и мы должны вновь обратиться к науке о пути. Наука эта не новая, и именно о ней напомнила мне древняя дорога, проложенная по земле такими же древними людьми. И уже тог да она шла в двух направлениях – вверх и вниз, по этому, несмотря на прошедшие века, дорога, которую я увидела, вызвала во мне древнейший из всех вопросов: откуда я пришла? Кто я? Куда иду?

Я спросила об этом у дороги... Я – человек, заключенный в материю, который следует своим горизонтальным путем. Я – бессмертная душа, которая пришла из Бесконечности по вертикальной лестнице времени и остановилась на нынешнем повороте жизни, чтобы осознать собственный опыт. Я продолжаю идти в бесконечность по спиральному вертикальному пути, который соединяет в себе горизонтальное и вертикальное, человеческое и божественное, то, что есть, с тем, что должно быть.

Сегодня я увидела замок... И кто сказал, что камни не могут говорить? Древние, источенные временем камни этого замка поведали мне долгую историю многих эпох, от которых сегодня остались лишь едва уловимые воспоминания.

Если бы вы только знали!.. Мы всегда представляем замки ареной борьбы и сражений, войны и смерти. Но под вечер я услышала там и нежные песни – спокойные и мирные песни под светом звезд, песни счастливой любви, страстных желаний и больших надежд...

Замок подобен каменному гнезду, но только особая порода птиц способна жить в нем. Замок – это гнездо, отвергающее тех, кто не принадлежит к этой породе. Замок – это гнездо рыцарей, и сегодня замки оплакивают разлуку со своими старыми хозяевами.

Сегодня нам трудно жить в замке. Сегодня человеком владеет какая-то непонятная робость, которая постепенно превращается в духовную ничтожность и бесхарактерность. Из-за этого он предпочитает одинаковые низкие жилища и боится просторных храмов, открытых пространств и великолепия рвущихся в небо башен. Человек устал от того, что все время смотрит себе под ноги и обращает внимание только на то, что находится на высоте его глаз. Поэтому его не трогает высокое – даже каменные высоты древних замков.

Сегодня трудно быть рыцарем, трудно быть дамой, трудно быть сеньором. Это так же трудно, как уметь отдавать разумные приказы и с преданностью подчиняться. Перепутались все роли на сцене жизни, и среди этого неимоверного смятения замки молчаливо ждут, когда на новом витке истории они снова смогут дать пристанище своим хозяевам.

Как и всегда, мы смотрим назад с ностальгией, но тоскуем не только по минувшим временам, не только по жизни в замках, не только по высоким званиям рыцарей и дам. Мы жадно ищем тот прежний образ мыслей, веры, действия; нас трогают ясное чувство долга, благородство, способное выдержать любые испытания, и отвага, позволяющая всегда открыто сражаться с теми, кого считаешь врагами. Мы жаждем чистоты и правды и, пусть ненадолго, убегаем из своих карликовых домов, чтобы помечтать о высоких башнях, напоминающих нам о постоянной бдительности, о всматривающихся в ночь глазах, о жертве и гордости. Нам не хватает суровой простоты камня и его твердости под напором времени. Мы снова хотим прочного и стабильного – замков, которые не рушились бы при первом

порыве ветра. Мы ждем новых рыцарей новой истории, облаченных в доспехи чести и достоинства. Мы мечтаем, чтобы они были гораздо лучше прежних, ведь мы знаем, что не имеет смысла простое повторение уже пройденного, если это не продвигает нас хотя бы на шаг вперед по дороге жизни. Мы преклоняем колени перед замками – этими молчаливыми храмами рыцарства – и отдаем им пламень нашей мечты и наших дел, чтобы снова согреть эти гнезда, ради того чтобы в них вернулись сеньоры завтрашнего дня. Мы провожаем взглядом эти непоколебимые, вросшие в землю каменные корабли, для которых века – лишь минуты, а радости и горести – лишь обстоятельства на долгом пути эволюции. И мы от всего сердца просим возможности отправиться в путь вместе с этими замками и проникнуть в тайны прошлого, чтобы устремиться вперед на веслах наших благородных дел.

«Боже, каким прекрасным был бы народ, если бы у него был достойный владыка...»

Сегодня я увидела меч.

Существуют предметы, которые не меняются, несмотря на течение времени и капризы моды, потому что их совершенная форма диктуется их сутью. И меч – один из таких предметов.

Поэтому неважно, был ли увиденный мною меч древним или ему всего несколько лет. Я не стала размышлять об этом, а, стремясь проникнуть глубже, за пределы металла, из которого он сделан, сосредоточилась на тайне его формы.

Меч прост и прочен, ведь то, что он призван выражать, не допускает слабостей и не терпит бесполезных украшений. Его длина гораздо важнее, чем два других измерения, ибо меч должен действовать как продолжение человеческой руки, охватывая все пространство вокруг благодаря своей длине и проворному острию клинка.

Там, где рука держит его, он массивный и тяжелый. Рукоять – это соединение меча с Землей, металла с изначальным камнем, поэтому рука из плоти и крови держит меч в его самой материальной части. Перекрестье рукояти – яркий символ двух основных противоположенных сил. Одна из них – горизонтальная, земная, действующая в сфере проявленного. Другая – духовная, сила длинного, вертикального, прямого лезвия, устремленного вверх подобно пламени огня, – отражение человеческой воли, направляющей это ритуальное оружие.

Перекрестье меча – символ стабильности и безопасности, оно служит опорой для руки. Клинок – это воля, в нем проявляется душа меча. И так же как нет меча без рукояти или клинка, так и человек, взявший его, не станет целостным, пока не объединит в себе благородную душу и сильную руку.

По мере удаления от креста стабильности клинок совершенствует свои пропорции до тех пор, пока не сводится к одной точке – это самое простое и ясное выражение воли в действии. На острие меча нет сомнений, нет колебаний, есть лишь единство. Когда отринута всякая двойственность, любое действие проявляется наиболее полно. Острие клинка первым пронзает всё, потому что в нем нет противоречий.

Точно так же и воля человека должна быть подобна клинку меча: так же прочно опираться на землю и быть идеально отточенной на всех планах. Решимость человека подобна острию меча, которое преодолевает препятствия, направляя силу длинного клинка и мощной рукояти. Но не клинок и не рукоять начинают действие...

Вот почему в символике всех народов с историей и традицией меч наделен магическими и мистическими свойствами. Многие признавали, что духовной силы этого оружия достаточно для того, чтобы оберегать воина не только от физических, но и от психических опасностей. Меч сражался с призраками, со злыми ночными духами и тенями, с дурными мыслями.

Вот почему меч всегда считался воплощением идеала Рыцаря, Человека с большой буквы.

И нас не удивляют свидетельства рыцарей, утверждавших, что меч неизъяснимым образом был их товарищем в жизни, являя собой чудо силы и надежности, энтузиазма и чувства Божественного, отваги в ее высшем проявлении – героизма.

Сегодня я увидела меч и, взяв его в руки, почувствовала обжигающий холод его металла, мощную энергию, перетекающую из него в мое тело. Я почувствовала, что ничто не разделяет меч и мою руку, что мы единое целое, что мы слились в служении одной воле. И я вспомнила древних рыцарей... И затосковала по новым.

Ведь придут новые рыцари, чтобы силой воли сразиться с тьмой. Если не умерли мечи – а сегодня я увидела один из них, – почему должны были умереть рыцари?

... пески пустыни

Сегодня я увидела пески пустыни.

На древней земле Египта, в тех местах, где царит бог Сет и его засуха, я увидела мельчайший раскаленный золотой песок, который поглощает все, до чего может дотянуться.

Эта золотая пустыня представляет собой один из полюсов Жизни – Смерть. Но это странная смерть, в ней нет ничего темного или мрачного. Напротив, днем пустыня сверкает и переливается, потоки ветра создают из ее песков причудливые формы. Под палящим солнцем она раскалена, а при свете луны свежа и нежна, как сама ночь.

Но хотя пустыня и кажется живой, она несет в себе приглашение к смерти. Граница между жизнью и смертью здесь невероятно тонка. Достаточно одного неверного шага, чтобы потерять и путь, и даже его следы. Достаточно провести несколько лишних мгновений на солнце, чтобы жара породила бред и миражи. Пересечь эту границу – все равно что ступить на дорогу, у которой нет конца, потому что в бесконечности земные вещи теряют смысл и становятся мелкими, как пески пустыни...

Но пустыня не всемогуща. Есть сила, которая останавливает ее и лишает способности действовать. Это другой полюс Жизни – сама Жизнь, которая существует благодаря дару бога Осириса – реке Нил. Жизнь так не похожа на смерть!

Там, где протекает река, есть и плодородие, и жизненная сила, и буйство зелени. Пески отступают, и засуху сменяет восхитительная влага речных вод, которая дарует красоту всему, к чему прикасается. Граница жизни столь же хрупка, как капля росы, как пробившийся на берегу росток, как белый ибис, описывающий круги над ветвями деревьев, и так же вечна, как само дерево сикомора, дающее пристанище ибису.

Сухое и влажное. Жизнь и смерть. Бесплодие и плодородие. Золото и зелень. Солнце, которое обжигает, и солнце, которое согревает. Сет и Осирис. Нет ничего более непохожего друг на друга, чем они. Но эти боги – братья. Один – тень, другой – свет. Один – песчаная пустыня, другой – цветущий сад у воды. Но они братья, и значит один не может без другого.

Пески пустыни преподали мне свой урок. Они представляют собой одну сторону медали, которую мы называем бытием. В песках скрыта тайна древних фантастических сооружений, тайна исчезнувших мудрых жрецов, тайна ныне утерянных знаний. В своих бездонных глубинах песок хранит, оберегает эти сокровища прошлого, которые сейчас кажутся мертвыми. Но в любой момент

их может возродить магия одной капли воды... Глубоко в песках скрыты гробницы, но на их стенах еще не поблек ли древние краски...

В течении реки отражается другая сторона медали – проявленная жизнь, которая неустанно стремится к исполнению своего долга. Здесь раскрываются цветы, здесь слышны голоса животных, здесь люди усердно трудятся, чтобы поддержать ту искру бытия, которая дает им возможность существовать и которую они почитают за счастье.

Но скоро опустится ночь. Пески снова возьмут свое, и под покровом ночи пустыня снова будет охранять свои со кровища, до тех пор пока река ей это позволит. Пустыня вновь укроет покрывалом смерти и забвения старые формы, чтобы дать им возможность отдохнуть и набраться сил перед тем, как наступит момент возрождения.

Сет и Осирис сменяют друг друга, как ночь и день. Оба брата являют собой единую тайну. Чтобы перейти границу, отделяющую одного от другого, нужно совсем немного – один шаг в песках пустыни...

Сегодня я увидела ветер... Вернее сказать, не «увидела», а «ощутила» его – ощутила таким живым и близким, как никогда раньше. Ведь обычно мы живем не видя или, что еще хуже, «не проживая» ни того, что происходит вокруг, ни даже того, что происходит с нами самими.

Что могу я рассказать о ветре такого, о чем не было бы сказано в бесчисленных научных трудах? Специалисты описывают ветер как воздушные течения, которые перемещаются из-за разницы атмосферного давления. Но ветер это нечто большее. Согласиться с таким скудным описанием – все равно что под словом «человек» понимать только его внешний облик.

Сегодня я увидела в ветре наиболее полное воплощение души Земли. Души не как самой прекрасной и совершенной части нашей планеты, а лишь как «анимы», вместе со всем тем, что подразумевается под этим понятием. Эта «анима» дает Земле психическую жизнь, теплоту чувств и выражает ее самые глубокие переживания.

Итак, ветер – это психика Земли. Он непрерывно проносится из одного края планеты в другой в поисках какого-то потерянного равновесия. Он живой образ мира эмоций, где обитают и мягкие дуновения, и ужасающие бури.

Кто из нас не замирал порой, наблюдая, каким бесконечно разнообразным может быть ветер? Кто из нас летним вечером не наслаждался нежной лаской легкого ветерка? Кто не испытывал страха, слыша завывания сильного ветра в грозные ночи? Кто не порывался ответить нежностью на ласки шумливого бриза и не замирал от страха перед ревом дикой бури?

И я увидела: вся природа выражает свои чувства через посредство воздуха, ставшего ветром. Я увидела улыбку и боль, спокойствие и порыв, страстные желания и потерянные мечты, воспоминания и надежды... Я увидела, что природа, как и человек, не может избежать самой страшной пытки – страдания. Она тоже страдает, даже когда кротко улыбается, ведь это всего лишь краткая передышка перед новым сражением. Ураганные ветра выражают ее беспредельную боль от безуспешных попыток достичь равновесия. Эти ветры дуют, завывают, стелятся по земле и зовут – зовут нечто раньше принадлежавшее им, а теперь потерянное неизвестно где. На своем беспокойном пути они сметают и разрушают всё, словно ища под каждым камнем и в сердцевине каждого корня ту гармонию, которая, возможно, дарует им безмятежный покой.

Я увидела, что ветер не чужд человеку; более того, проходя сквозь него, ветер наделяет его своими качествами. Разве существует такой человек, в котором нет свойств ветра? Разве существует такой человек, который хоть раз не улыбнулся бы спокойно или не почувствовал себя выбитым из колеи своими внутренними порывами? И в нас есть психический мир ветров, которые иногда все разрушают, мчатся как одержимые за той же высшей гармонией, которой ищет вся природа.

В душе человека живут и ласковые бризы, и дикие бури. Один и тот же неукротимый, казалось бы, ветер сметает всё и в природе, и в нашей психике, и, на первый взгляд, мы ничего не можем противопоставить этой сокрушительной силе.

И остается лишь надежда, которую мы впитали в себя, читая старые, полные символов детские сказки: превратиться в волшебника и найти тот особенный звук, который остановит сумасшедший бег ветра, успокоит его и за ставит дуть в согласии с нашей умиротворяющей музыкой.

Звук сдерживается звуком. Но перед тем как найти гармоничную ноту, ноту равновесия, нужно вначале выучить величественную песнь ветра, который пронизывает всё, одинаково стеною и в листве деревьев, и в душе человека. Ветер разговаривает с нами. Давайте научимся слушать его и в минуты покоя, и во время его неистовых завываний. И тогда с помощью таинственного забытого сокровища, которое он ищет с таким усердием в самых дальних уголках Земли, мы сможем направлять его.

Его секрет – это наш секрет. Когда же мы сможем увидеть то, что ищем, если не знаем, где это потеряли?

Сегодня я увидела море...

В его водной стихии, в Первоматерии, скрывающей в своем лоне тайну появления первых форм жизни, отразился образ самой Великой Матери – Майи, Марии – вместе с волнообразной заглавной буквой ее имени.

Говорят, что природа хранит символы настолько сильные и наполненные смыслом, что они способны пробуждать спящую душу человека. И, увидев море, я поняла, что это действительно так.

На протяжении тысячелетий многие люди – подобно нам сегодня – пытались заглянуть в тайну моря, всматривались в него, задаваясь вопросом, почему оно исполнено такого величия и оказывает на нас такое воздействие.

На протяжении тысячелетий море было связано с Первичной Материей, с прообразом хаотического существования в горизонтальной плоскости, которое тогда только обретает смысл, когда его пронизывает вертикальный импульс.

Сегодня мы видим море с самых разных берегов, но оно продолжает загадывать нам те же загадки.

Если, согласно философам, время – это движущийся образ вечности, тогда море – это время. Его постоянное движение имеет те же истоки, что и никогда не прекращающаяся эволюция человека, где каждое мгновение и похоже, и не похоже на другое. Ведь не бывает ни двух абсолютно одинаковых волн, ни двух одинаковых пенных всплесков, а под видимым спокойствием поверхности моря скрыта готовность к действию – как у кошки, затаившейся перед тем, как схватить свою добычу.

Море вечно. По сравнению с тем кратким мигом, той искрой, которую люди называют жизнью, жизнь моря длится бесконечно. Оно было всегда. И даже когда мы пытаемся представить себе конец времен, в наших фантазиях мы видим величественное море, заполнившее все собой, как и при зарождении мира.

Если, по мнению философов, постоянное изменение – свойство женского начала в природе, той иллюзии, в которой мы развиваемся, тогда море женственно и обманчиво. Непредсказуемо меняются тысячи его форм, и это чудо превосходит самые смелые ожидания. Его всевозможные оттенки манят, подобно глазам женщины – Матери-Материи, – и переливаются от ярко синих через причудливо зеленые до таинственных туманно-серых. И все же вода, зачерпнутая ладонью, прозрачна... И потому все это – иллюзия.

Если, по мнению философов, сила – символ мужского начала природы, тогда море – такое же сильное, как мужчина. Его мощные пенные руки яростными волнами способны разрушить всё и унести с собой на самое дно.

Если, по словам поэтов, путешествовать значит узнавать, а узнавать значит открывать секреты природы, тогда море – это неутомимый путешественник, который день за днем совершает свой путь от одного края мира до другого, неся в своих белоснежных пальцах свидетельства своих скитаний.

Если, по словам поэтов, великодушие – это качество сердца, всегда открытого, всегда готового вместить в себя боль и страдания, превращая их в улыбки, тогда море великодушно. Оно равно принимает все реки мира, которые неустанно ищут его, чтобы обрести покой и утешение в его глубинах. Прекрасное и целомудренное, оно скрывает уродство старого и мертвого, омывая сверкающими солеными водами вечное и юное.

Если, по словам поэтов, капли дождя – это слезы неба, то море – это и слезы, и небо одновременно. Ведь его воды превращаются в пар, который поднимается в поиске небес и, не достигнув жилища богов, возвращаются в слезах, чтобы поведать о своей ностальгии по иному миру.

Если, по мнению людей, для создания уз необходимо строить мосты, тогда море – верховный жрец этой особой церемонии, связывающий миры и цивилизации, переносящий идеи и людей, корабли и мечты, поражения и победы. А пока море хранит в своих глубинах волнующее воспоминание о прошлом, ревниво оберегая свои секреты, которыми делится только тогда, когда приходит время и человек ныряет в него не только в поисках сокровищ, но и в поисках мудрости.

А происходит это тогда, когда человек благодаря Матери-Морю становится поэтом и философом.

Сегодня я увидела реку, и оказалось, что описать ее очень сложно... Она была настолько прекрасной, что мне захотелось навечно запечатлеть ее на картине, на фотографии. Но разве могут картина или фотография передать движение реки?

Моя северная река не широка и не многоводна, ее не сложно перейти вброд, а сквозь чистые неглубокие воды прекрасно видно дно. Но эта река красива и счастлива.

Какую тоску души пробудила она во мне! Я увидела, что секрет ее жизни заключен в простоте, которой нам, людям, так трудно достичь. Река знает, куда течет, и ничто не заставит ее свернуть с пути. Неумолимо течет она к морю, и каждое ее движение наполнено тоской по материнской морской стихии, которая ожидает ее в конце пути. Но река мудра: предопределенность конечной цели ее пути не внушает ей фатализм. Именно в этой неумолимой судьбе и есть ее счастье: река поет, устремляясь вперед, и поет тем сильнее, чем ближе она к цели. Река знает, кто она и куда течет.

Вода – душа моей реки. Но в этой реке также есть и земля, и небо, а весь воздух вокруг упивается ее журчанием. Она такая чистая и сверкающая, что позволяет ясно видеть ее земляное ложе – оно устлано золотыми листьями, которые осень сложила на дне, смешав охру с золотом. Она такая чистая и сверкающая, что в ее зеркальной поверхности отражается голубизна неба, делая ее похожей на безграничное пространство космоса.

Моя река терпелива. Она родилась в давние времена и из загадочной глубины горных пород принялась прокладывать свой путь наверх. Я хотела бы, подобно ей, пробиться из загадочной глубины моих истоков и собственными усилиями выстроить свой путь.

Моя река носит имя древнего божества, и я думаю, что она, не понимая человеческой переменчивости, продолжает благоговеть перед Тем, кто дал ей имя, а может быть, и жизнь.

Я шла по сухой усталой земле, а река сопровождала меня, двигаясь по своему влажному и живому руслу, и мне вспомнилось старинное предание одного народа. Давным-давно считалось, что каждый человек сам создает свой будущий «рай», пока живет на земле. Он собирает свой самый драгоценный опыт, все самое прекрасное и благородное, что будет украшать его новое жилище за пределами физического мира.

И тогда я обратилась к реке с немой мольбой. Глубоко запечатлев в своей душе ее образ, я попросила ее сопровождать

меня в рай моей мечты. Мне даже не пришло в голову спросить себя, достойна ли я рая. В этот момент я была столь же древней и предвечной, что и река, мне только хотелось живого примера постоянства и радости, чтобы подражать ему. Хорош или плох мой будущий рай, я буду ожидать его рядом с моей рекой, той, что я увидела сегодня и теперь хочу видеть всегда.

На этом повороте моей жизни я прощаюсь с тобой. До новой встречи, здесь или Там.

Сегодня я увидела снег... Но это был не тот легкий и пушистый снег, что украшает ветви деревьев на рождественских открытках. Это был снег густой, холодный, непрекращающийся и неистовый. Он обрушивался на деревья, на дома, на людей, на дороги и реки, заматывая с бешеной яростью все вокруг, словно ему нужно было спрятать под своим покровом весь мир.

Я вспомнила старинные легенды, рассказывающие о Земле, нашей планете, как о живом существе. У этого существа бывают хорошие и плохие времена, оно может болеть или быть здоровым. Я вспомнила, что в древности люди знали: когда Земля заболевает, она укутывается белым покрывалом и долго-долго отдыхает под защитой снега – до тех пор, пока столетия спустя к ней не вернется здоровье.

И я увидела больную Землю... Быть может, причиной ее страданий была она сама, а быть может – люди, живущие на ней... Я увидела, как она страдает от боли, царящей среди людей, от насилия, от безнаказанного зла, от непонимания, от того, что забыто любое проявление благородства. Я увидела, как она плачет белыми холодными слезами, как старается укутать свою земную «кожу», чтобы хоть как-то скрыть все это горе и зло.

Этот неистовый снегопад словно разговаривал с людьми. Как много он мог бы сказать, если бы мы присмотрелись внимательней! Он давал понять, сколь тщетны все наши грандиозные сооружения: достаточно просто засыпать их снегом, и они становятся совершенно бесполезны. Куда исчезли улицы? Где великолепные шоссе? Как отличить один дом от другого? Как пройти по дороге? Как проехать на суперсовременных автомобилях, если снег и лед оказались могущественнее их? Все вокруг сразу превратилось в однообразную белую равнину, где человек чувствует себя одиноким и беззащитным и где даже самое малое расстояние становится огромным и почти непреодолимым...

Но снегопад не вечен. Вслед за снегом я увидела восход солнца. Сначала робкое и бледное, оно понемногу набирало силу, пока не осветило все небо, которое из свинцово-серого стало ярко-голубым. Иссякли холодные белые слезы. Снежный покров растаял, и все предметы вновь стали видны – чистые, яркие и блестящие от капель воды.

И я вспомнила древние легенды о том благословении, которое дарует нам солнце...

Никогда еще оно не казалось мне таким прекрасным, никогда

еще я не ждала его с таким волнением. Никогда я так глубоко не ощущала, какое это чудо – его постоянное и часто не замечаемое нами присутствие.

Я поняла, что мы, люди, тоже можем болеть этим морозом и холодом, и тогда милосердный белый покров скрывает ужасы наших заблуждений, слабость, ложь и жестокость. Тогда мы насквозь промерзаем, застываем в ледяной скорлупе нашей собственной материальной природы. Но я поняла также, что в нашей душе может вы глянуть внутреннее солнце, которое будет согревать нас своим всепобеждающим светом, пока не растает снег и не пройдет зима, в плену которой мы живем сейчас.

И когда я увидела все это, солнце на небе показалось мне подобным тому духовному солнцу, которое когда-нибудь взойдет, озаряя глаза людей.

Я обрела несокрушимую уверенность в том, что это прекрасное светило будет неизменно всходить каждое утро, хотя грозовые тучи могут иногда закрывать его. Но вдруг, лишь на один миг, меня пронзило сомнение: а взойдет ли завтра внутреннее солнце, дремлющее в душе каждого из нас? Не будет ли слишком поздно? Не сотрет ли навечно снег наши человеческие черты? Найдем ли мы в себе божественную силу, способную помочь движению наших внутренних светил?

Если найдем, то завтра вместо снега мы увидим солнце.

Сегодня я увидела каплю воды. Поразительно, как много нужно повидать на своем веку, чтобы однажды обратить внимание на крошечную каплю воды.

Когда наши претензии чрезмерны, мы любим мечтать о великом – о великих знаниях, великих тайнах, великих словах... И тогда малое и простое исчезает из поля нашего зрения. И действительно, что такое, в сущности, капля воды?

Но по мере того как течет время и наполняется сосуд на шей жизни, мы начинаем видеть в самом простом совершенное единство самого сложного, а в самом малом – зародыш бесконечно большого. Капля воды сверкает так же, как сама Вселенная.

Я увидела, что маленькая округлая капля, как и все сущее, упорно стремится к совершенной форме. Изгибы ее контура поведали мне о долгих усилиях по сглаживанию граней. Они рассказали мне о далекой и в то же время предчувствуемой гармонии, которая управляет из вечной сферичностью космоса.

Я увидела, как она прозрачна. Миллионы камней, деревьев, животных и людей имеют непрозрачные тела, а капля воды позволяет свету свободно и чисто проходить сквозь себя, рождая волшебство тысячи и одного цвета. Мы не видим сами и не позволяем другим видеть сквозь нас, а капля воды открывается миру в своей кристальной чистоте, чтобы принять в себя всё – и всё отдать. В ее прозрачности ничто не задерживается и продолжает двигаться с той же силой, с какой мир устремляется на встречу своей судьбе.

Благодаря опыту и воображению я увидела бесчисленное множество крошечных жизней, которые рождаются и развиваются в капле воды. Будучи прозрачной, она, тем не менее, полна жизни, и мельчайшие, не крупнее атома, тельца копошатся в ней так же свободно, как на лучшей из планет.

Я увидела, насколько она мала. Но ее малый размер не означает, что она мала во всем остальном, наоборот, я убеждена в том, что совершенное проявление не нуждается в излишке материи. Капля воды доказывает это своим крохотным размером.

Когда великое и малое соединяются таким чудесным образом, когда космос и капля оказываются похожи друг на друга, когда в простой чистоте того, чего мы никогда прежде не видели, вдруг открываются сотни секретов – тогда мы предстаем перед таинством нового способа общения. Мы способны понимать по-новому и сделать так, чтобы нас по-новому понимали. Мы можем

слушать и говорить на совсем ином языке.

Тогда все заумные разглагольствования покажутся нам плотным слоем лака, призванным скрыть наше невежество и страх перед бесконечностью. Чем больше мы говорим и чем больше определений даем, тем менее ясными становятся наши объяснения, тем больше обнаруживается наше незнание того, что мы пытаемся объяснить. Простота капли требует иной простоты души, иной простоты языка, иной простоты чувств и мыслей.

Бесконечность внушает страх, когда мы ощущаем ее как нечто, не имеющее конца... И она действительно не имеет конца, но при этом, возможно, обладает какой-то единицей измерения или критерием, который позволяет нам ее постигать. Бесконечно большое недоступно нашему разуму; бесконечно малое и неделимое недоступно нашему воображению. Капля воды служит нам примером того, что малое таит в себе формы жизни еще меньшие – и потому она большая; и вместе с тем она действительно мала, ведь она может раствориться в океане.

Сегодня я увидела каплю воды... И этот образ дополнил все те образы, которые я уже видела или когда-либо увижу. Сегодня я увидела, как велико и как мало было то, что я должна была увидеть.